

Дурман М.А.
Хохлов В.В.

Н О В Е Л Л Ы
О К Р И М И Н А Л И С Т И К Е

УДК 61:340.6+343.9

Фурман М.А., Хохлов В.В.

Новеллы о криминалистике. Повести и рассказы. Часть III. - Смоленск, 2000. - 146 с.

ISBN 5-87349-069-4

© М.А. Фурман, В.В. Хохлов, 2000

От авторов*

О редкой профессии судебного медика, случаях из собственной практики и своих коллег мы пишем уже много лет. Наши судебные очерки и рассказы печатались в ряде центральных изданий - «Огоньке», «Человеке и законе», «Неделе», «Российской юстиции», «Медицинской газете», «Науке и религии», сборниках и альманахах, выходили отдельными изданиями у нас в стране и за рубежом.

В этой книге собраны новеллы-расследования и об обычных, и об исключительных экспертизах. Мы попытались отойти от традиций очерков подобного рода, взяв за основу личные ощущения и раздумья судебно-медицинского эксперта при расследовании конкретных преступлений.

Эпизоды труда судебного медика от начального этапа следствия до его финала изложены в свободной повествовательной манере, при этом приведены наиболее показательные случаи по видам судебно-медицинских экспертиз.

Думается, книга будет полезной прежде всего для молодых начинающих юристов при изучении курса судебной медицины, студентов медицинских вузов, а также удовлетворит любознательность широкого круга читателей, интересующихся нашей профессией и криминалистикой.

М. Фурман, В. Хохлов

* В части рассказов повествование ведется от имени одного лица

*Я не люблю, когда - наполовину
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрела в упор.*

В. Высоцкий

Убийство с применением ручного огнестрельного оружия и последующим сокрытием трупа всегда представляло определенные сложности для судебно-медицинской экспертизы. При обнаружении тела погибшего судебным медикам приходится решать ряд специальных вопросов: расположение входного, при сквозных ранениях, и выходного огнестрельных отверстий, наличие следов близкого выстрела, дистанция выстрела, вид и калибр оружия, взаиморасположение стрелявшего и потерпевшего и т.д. Также исследования проводятся в медико-криминалистических отделениях областных бюро, криминалистических отделениях юстиции и органов милиции. Раньше преступления, подобные описанному ниже, встречались довольно редко. Теперь количество убийств, связанных с огнестрельным оружием, резко возросло, и нет абсолютно никакой уверенности в снижении их числа в будущем. Этот не столь давний случай взят из собственной практики.

* * *

Ныне это преступление раскрыто. Труд и усилия многих людей - сотрудников уголовного розыска нескольких областей России, бригады, ведущей расследование, экспертов - сконцентрированы в строках судебного приговора. На скамье подсудимых двое. А. Козуляев и А. Куляскин, почти одногодки, и помимо некоего сходства фамилий даже чем-то внешне похожи друг на друга. Оба худошавые, не первой молодости (им за тридцать), с эдакой пустотой во взоре, но не без наглости, свойственной лицам определенного рода.

А вот строки из материалов уголовного дела: «...Однако обвиняемые дали противоречивые показания. Так, Козуляев показал, что выстрел из пистолета в потерпевшего произвел Куляскин, который, в свою очередь, заявил, что стрелял не он, а Козуляев».

Поистине криминальная история. Началась она 30 мая, когда водитель автомашины «Волга» И. Балугин выехал из Нижнего Новгорода в сторону Москвы. Путь ему предстоял сравнительно короткий, если учитывать специфику работы Калугина - профессиональный шофер-перегонщик. Для водителей такого класса дорога от Н. Новгорода до Смоленска укладывается в пределы 1-1,5 суток. Иногда чуть больше в зависимости от дорожных условий, погоды и прочих переменных факторов.

Однако до Смоленска Балугин не доехал. Пропал бесследно, исчез, словно испарился. «Возможно, попал по дороге в больницу, только в какую, почему не дает знать о себе?» - ломали в догадках и беспокойстве головы родные и сослуживцы. Шли дни... Три недели спустя, в двадцатых числах июня, труп водителя был обнаружен в придорожном кювете на территории Владимирской области. Районный судебно-медицинский эксперт установил, что смерть Балугина наступила мгновенно от сквозного огнестрельного ранения головы. Так как входная рана находилась в затылочной области, он полагал, что в Балугина стреляли сзади, вероятнее всего, с заднего сиденья. А «Волга» желтого цвета с транзитным номером и знаком «Перегон» пропала...

Сложная задача выпала на долю Владимирского областного управления уголовного розыска. Говорит старший инспектор уголовного розыска В.А. Гаврилов:

- Признаться, мы были ошеломлены дерзостью случившегося. Стало ясно, что начинается борьба с опасными преступниками, которые не остановятся ни перед чем, к тому же - вооружены. Психологическая подоплека их действий не вызвала сомнений: они охотились за «Волгой». Но с момента убийства прошло три недели, и это усложнило наши поиски. К

тому же, никто не мог дать гарантий, что после убийства Калугина не будут совершены новые преступления. Начинать надо было с Н. Новгорода.

Сложности, стоявшие перед уголовным розыском, станут понятными, если назвать только одну цифру: 30 мая, в день выезда Калугина из автопарка, в сторону столицы ушло свыше двадцати автомашин «Волга». Опрошен каждый из водителей. И вот ниточка - вечером того же дня у Московского вокзала Н. Новгорода один из шоферов видел Калугина и даже перекинулся с ним несколькими словами.

- Я предложил Ивану Васильевичу ехать вместе, - сказал водитель, - но он отказался, так как хотел попутно захватить пассажиров до Москвы.

- Погода хорошая, дорога в отличном состоянии, поэтому спешить некуда, - рассуждал Балугин.

- Мы покурили, он остался, а я уехал.

С тех пор Калугина никто не видел. Безрезультатным оказался и опрос постов ГИБДД по всей трассе от Н. Новгорода до Москвы. Тщательный осмотр места происшествия (труп находился в дорожном кювете, был прикрыт ветками и несколькими тяжелыми булыжниками) мало что прояснил. Пулю обнаружить тоже не удалось. Оставалась надежда на лабораторные исследования. На следующий день после вскрытия кожный лоскут из области головы Балугина, с подозрением на повреждение, доставили в медико-криминалистическое отделение судебно-медицинской экспертизы.

Трехнедельное пребывание под июньской жарой, понятно, не способствовало сохранности объектов. И все же на коже в окружности входной огнестрельной раны методом цветных отпечатков удалось выявить значительные отложения меди, что свидетельствовало о производстве выстрела с довольно близкой дистанции оболочечной пулей (в химическом составе оболочек таких пуль медь преобладает над другими металлами), еще большую информацию дало изучение входного и выходного отверстий на черепе. Обычно входное отверстие на кости гораздо лучше передает форму и калибр огнестрельного снаряда, тогда как выходное, образуемое при разрыве тканей изнутри, бывает неправильной формы, с множественными дополнительными трещинами и выкрашиванием. Парадоксально, но тут оказалась прямо противоположная картина. Если входная рана была непригодна для суждения о размерах пули, то выходную - идеальное круглое отверстие с ровными краями - удалось точно измерить штангенциркулем. Диаметр его составил ровно девять миллиметров.

- Похоже, что задействован пистолет Макарова, - коллегиально решили мы с криминалистами.

Легко ли искать иголку в стоге сена? Вспоминается эта пословица, когда видишь огромную работу, всего за несколько дней проведенную мили-

цией Н. Новгорода и Владимира. Конечно, захватив попутных пассажиров, Балугин грубо нарушил служебную инструкцию, которая запрещает водителям брать при перегонах посторонних лиц и различные грузы. Именно при отработке этой версии в поле зрения уголовного розыска попали Козуляев и Куляскин.

- Мы «вышли» на них не совсем обычным способом, - продолжает В.А. Гаврилов. - Помогло знание психологии подобных лиц. Среди ряда версий отработывалась и такая, поначалу казавшаяся абсолютно бесперспективной: предположили, что «для храбрости» им понадобилось спиртное. Через некоторое время нашли и тот ресторан, находившийся на самом выезде из города, где преступники купили водку. Во время довольно обстоятельного и серьезного разговора с одним из официантов им была названа фамилия Куляскин. «Он частенько бывал у нас, - сказал официант. - В последний раз заходил около месяца назад. Видно было, что торопится. Купил две бутылки водки и сообщил, что вместе с приятелем едет за машиной. Через окно я увидел, как он сел в машину «Волга» желтого цвета...»

- О приятеле Куляскина - Александре Козуляеве по кличке «Бурнаш» - мы узнали днем позже, - говорит Гаврилов, - побывав у нижегородского магазина «Автомобилист». Там их всегда видели вместе...

Буквально в течение суток собраны сведения о личности подозреваемых, по минутам расписаны дни, прожитые ими после убийства Балугина. Но как раз неделя, следовавшая за смертью Балугина, включая день его гибели, выпадала из тщательно собираемой цепочки. А когда В.А. Гаврилов выяснил, наконец, где находились в то время подозреваемые, он даже присвистнул от удивления. Следы вели на юг, в Сочи.

Группе, занимавшейся расследованием убийства, пришлось разделиться. Часть ее продолжала поиск непосредственно на месте, а А.И. Парфенов и В.М. Ермилов из столицы вылетели в Сочи. В самый разгар курортного сезона билеты достали с трудом, не без помощи коллег из Москвы. Говорит подполковник Парфенов:

- К утру крутыми горными дорогами мы добрались до села Лачкау. Село небольшое - всего шесть домов. Поэтому установить, что в нем проживает старый знакомый Козуляева по заключению - некий Руслан Алиев, не составило особого труда. Правда, самого хозяина дома не оказалось. К тому времени он уже был осужден за мошенничество и спекуляцию. Во дворе родственников Алиева и была обнаружена пропавшая «Волга» лимонно-желтого цвета.

Уголовному розыску стало известно, что с целью продажи автомашины Козуляев и Куляскин действительно побывали в Лачкау. Правда, всего

одни сутки. Хотя «алиби» слово иностранного происхождения, оба понимали, что в определенных обстоятельствах оно может оказаться для них не просто юридическим понятием. Сочинив легенду об отдыхе на берегу Черного моря в Сочи, где их ожидают жены, оба уехали из села.

- За «Волгой» заеду на обратном пути, - сказал Козуляев хозяевам, - а пока ищите покупателей.

Даже поверхностный осмотр автомашины, без последовавших в дальнейшем экспертиз, показал, что доставлена она сюда отнюдь не законным путем. Нет, управление, освещение, шины и прочие детали были в порядке. Но были и повреждения. Полностью разбито левое боковое водительское стекло и частично стекло на одном из приборов панели управления.¹

- Выстрел из пистолета, - коротко констатировал Александр Парфенов. Последовал звонок в Горький. Ранним утром следующего дня Козуляев и Куляскин были арестованы. Спрашиваю у В.А. Гаврилова о моменте их задержания: ведь преступники были вооружены. Обычно интересный собеседник, В.А. Гаврилов на сей раз был немногословен:

- Дело техники, - ответил он. - Что касается пистолета, его мы изъяли при обыске у Козуляева.

Улики оказались весомыми, и вскоре преступники рассказали о содеянном. План похищения автомашины был ими детально разработан. Вначале Козуляев «одалживает» оружие у одного из жителей (ныне осужденного) города Павлове Пистолет системы Макарова, калибра 9 миллиметров (тут мы с криминалистами не ошиблись), оказался в полной исправности. В заброшенном карьере на берегу Оки Козуляев и Куляскин по очереди стреляют по импровизированным мишеням, дабы убедиться в надежности оружия. Через три дня оба отправляются на Московский вокзал Нижнего Новгорода. Почти в течение целого дня им «не везет», и лишь поздно вечером 30 мая к вокзалу подходит автомашина «Волга» желтого цвета с транзитным номером. Договариваются с Калугиным о поездке до Москвы. Чтобы у водителя не было подозрений, долго торгуются. Наконец, договариваются о цене. Не знал Балугин, что у него за спиной в течение нескольких часов шел долгий и жесткий спор о том, кому брать в руки пистолет. И вот Козуляев решается. Около двух часов ночи водитель по его просьбе остановил автомашину. Преступник достает пистолет из портфеля и стреляет сзади, в упор. Потом сам садится за руль. Они ехали быстро, почти без отдыха. Теперь их гонит вперед не только страсть к наживе, стремление поскорее сбыть автомашину, но и страх перед совершенным.

В дороге у преступников было достаточно времени для разговоров о сокрытии убийства. Продумали, казалось бы, все детали. Машина, по их мнению, в надежном месте, и они возвращаются в Нижний Новгород. Так проходит неделя, другая. Внешне все спокойно. Тогда поочередно каждый звонит в Лачкау, справляясь о покупателях.

Вспоминаю зал суда... Помимо барьера, отделявшего опасных преступников от остальных людей, присутствовавших на процессе, между ними также стояли конвоиры. Это оказалось не лишним в той ситуации, которая сложилась к этому моменту между подсудимыми. Если раньше, в период подготовки к совершению преступления, они действовали коллективно, в унисон, словно одно лицо, то теперь «дружба», взаимные симпатии растаяли как прошлогодний снег. За несколько минут они стали врагами. Вначале Козуляев прикидывался невменяемым, пытаясь сбить с толку судей и прокурора. Когда этот номер не прошел, он отказался от своих показаний, утверждая, что стрелял в водителя не он, а Куляскин. Тот отрицал это, и в ходе процесса возникла шумная сцена со взаимными обвинениями. Тут, наверное, не стоит искать причины этого феномена: так живет человек, что только истинно благородные цели цементируют и сплачивают людей, преступление никогда не сближает. Только оно совершилось - все врассыпную... Потом «друзьям», наверное, не раз и не два снилась тихая майская ночь и эхо выстрела в темном салоне «Волги»...

Делом по убийству Ивана Васильевича Балугина занимался большой коллектив людей. Это их совместными усилиями преступление было раскрыто в максимально возможный короткий срок: спустя месяц после его совершения. Приговор коллегии Владимирского областного суда был суров: А. Козуляев приговорен к исключительной мере наказания, А. Куляскин осужден на 15 лет лишения свободы.

А огнестрельное повреждение на кости с редким выходным отверстием, по которому удалось определить с точностью до миллиметра калибр пистолета, заняло свое место в небольшом музее медико-криминалистического отделения.

В природе есть много загадочного и темного, но в жизни часто приходится наталкиваться на явления, которые решительно не поддаются объяснению...

- Нет действия без причины, - сказал доктор. - Есть смерть, значит, есть причина.

А. П. Чехов

В одном из предыдущих материалов уже рассказывалось о многообразии трагедий, связанных с охотничьим ружьем. Здесь тоже драма * на охоте, осложненная пресловутой загадкой: убийство или несчастный случай?

В расследовании таких эпизодов нет мелочей, крайне любопытна необычность ситуации, которую, в конце концов, разгадали ведущие судебно-медицинские эксперты Нижегородского областного бюро. Случай показателен и тем, что судебные медики с помощью новейших достижений медицины, биологии и криминалистики могут подняться над тайной в ситуациях необычных, запутанных и исключительных.

* * *

Передо мной два экспертных заключения. Каждое подробное, обстоятельное, на теперь уже пожелтевших от времени машинописных страницах. В свое время эти экспертизы взбудоражили многих медиков и юристов старинного города на Волге. Давняя та история - трагическая и загадочная - была связана со смертью видного профессора - хирурга Александра Владимировича Константинова. Разные высказывались точки зрения, разные суждения...

Да и теперь время от времени о том случае вспоминают, его рассказывают молодым экспертам. И не просто как байку, занимательную легенду, а оценивая ситуацию в своем роде исключительную, редкую, овеянную искрами вдохновения и таланта тех судебных медиков, которые непосредственно занимались этим делом. Сразу же и познакомлю с ними - судебно-медицинские эксперты Нижегородского областного бюро, кандидаты медицинских наук Л.М. Фридман и А.Л. Федоровцев.

Давно зная каждого, доводилось нам и работать вместе, обратился поначалу к Фридману:

- Лев Михайлович, ведь ты проводил экспертизу, связанную со смертью на охоте профессора Константинова? Расскажи, пожалуйста, поподробнее, а то, помнится, слухи ходили самые разные, противоречивые. Конечно, все есть в самих документах - вот они передо мной, но все-таки лучше узнать об этом не из официальных бумаг, а от тебя лично, из первых уст.

Замечу, что Лев Михайлович как рассказчик великолепен. Впрочем, как и во всем, чем занимается, - будь то судебная медицина или его давняя страсть и любовь - автомашины, где каких-либо тайн для Фридмана просто не существует.

Но надо знать Фридмана... Видно, в тот день у него были совсем иные планы. А может быть, ему следовало подготовиться, настроиться, продумать пережитое, или просто вдохновение не снизошло, опять же усталость от работы. Подумав, он предложил:

- В общем-то, я не против. Но не сегодня. День выдался суматошный, с раннего утра возился с машиной, потом две комиссионные экспертизы в разных местах города. Заходи-ка во вторник в наше бюро. Я как раз дежурю, там и поговорим.

Вечером во вторник я подошел к темному большому зданию бюро, которое в Нижнем Новгороде находится чуть в стороне от проспекта Гагарина, рядом с мединститутом. На первом этаже светилось лишь одно окно - в комнате дежурного эксперта. Обстановка самая что ни

на есть рабочая: стол, несколько стульев, телефон. Правда, не без удобств - в углу на тумбочке маленький цветной телевизор, тут же старый кожаный диван, на котором сидело не одно поколение судебных медиков.

Лев Михайлович, видно, заранее настроился на нужную волну. Сообщив, что пока в городе все спокойно, он включил электрочайник, достал пачку чая. Мы расположились на поскрипывающем диване, заварили покрепче чай, и Фридман начал свой рйссказ.

Как и любой из опытных врачей-хирургов, Александр Владимирович Константинов был весьма популярен в народе. Больные чувствовали себя спокойнее, если их оперировал именно Константинов. Трудился он в нейрохирургии - одном из самых сложных разделов медицины, и не без успеха: процент удачных операций был у профессора куда выше, чем у коллег.

Еще будучи студентом, Константинов увлекся хирургией. На третьем курсе он пришел в научный кружок, где трудился самозабвенно и с увлечением. Вполне логично, что после окончания медицинского института его оставили в аспирантуре. Через три года он защитил кандидатскую, начал собирать материалы для докторской. В родном городе Константинов стал профессором, а дальше обычная история: молодого талантливого ученого заметила Москва. Его пригласили в один из ведущих научно-исследовательских институтов по нейрохирургии и, хотя Александр Владимирович поначалу колебался, убедили в конце концов, что именно здесь он принесет наибольшую пользу отечественной медицине.

Наверное, ни один из уважающих свою профессию ученых-практиков не устоит перед подобным аргументом, и Константинов переехал в столицу. Однако связи с нижегородцами не терял. Когда звали, приезжал консультировать сложных больных, участвовал в операциях, охотно выступал время от времени с докладами на научных обществах.

Той зимой, в конце ноября, он получил из Нижнего Новгорода письмо.

Начав с обычных медицинских новостей да приветов, приятель-хирург между строк кинул фразу о том, что в Дальнем лесу на севере области появились кабаны. То был заранее задуманный и тонко рассчитанный удар.

- Кабаны!?! - хмыкнул Константинов. - Да их там никогда не было. Водились лоси, всякая мелочь вроде зайцев и лис, когда-то забредали медведи из кировских лесов, но чтобы кабаны...

Страстный охотник, Алекса! шр Владимирович не раз бывал в этом лесу. Он вспомнил тамошнего егеря Скворцова, которого все звали попросту Петровичем, и вскоре чувство тоски по тем знакомым заповедным местам, вторгающееся внезапно, как любовь, в каждого настоящего охотника,

овладела им. Константинов не выдержал и позвонил в Нижний Новгород.

Надо ли говорить, что там ждали этого звонка. Охоту наметили на конец декабря, за неделю до Нового года. В предвкушении ее Александр Владимирович теперь подолгу задерживался в клинике, стремясь освободиться от всех забот и прооперировать плановых больных. Выезд профессор наметил на четверг после обеда, полагая, что к десяти вечера он будет в Нижнем Новгороде. Заранее подготовил все необходимое: полшубок, две пары валенок, сшитый по особому заказу ватный военный комбинезон - подарок когда-то прооперированного им крупного армейского чина. Поверх всего в багажник «Волги» легло охотничье снаряжение - пятизарядный автоматический «браунинг» двенадцатого калибра и несколько коробок с фирменными итальянскими патронами - память о прошлогоднем международном симпозиуме по хирургии.

Лев Михайлович как многоопытный рассказчик вел свое повествование плавно, не спеша. Он знал цену и толк устному слову, а несомненный литературный дар (Фридман время от времени по настроению пишет отличные стихи да самодеятельные песни, к тому же автор двух популярных книг по автомобилизму) украсил этот вечер лирическими отступлениями от основной темы. Важно также, что он лично был знаком с Константиновым, встречался с ним.

- Сам я не охотник, а только рыбак, - самокритично произнес мой собеседник. - Это, считай, забава рангом пониже. Среди охотников, как в боксе, например, есть свои весовые категории. Так вот Константинова я бы отнес к полутяжеловесам, ему до высшего ранга осталось совсем чуть-чуть. Вот скажи: купил бы ты на скудные валютные средства в заграничной командировке импортные патроны? То-то и оно. В этом деле он был настоящий фанат.

Пусть не удивляет читателя, что любопытные детали, подробности той давней истории Фридман знал до мелочей. Впрочем, это неудивительно: как судебно-медицинский эксперт он около двух недель занимался этим делом. Вник в его суть по-настоящему профессионально, вписал намертво в свою биографию, увидев за кадром то, на что другой человек не обратил бы внимания.

В пятницу поздним вечером на стареньком «УАЗе» охотники добрались до Дальнего леса. Здесь среди березовой рощи стоял крепкий бревенчатый дом. Егерь Скворцов, предупрежденный заранее, уже ждал гостей. Он обнял каждого поочередно, задержав в объятиях чуть дольше других Константинова. Все-таки долго не виделись эти люди, испыты-

вавшие друг к другу взаимные симпатии. Вскоре хозяйка внесла кипящий самовар, и все расселись за большим деревенским столом. Приехавших было пятеро: трое хирургов из нижегородской клиники, где раньше работал Константинов, главный врач местной участковой больницы, наконец, сам профессор. За чаепитием Александр Владимирович упомянул об итальянских патронах. Разом все ожились. Импортные коробки в блестящей упаковке из белого высококачественного картона пошли по рукам. Дабы погасить искорки зависти, Константинов, перекрывая общий шум, громко произнес:

- У кого двенадцатый калибр, поднимай руки!

Таких оказалось трое, включая самого профессора. Каждому он выдал по четыре итальянских патрона, тут же установил приз: целую коробку тому, кто окажется наиболее удачлив на охоте. Попросил редкие боеприпасы и Скворцов:

- Хотя я, Константинович, обычно с шестнадцатым калибром хожу, но есть у меня другое ружье, под твой заряд. Ты уж уважь, отсыпь припасу.

И ему Александр Владимирович дал положенную норму. Спать легли за полночь, впрочем, и торопиться было некуда: под лампой назначили на восемь часов утра.

День выдался особенный, будто по заказу. Вчерашняя метель, стихнув, сменилась легким бодрящим морозцем. Когда охотники, выйдя из дома, собрались в кружок перекурить, первые солнечные лучи сквозь заиндеветшие деревья легли с безоблачного чистого неба на ближние поляны. Скворцов по долгу хозяина встал раньше других и вывел из гаража предназначенный ему для службы дребезжащий «газик», потом выпустил из сарая двух резвых охотничьих собак. Ждали загонщиков, вскоре появились и они - все местные, приятели Скворцова.

Наконец расселись по машинам, и те, надрывно завывая, прибавив снежную целину, выехали на просеку. Километра через три высадили загонщиков, а Скворцов повез стрелков на другую сторону лесного квартала. Тут он чувствовал себя в своей стихии. Быстро развел людей по номерам и, лишь убедившись в правильности и безопасности расстановки, занял свое место под раскидистой елью, метрах в ста от Константинова.

Свежий морозный воздух разорвал звук охотничьего ружья. Потом опять наступила тишина. Вскоре послышались вдали, будто с неба, далекие крики загонщиков, перемежаемые собачьим лаем, шумом и треском сучьев.

За деревьями стремительно мелькнуло продолговатое черное пятно, врезавшееся с разбега в павшую сухую березку. Дерево пушинкой отлетело в сторону, и в сиянии снежной пыли на узкую тропку выскочил крупный темно-бурый секач с ошетилившимся загривком и агрессивно устремленной вперед головой. Звуки выстрелов разом взорвали лесную тишь. Кабан на миг застыл, словно раздумывая, в какую сторону ему бежать, сделал несколько больших прыжков и скрылся в чаще. Вслед зверю, как окончание неудачно сыгранной увертюры, прогремели два одинаковых выстрела.

Потом на поляне появился Скворцов, без шапки, с разгоряченным от азарта лицом. По сигналу егерского рожка участники охоты потянулись на звук трубы. Минут через пятнадцать-двадцать собрались все, включая и самых дальних - загонщиков. Не было лишь Константинова.

Пока обменивались мнениями (в общем-то, было ясно, что кабан оказался куда проворнее охотников), Скворцов, любивший во всем порядок, попросил людей не расходиться.

- Время еще есть, - сказал егер. - До темноты сделаем вторую попытку. Тут неподалеку, за болотом, километра за два по прямой, есть кабанье семейство. Попробуем их поднять. Вы перекурите, а я схожу за Константиновым, что-то он подзадержался. Егер направился к просеке, как тут его кто-то окликнул:

- Гляди, Егор Петрович! - воскликнул один из загонщиков. - А секача мы все-таки подстрелили.

Действительно, на снегу редкой цепочкой, подобно высыпавшимся из лукошка ягодам, атели небольшие, размером с двухкопеечную монету, капельки крови.

- Ранение пустяковое, - Скворцов тронул снег валенком. - Но теперь нам его не догнать. Верно, за километры ушел. Попробуем все-таки тех, что за болотом.

Он выбрался на тропу и скрылся за деревьями. Прошло несколько минут, как вдруг послышался тревожный крик егеря. Скворцов кричал громко, с надрывом, не жалея голосовых связок. Все заспешили на его зов.

Константинов лежал на спине метрах в пятнадцати от просеки в глубоком снегу. Редкие снежинки ложились на бледное лицо, а от виска спускался к щеке потек крови. Рядом валялось ружье - тот самый знаменитый «браунинг», на прикладе которого тоже была кровь.

Врачи, оттеснив остальных, склонились над профессором. Слышались их возбужденные нервные голоса, отрывистые фразы. Потом доцент Яков-

лев на правах старшего, словно на консилиуме ставя диагноз, тихо произнес:

- Похоже, ранение смертельное. Тут медицина бессильна. Вызывай, Петрович, милицию, теперь без нее не обойтись.

Лев Михайлович встал и подошел к окну. Он всматривался в вечерние огни за запотевшим стеклом долго и внимательно, мысленно возвращаясь в тот зимний день, когда в Дальнем лесу увидел на заснеженной поляне в лучах заходящего солнца тело Константинова. После продолжительной паузы Фридман произнес:

- Конечно, смерть видного профессора-нейрохирурга привлекла всеобщее внимание. Хотя начальник милиции настаивал на немедленном вскрытии, прокурор района, многоопытный юрист с большим стажем, действовал обдуманно, не спеша. Оценив ситуацию, он распорядился вызвать на место происшествия криминалистов и судебно-медицинского эксперта. О случившемся в Нижнем Новгороде узнали около полудня, но лишь к четырем часам усиленная опергруппа добралась до места охоты. Быстро, за каких-нибудь полчаса осмотрели все вокруг, из-за наступившей темноты вернулись в райцентр.

По словам Льва Михайловича, версия о роде смерти профессора высказывалась большинством вполне определенно - неосторожное убийство. Как всегда в подобных случаях, находились люди, скептически относящиеся к такой точке зрения.

- Почему неосторожное? - возразил кто-то из сотрудников уголовного розыска, - действительное отсутствие умысла еще надо доказать.

- Так как ранение слепое, нам нужна пуля, - произнес криминалист. - Окончательные выводы можно сделать лишь после баллистической экспертизы. Необходимо также установить направление и дистанцию выстрела, тогда отпадут ненужные версии.

Спор, затянувшийся до позднего вечера, прервал прокурор. По его предложению, которое поддержал Фридман, тело Константинова решили перевезти в Нижний Новгород и там в условиях современного, оснащенного всем необходимым морга произвести вскрытие, экспертизы-криминалисты должны были остаться в райцентре и с утра начать повторный предельно тщательный осмотр места происшествия.

- Оба предложения оказались дельными, - заметил Лев Михайлович, - я с ними полностью согласился. Решение вопроса откладывалось до завтрашнего дня. Несмотря на усталость, пришлось провести тревожную, почти бессонную ночь.

Об этом Фридман мог и не говорить. Любому судебному медику знакомо чувство напряжения, которое испытывают даже опытные врачи перед сложным, решающим все или почти все секционным исследованием тела погибшего. Истина, стремление заглянуть в неведомое и, наконец, разгадка происшедшего - определяющая мера вины или, наоборот, невинности человека - вот те вершины торжества справедливости, которые постоянно влекут и будут вести вперед экспертов.

К утру следующего дня в секционной областной бюро все подготовили для производства вскрытия. Присутствовало много людей - эксперты, сотрудники прокуратуры, уголовного розыска. Пока Фридман диктовал машинистке вводную часть заключения, Константиновым занялся заведующий медико-криминалистическим отделением Андрей Федоровцев. Он многократно, с помощью вспышки и удлинительных колец, сфотографировал повреждения на коже головы и шапке профессора, через которую прошла пуля. Затем к столу подкатили переносной рентгеновский аппарат. Эксперты полагали, что предварительная рентгенография поможет определить расположение пули, направление раневого канала и выявит возможные следы металла по краям повреждений от огнестрельного снаряда.

Вскоре на мокрых рентгенограммах черепа все увидели отчетливо просматривающиеся контуры инородного тела.

- Вот она, пуля, - произнес Федоровцев, передавая снимок Фридману. - Канал имеет восходящее направление, идет, судя по всему, спереди назад и слева направо. Следы металлизации минимальные, похоже, выстрел произведен с дальней дистанции.

- Действительно, следов близкого выстрела нет, - согласился Лев Михайлович. - Ни копоти, ни порошинок. Однако, Андрей Леонидович, обратите внимание на почти квадратную форму раны. Посмотрим, что будет дальше.

Он отвел вверх край кожного лоскута, и все увидели в лобно-височной области зияющий прямоугольной формы дырчатый перелом свода черепа с ровными, местами мелкозубчатыми краями.

- Вот это отверстие! - воскликнул Федоровцев. - Похоже, Лев Михайлович, что пуля вошла в голову под значительным уклоном.

- Без сомнения, так оно и есть. Ударилась плашмя, боковой стороной. Видно, что-то ей помешало. - Фридман продолжил свою работу, а минут через десять добрался до пули. Он положил в эмалированную кювету свинцовую, тускло блестящую пластинку.

После окончания вскрытия эксперты поднялись наверх в медико-криминалистическое отделение. Здесь, в лабораторных условиях, они решили еще раз, теперь уже используя микроскопическую технику, осмотреть все изъятые объекты.

- Обычно этим мы занимаемся не сразу, - произнес Фридман. - Печатаем акт, пишем направления в различные лаборатории, а тут неясная ситуация, которая и на вскрытии пока не очень-то прояснилась. В общем, наверное, сработала интуиция, все-таки микроскопы, знаешь сам, эксперты обожают. Я на время отключился, попросту отдыхал, а Федоровцев начал возиться с пулей. Вдруг слышу его голос:

- Лев Михайлович! Взгляните-ка в микроскоп.
- И тут я увидел... Впрочем, почитай-ка об этом сам.

Фридман положил на стол заключение медико-криминалистической экспертизы, отпечатанное на фирменном бланке бюро. Описание пули, сделанное Федоровцевым, подчеркнуто красным карандашом. Приведу его почти полностью: «Пуля свинцовая типа «Жакан», сильно сплюснутая с боков. Имеет вид квадрата с длиной сторон 22 мм. Углы и грани пули закруглены. На одной ее поверхности видны расположенные наискось прямоугольной формы выступы, другая поверхность уплощена. Боковые стороны неровные, с большим числом идущих в разных направлениях валиков и бороздок, зажатых в сплюсненном металле кусочками костной ткани и извитых фрагментов разноцветных волос. Все обнаруженные фрагменты волос направлены для исследования в биологическое отделение».

Волосы на пуле... Казалось бы, что здесь удивительного? В общем-то, не столь уж редкая находка, с которой встречаются эксперты и криминалисты при огнестрельных повреждениях в тех случаях, когда заряд проходит через зимнюю одежду, допустим, полшубок или шапку. И у Константинова тоже головной убор из каракуля оказался простреленным насквозь. Вроде бы все ясно. Однако опытный глаз Федоровцева уловил едва заметную разницу в цвете и толщине фрагментов волос, впрессованных в металл. Их было немного - всего четыре, все он изъясил кончиком препаровальной иглы, заключил в глицерин и направил в биологическую лабораторию. Здесь судмедэкспертам-биологам предстояло определить видовую принадлежность этой находки.

Прошло еще два дня. К тому времени расследование обстоятельств гибели Константинова не продвинулось вперед ни на шаг. Следователь и криминалисты, опросив охотников, составили подробнейший план места происшествия, путем визирования определили возможное направление выст-

релов из каждого ружья. Придаться было не к чему: егерь Скворцов расставил всех профессионально, со знанием дела. При таком расположении номеров неосторожный выстрел почти полностью исключался. Однако на всякий случай все ружья и патроны у охотников изъяли, ведь была еще и пуля, найденная при вскрытии. Предстояла серия длительных и трудоемких баллистических экспертиз (возможно, и безуспешных из-за деформации пули) для определения ружья, из которого был произведен роковой выстрел.

Утром третьего дня в кабинет Фридмана вбежал Федоровцев.

- От обычной невозмутимости и спокойствия Андрея Леонидовича не осталось и следа, - произнес мой собеседник. - Оказалось, только что ему принесли заключение биологов. Впрочем, вот оно, из нашего архива. В нем всего несколько строк, но каких строк?

Читаю акт судебно-биологического исследования № 1104, подписанный кандидатом медицинских наук Марианной Анатольевной Колыш: «Один волос, изъятый с пули, толстый, темно-коричневого цвета, принадлежит животному - кабану. Остальные три волоса принадлежат овце и имеют достоверные признаки сходства с образцами волос, изъятых с околыша шапки потерпевшего Константинова».

- Рикошет! - вырвалось у меня.

- Да, то был рикошет, - подтвердил догадку Лев Михайлович. - Пуля, летевшая под углом, ударила в мчащегося кабана и, отразившись с громадной скоростью, срикошетила в сторону, смертельно ранив Константинова. Так один-единственный волос с туловища секача, оставшийся в толще деформированного «Жакана», помог нам найти ключ к разгадке всей этой истории.

Замечу, что неугомонный Федоровцев, даже получив заключение биологов, не счел экспертизу законченной. Ему потребовались образцы волос кабана для сравнения с тем - единственным. Он, по словам Льва Михайловича, уже готов был бежать в магазин «Охотник», где висела в качестве предмета интерьера голова кабана, как тут следователь привез пучок щетины, обнаруженный при повторном осмотре места происшествия. Ее и использовал эксперт для окончательного сравнительного исследования.

Фридман предполагал, что пуля срикошетила либо от головы животного, либо от его корпуса. Опытный охотник рассказал ему, что к зиме у самцов-секачей кожа на шее и боках утолщается до трех сантиметров, создавая так называемый калкан - прочный естественный панцирь.

Рикошет - слово французского происхождения. Это явление достаточно хорошо известно судебно-медицинским экспертам и криминали-

ходят стрелковую линию. В таких случаях охотнику разрешается развернуться на 180 градусов и произвести выстрел по угонному зверю, соблюдая технику безопасности. Так Э. Свиридов и поступил. Но, увы, выстрел по цели произвести не успел. Пуля стрелка, выпущенная по угонному зверю с соседнего номера, делает рикошет и смертельно ранит Э. Свиридова. Так трагически закончилась эта охота. Прокуратура в данном случае нарушений в организации охоты не усмотрела. Но хочется напомнить охотникам, что стрельбу пуль из гладкоствольных ружей надо проводить с особой осторожностью. Выпущенная из охотничьего ружья, она опасна на расстоянии более одного километра». Такая вот заметка.

...Прошло не менее двух часов с момента начала нашего разговора. За это время лишь единственный телефонный звонок прервал беседу: из соседнего райотдела милиции интересовались результатами недавней экспертизы. Внезапно Лев Михайлович сказал:

- Да, не будь того волоса на пуле, кто знает, как повернулось бы дело. Все, вероятно, свелось бы к неосторожному убийству, и Скворцову, в общем-то, безусловно, профессиональному егерю, пришлось бы пережить немало беспокойных дней. Но и Андрей силен - ведь это второй случай, когда по единственному волосу ему удается докопаться до истины. Ты знаешь, о каком случае я говорю?

- Конечно, слышан о той экспертизе. Но скажи, Лев Михайлович, почему именно ему - Федоровцеву, а не иному врачу достаются, как в беспроигрышной лотерее, подобные находки?

- Насчет лотереи ты, конечно, зря. - Фридман помолчал и после паузы произнес: - Другой эксперт с тем волосом ничего и поделывать бы не смог, не тот уровень знаний. Так что, считай, все справедливо.

Итак, о том другом волосе. Это произошло в деревне Голибино Горьковской области. Двое заезжих преступников, польстившись на редкие иконы XVII века, решили ограбить гр-ку В. - одинокую тихую старушку. Поздним вечером они ворвались в дом, однако встретили активное сопротивление хозяйки. Оглушив В., забрали иконы и скрылись. Утром следующего дня в судорожно сжатой руке женщины врач участковой больницы заметил прядь светлых волос, которую передал следователю. Они попали в лабораторию А. Федоровцева, где из нескольких десятков для исследования оказался пригодным лишь один волос, сохранивший свой корень с влагалищными оболочками и стержень, тогда как у других корневая часть полностью отсутствовала. Вначале Андрей Леонидович определил групповую (третью, совпадающую с группой крови) и половую (мужской пол) принадлежность волоса. Все, что делали до него, эксперт

совершил. Теперь же, уловив незначительные изменения в клетках, решил смоделировать ориентировочный портрет незнакомца на основании выявленных генетических отклонений. После нескольких дней кропотливой работы Федоровцев методом иммунофлюоресценции с помощью люминесцентного микроскопа устанавливает наличие у преступника редкого наследственного заболевания. Оно проявляется не только изменениями в ядрах клеток, но и характерными особенностями его внешнего облика, психического и физического развития. Предполагаемые черты облика неизвестного эксперт сообщил следователю. Вот его краткое описание: высокий рост и астеническое телосложение, то есть узкоплечий человек с длинными руками и ногами. Очень светлые волосы на голове, часто варикозное расширение вен на ногах. Некоторое снижение интеллекта, граничащее с умственной отсталостью, наконец, что особенно важно, - повышенная агрессивность.

В конце концов уголовным розыском было задержано несколько высоких мужчин со светлым цветом волос и третьей группой крови. Осмотрев всех и исследовав их волосы и кровь, А. Федоровцев безошибочно указал на основного подозреваемого, который и оказался разыскиваемым грабителем. Замечу, что, отталкиваясь от выявленной генетической аномалии клеток в одном единственном волосе, горьковский судмедэксперт «нарисовал портрет», который до сего времени в отечественной да, пожалуй, и мировой следственной практике создавали лишь свидетели и очевидцы.

Так получилось, что в деле по трагической гибели профессора Константинова, помимо экспертиз Льва Михайловича, важное звено составили и исследования, сработанные А. Федоровцевым. Я не напрасно употребил это надежное русское слово - сработанные, ибо за ним и основательность, и труд, и полет мысли, и воображение, которые отличают любого исследователя, каким бы научным поиском он ни занимался. Ныне имена этих судебных медиков достаточно хорошо известны в нашем экспертном мире. Однако хотелось познакомить с ними и читателей, что и попытался сделать. Наш выщающийся писатель К.Г. Паустовский как-то сказал, что люди, работающие в любых областях, делятся на три категории: тех, кто уже своей профессией, кто точно входит в ее рамки и тех, кто значительно шире своей профессией. Мне кажется, что заключительная часть этого мудрого высказывания может быть отнесена и к этим врачам.

Когда-то, более тридцати лет назад - в 1959 году, молодой судмедэксперт Л. Фридман опубликовал одну из первых своих научных статей под названием «Необычные обстоятельства огнестрельного дро-

бового ранения». Описывался случай, «виновником» которого невольно явилась охотничья собака. Вылезая из лодки, она наступила лапой на взведенный спусковой крючок ружья. Последовавшим выстрелом был смертельно ранен гр-н С. Есть в конце той статьи и такие слова, которые привожу дословно: «Среди большого количества несчастных случаев, с которыми приходится сталкиваться судебному медику, известное число приходится на случаи с охотничьим ружьем... Если бы событие произошло только в присутствии одного свидетеля, который сам мог не знать истинной причины выстрела, на него самого почти наверняка пало бы тяжкое подозрение в убийстве. Только наличие сравнительно большого числа объективных и добросовестных свидетелей позволило следствию в короткий срок выяснить причину выстрела, квалифицировать событие как несчастный случай и возбужденное дело дальнейшим производством прекратить».

В той давней экспертизе и тех, что производили по факту нелепой драматической гибели профессора А.В. Константинова, при известном сходстве - события произошли на охоте не без «помощи» животных - есть и существенные различия. Случай в Дальнем лесу, куда более сложный, показал, что опытные судебные медики могут приоткрыть завесу и подняться над тайной даже без свидетелей происшедшего, в ситуациях необычных, запутанных и исключительных.

*Каждая беда мала сначала,
И в детском ножичке живет душа
кинжала!*

Э. Ронсар

Нож сам по себе предмет довольно мирный, известный человечеству с незапамятных времен. Им отрезается хлеб, намазывается масло, чинится карандаш. Бытовых и хозяйственных ножей насчитывается великое множество. Однако кроме обычных повседневных ножей существуют и клинки, которые согласно закону относятся к холодному оружию, изготавливаемому с заведомо преступными целями. В судебно-медицинской практике все известные ножи объединяет один общий признак: ими причиняются колото-резаные раны, часто весьма тяжелые, а иногда - смертельные. Нож любой конструкции, даже самый обычный столовый или повседневный кухонный, может стать в неосторожных или преступных руках опаснейшим оружием.

Случай, о котором речь пойдет ниже, связан с редким колото-резаным ранением, потребовавшим от эксперта и следователя использо-

вания новейших достижений судебно-медицинской науки и криминалистики для осуществления установления истины.

В рабочий сейф я время от времени откладываю некоторые орудия, проходившие по экспертизам, в которых довелось участвовать. В прошлом у них был четкий юридический термин - «вещественные доказательства». Закон предусматривает, что после вынесения приговора или прекращения уголовного дела орудия и инструменты, представляющие профессиональный интерес, могут быть переданы в соответствующие учреждения (криминалистические музеи, кабинеты и т.п.; ст. 86 УПК РСФСР).

Когда наводишь порядок в сейфе и касаешься того или иного предмета, теперь абсолютно безопасного, вспоминается многое. В одном из ящиков лежат образцы пуль, стеклянные флакончики из-под пенициллина с номерами охотничьей дробы, в другом - различные фотографии, костные препараты с повреждениями. В третий ящик я откладываю холодное оружие - ножи самого разнообразного назначения. Охотничьи, финские, перочинные, одно- и многопредметные, фабричного производства и самодельные. Многие из последних сделаны с большим искусством, даже талантливо. Но зачем? Вот несколько ножей с набором цветных ручек, которые использовались в качестве орудия травмы при различных преступлениях. Среди темно-коричневых пятен ржавчины на них при внимательном осмотре еще и сейчас можно заметить следы крови. Часть ножей отобрана милицией у мальчишек, изъята у пьяных субъектов в различных конфликтных ситуациях и передана нам, судебно-медицинским экспертам, для экспериментальной и научной работы. Самый миниатюрный среди всех ножей - маленький складной ножичек-сувенир, довольно изящный, с серовато-белой, под кость, рукояткой и крошечным забавным домиком на качающейся серебристой цепочке. Длина малютки в закрытом виде около пяти сантиметров, а клинок и того меньше - три с половиной сантиметра. Кажется, что таким ножом и карандаш заточить непросто, а между тем, именно с этой вещицей связана история раскрытия необычного преступления.

...Летним вечером во Владимирское городское отделение милиции поступило сообщение, что неизвестным преступником около привокзальной площади ранен в живот Владимир Петров, 22-х лет. Звонили из хирургического отделения больницы, куда был доставлен пострадавший. Петрову предстояла срочная операция, но до нее он рассказал о случившемся.

По словам Владимира, ударил его ножом худощавый парень среднего роста с черными густыми волосами, такими же темными усами и бородой на лице. Одет в пеструю цветную рубашку с длинным рукавом, серые брюки. Описав приметы преступника, Петров продолжал:

- Он подошел ко мне, когда я возвращался от знакомых. Попросил закурить. Кроме нас в переулке никого не было. Я полез в карман за сигаретами. В этот момент парень ударил меня ножом в живот. Потом он отбежал на несколько шагов, обернулся, что-то крикнул и скрылся за углом. Внезапно я почувствовал сильную слабость и увидел на рубашке кровь. Телефонная будка оказалась рядом, и я вызвал по автомату скорую помощь...

Работники уголовного розыска приложили много сил, чтобы разыскать преступника. Поскольку приметы его были довольно характерными (темные борода и усы), задержали несколько лиц, внешний вид которых соответствовал портрету, нарисованному Петровым. Однако ни один из них отношения к случившемуся не имел, и в ближайшие два дня задержать преступника не удалось.

Утром третьего дня следователем было вынесено постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, и в хирургическом отделении больницы я должен был осмотреть Петрова. Обычно, прежде чем пройти к больному в палату, эксперт знакомится с историей болезни, беседует с лечащим врачом. Это дает возможность выяснить обстоятельства, при которых потерпевший был доставлен в больницу, получить объективные данные о его состоянии в первые минуты после травмы, уточнить место и характер ранения.

Беру историю болезни Петрова В.А., просматриваю ее, делаю краткие выписки. Затем беседую с Александром Сергеевичем - лечащим врачом Владимира. Он в прошлом фронтовик, опытный хирург с многолетним стажем. Невысокого роста, подвижный, с густой, тронутой сединой шевелюрой, уже много лет заведует хирургическим отделением. Им сделаны десятки сложных операций, и его мнению вполне можно доверять. К тому же, Александр Сергеевич дежурил в тот день, когда Петров был ранен, сам делал ему операцию.

Александр Сергеевич берет историю Петрова. Затем после небольшой паузы, почти не заглядывая в нее, начинает говорить:

- Привезли его вечером 2-го, около десяти часов. Парень был очень сильно возбужден, наверное, с полчаса плакал и ни о чем не хотел говорить. На рубашке у него была кровь, в верхней части живота небольшая рана. Давление нормальное, правда, пульс учащенный. Я вскоре осмотрел его, ранение оказалось проникающим в брюшную полость. В таких случаях показана срочная операция, и мы перевезли его наверх, бригада готовилась к опера-

ции, приехали работники милиции. Тут он быстро успокоился и стал рассказывать о случившемся...

Рана была рассечена хирургами при операции, но зная, что судебно-медицинских экспертов обычно интересует ее первоначальный вид и расположение, Александр Сергеевич продолжает:

- Кожная рана была небольшой. Я точно ее измерил - всего 7 мм длиной. Края ровные, верхний конец казался закругленным, нижний - остроугольным. На операции выяснилось, что хотя ранение и проникает в брюшную полость, но оно неглубокое. Имелось лишь кровоизлияние в связку печени. К счастью, сам орган оказался неповрежденным.

Разговор с Петровым ничего нового к тем сведениям, которые были мне известны, не добавил. Он опять довольно подробно описал события позавчерашнего вечера, приметы и внешность нападающего. Сейчас он говорил спокойно и уверенно, видно было, что рассказывает о случившемся не в первый раз. Я осмотрел его, но ничего полезного для себя не извлек: на животе был свежий операционный разрез с наложенными швами, а сама рана, находившаяся в этой области, была рассечена скальпелем Александра Сергеевича.

Перед уходом из больницы созваниваюсь со следователем.

- Одежда Петрова? Она еще не осматривалась.

- А где она находится?

- Вероятно, там же, где и пострадавший. Скорее всего - в больнице. Я как раз сегодня собирался ее осмотреть. Давайте сделаем это вместе. Подождите меня, пожалуйста, доктор, я мигом подъеду.

Минут через двадцать вместе со следователем опускаемся в подвальное помещение, где хранится до выписки одежда больных. Тут тихо и прохладно. Вдоль стен вытянулись длинные ряды узких белых ящиков. Встречает нас пожилая женщина-санитарка. Снаружи июльская жара, а на ней теплые, аккуратно подшитые валенки. Контраст разительный. Несмотря на всю серьезность и ответственность нашего дела, про себя, чтобы не обидеть ее, улыбаемся. Она передает нам пакет с одеждой Петрова. На газете отчетливо заметно слегка расплывшееся оранжево-красное пятно. Кровь... Тут же бегло осматриваем содержимое свертка: светло-серый шерстяной свитер, хлопчатобумажная рубашка в мелкую синевато-серую клетку, темно-зеленые брюки с широким кожаным ремнем.

Ранее я уже писал об этом, повторюсь и напомним, что ныне квалифицированная судебно-медицинская экспертиза невозможна без тщательного исследования поврежденной одежды. На свитере и брюках никаких повреждений мы не нашли. Лишь в верхней части брюк под широким модным ремнем были едва заметны два крохотных буроватых пятнышка кро-

ви. Свитер был идеально чист - ни крови, ни повреждений, зато в нижней части левой половины рубашки нами был обнаружен разрез ткани длиной в 7 мм. В окружности его имелось большое пятно крови.

- Странное дело, - пожал плечами следователь, - рубашка повреждена, а на свитере, который одевается поверх ее, никаких разрезов нет...

- И потеки крови тоже отсутствуют.

- Но они должны быть. Причем, вертикальные, направленные вниз.

Ведь, по показаниям Петрова, после получения ранения он сравнительно долго находился на ногах.

- Остается предположить, что в момент удара свитер на Петрове был поднят вверх, иначе он обязательно был бы разрезан ножом.

- Логично. Что касается потеков крови, то они могут отсутствовать, если допустить, что после ранения Петров сразу же прижал рубашку к ране. Вот и образовалось одно большое пятно.

Утром следующего дня раздался звонок из уголовного розыска.

- Есть тут у нас любопытная вещица... Не посмотрите ли ее?

Вскоре я держал в руках складной нож-сувенир, к которому в виде брелочка был прикреплен маленький домик. Нож-малютка был настолько мал, что в сложенном состоянии умещался в коробке из-под спичек. В ней и привез его инспектор уголовного розыска.

- Да такой нож и ножом-то назвать трудно! Игрушка какая-то! Впрочем, приятна, даже красива. - Я потрогал пластмассовую пеструю ручку, отполированную до зеркального блеска.

- Его вчера передал нам шофер скорой помощи, перевозивший Петрова в больницу после ранения. Когда Петрова укладывали на носилки, нож выпал из кармана. Шофер положил его на столик возле аптечки да впопыхах так и забыл о нем. Обнаружил он его только вчера. Нож, видно, упал со столика и пролежал три дня на полу под носилками...

Я осторожно достал нож из коробки и пинцетом, чтобы не касаться крошечного клинка, открыл его. Положил нож на сверкающую белой эмалью подставку стереомикроскопа, включив освещение. Под узким, но мощным боковым пучком света поверхность ножа преобразилась. Короткий клинок, длиной не больше обыкновенной булавки, кажется бесконечным. Прошло несколько минут, пока я, наконец, добрался до его конца. Отчетливо видна серебристо-белая структура металла, неровности, похожие на маленькие лунные кратеры (да простят мне криминалисты это банальное лирическое сравнение!). Видно, что ножом недавно был зачищен карандаш, местами отчетливо заметны частицы ярко-красной краски.

Здесь я позволю себе отвлечься от довольно любопытной и, не побоюсь этого слова, удивительной картины ножа под микроскопом, немного

оглянуться назад и «пропеть оду» современной микроскопии. В начале нашего века судебные медики и криминалисты использовали лупу в качестве, пожалуй, единственного оптического прибора. Лупа и сейчас еще служит правосудию, но только на первом этапе исследования. Возможности человеческого глаза ограничены, поэтому при осмотре места происшествия, когда невозможно применить громоздкую и сложную микроскопическую технику, лупа остается незаменимым помощником судебно-медицинского эксперта. В 20-30-х годах были сконструированы специальные оптические приборы - стереоскопические и сравнительные микроскопы, позволяющие исследовать при больших увеличениях массу непрозрачных объектов: различные орудия - острые и тупые, пули со следами нарезов от канала ствола оружия, посторонние включения (частицы краски, стекла, дерева, металла) в ранах и т.д. Вначале они использовались в основном криминалистами. Затем их взяли на вооружение и судебно-медицинские эксперты. Сейчас иногда невозможно провести четкую границу между криминалистикой и судебной медициной, так как нередко в тех и других учреждениях изучаются сходные объекты, исследуются одни и те же орудия и повреждения.

Благодаря современным микроскопам стали возможны новые исследования последних лет, проводимые на кафедре судебной медицины Нижегородского медицинского института под руководством профессора А.П. Загрядской. Ею установлено, что при контакте ножа с телом человека и его одеждой, наряду с кровью, на орудии могут остаться и другие, не менее ценные в следственном отношении вещественные следы - текстильные волокна материалов поврежденной одежды потерпевшего и клеточные элементы тканей тела из области ран. Как и кровь на орудии, они своим присутствием как бы информируют эксперта об исследовании конкретного ножа или кинжала в качестве орудия преступления...

А.П. Загрядская и ее ученики установили, что особенно часто на острых орудиях обнаруживаются текстильные волокна. Практически их можно найти почти в каждом случае, когда ранение наносилось через одежду, и иногда даже тогда, когда нож подвергался преступником тщательному обмыванию и обтиранию с целью уничтожения оставшихся следов. Исходя из наличия текстильных волокон на орудии, эксперт устанавливает их природу и цвет, затем сопоставляет на микроскопе сравнения с образцами волокон из материалов поврежденной одежды.

Вспоминаю случай из собственной практики, когда потребовалась помощь А.П. Загрядской. Преступник, нанеся потерпевшему Т. несколько ранений, выбросил нож при задержании. Этот нож пролежал в канаве с водой около двух недель. Возник вопрос: могли ли сохраниться на ноже

какие-либо следы? Вместе со следователем по делу мы выехали в Нижний Новгород. Аделаида Петровна уже ждала нас. В ее кабинете мы разложили на столе одежду Т., рядом положили найденный нож, рассказали об обстоятельствах происшедшего. Профессор села за столик с микроскопом. Через несколько часов на ноже, пролежавшем под дождем и в воде около двух недель, были обнаружены текстильные волокна и клетки печени, принадлежавшие человеку. В дальнейшем удалось установить половую и групповую принадлежность клеток, которая совпала с полом и группой крови Т., доказать идентичность волокон на ноже с волокнами-образцами куртки и сорочки потерпевшего. После получения экспертизы из Нижнего Новгорода малейшие сомнения в том, что в качестве орудия преступления был использован нож обвиняемого, полностью отпал.

...Исследование ножа под стереомикроскопом было почти закончено.

Осталось осмотреть только небольшую выемку с правой боковой стороны клинка, которая имеется у многих ножей и предназначена для более удобного их открывания. Такие выемки так же, как и любые другие неровности и зазубрины клинка, сущий клад для экспертов. Именно тут в первую очередь остаются следы-наложения, свидетельствующие о травме, - кровь, волокна текстильных тканей, волосы, клетки поврежденных органов. Передвигая нож под микроскопом, я вдруг заметил в глубине выемки блестящее изогнутое волоконец синего цвета, похожее на запяную, рядом еще одно - более светлое. Кончиком тонкой иглы волокна были осторожно сняты с поверхности ножа и помещены в каплю дистиллированной воды...

В процессе работы судебно-медицинские эксперты обычно знакомятся со всеми материалами дела, ибо нередко бывает, что какие-то новые сведения существенно влияют не только на методику расследования, но и на производство самой экспертизы. События, вначале казавшиеся маловажными и второстепенными, иногда выдвигаются на первый план, и тогда то, что представлялось бесспорным, подвергается сомнению, а «железные факты» могут рассыпаться, как карточный домик.

Пока Петров лежал в больнице, быстро поправляясь после операции, а я рассматривал его одежду и внезапно появившийся нож как собственными близорукими глазами, так и с помощью микроскопа, следствию стали известны новые, весьма любопытные обстоятельства. Оказалось, что Петров мог легко избежать удара ножом, если бы он в тот роковой вечер находился не где-то в районе вокзала, а на работе, куда он был обязан придти еще за несколько часов до случившегося. Согласно графику смена дежурного ночного электрика В. Петрова начиналась в 17 часов. Однако к этому времени он на работу не вышел...

Узнав об этом, я созвонился со следователем, и мы условились опять встретиться в больнице, чтобы я мог присутствовать при его очередном разговоре с Петровым. Когда я вошел в палату, там кроме следователя и Владимира никого не было. День с утра был солнечный, и большинство ходячих больных находились на прогулке. Я присел в стороне на край свободной кровати, стараясь не мешать...

- Итак, Петров, повторите, где вы находились в 17 часов второго июля. Рассказывайте подробнее, не стесняйтесь.

- Второго июля около 16 часов я встретился со знакомой девушкой. Мы пошли с ней в парк и пробыли там около часа. Потом зашли в кинотеатр «МИР», где смотрели кинокартину «Хроника пикирующего бомбардировщика».

- Когда начался сеанс?

- В 17.30. Окончился около половины восьмого.

- Продолжайте.

- Потом я проводил Лену до дома, постояли мы с ней минут 15 на углу, и я пошел домой.

- В котором часу это было?

- Точно не помню. Но не позже половины девятого. Может быть, минут на 5-10 больше или меньше этого времени.

- А ударили вас ножом около девяти? Вызов на скорую поступил в 20.50.

- Да, что-то около этого.

- А теперь, Петров, объясните, почему в этот день вы не вышли на работу? Ведь ваш рабочий день, согласно графику, начинался в 17 часов.

- Не знал я, что должен был работать второго.

- Но, по показаниям ваших товарищей, график дежурных электриков, работающих во вторую смену, составляется заранее и известен каждому. И еще вопрос. Почему вы, не зная, что должны быть на работе в 17 часов, попросили, однако, санитарку из приемного покоя позвонить на завод и сообщить, что с вами случилось несчастье? Звонила она около десяти вечера. В деле есть и ее показания.

Петров, до этого спокойно лежавший на кровати, внезапно вспылil:

- Конечно, до сих пор бандита не поймали, вот я и виноват. Будто не меня он ножом пырнул, а кого другого...

- Мы еще вернемся к этому вопросу, - произнес следователь.

- А теперь скажите, что, у вас и раньше были прогулы и опоздания на работу?

- Ничего этого не было.

- Но по справке, выданной старшим электриком, за январь-июнь вами пропущено без уважительных причин пять рабочих дней и было несколько опозданий. За две недели до случившегося на производственном совещании обсуждалось ваше поведение. В решении его дословно записано следующее:

«В случае несвоевременного выхода электрика В.И. Петрова на работу, прогула или появления его на работе в нетрезвом состоянии коллектив считает, что администрация вправе уволить Петрова с соответствующей записью в трудовую книжку».

- Как видите, все не так просто, как вы, Владимир, нам неоднократно образно рассказывали. Концы с концами не сходятся. А нам нужно знать правду.

Я иногда уже бывал на подобных беседах, так как закон разрешает судебно-медицинским экспертам лично присутствовать на допросах свидетелей и обвиняемых в ходе предварительного следствия (согласно ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Часто те или иные важные сведения, различные тонкости, имеющие существенное значение при производстве экспертизы, нельзя узнать из сухих материалов уголовного дела. Теперь же, сидя сбоку от следователя и слушая его разговор с Петровым, я мог как бы со стороны понаблюдать за ними. Следователь вел допрос медленно, не спеша, внешне, казалось бы, излишне флегматично. Короткий вопрос. Ответ. Еще вопрос. Еще ответ. Было, однако, заметно, что обстоятельства дела им тщательно проанализированы, а вопросы заранее подготовлены. Петров же, вначале спокойный и улыбающийся, выглядел растерянным, даже испуганным. Улыбка постепенно исчезла с его лица, и на нем появились капельки пота.

- Я устал. Очень устал, - откинувшись на подушку, внезапно сказал Владимир. - Не могли бы мы продолжить разговор в другой раз?

- Да и мне уже пора, - как бы извиняясь за назойливость, произнес следователь. - У меня только одна просьба, и больше мы вас сегодня не потревожим. В прошлый раз вы рассказали, что успели заметить нож в руке убегающего преступника. Не могли бы вы изобразить его на бумаге, хотя бы приблизительно, но по возможности точнее?

Он протянул Петрову лист белой бумаги и карандаш. Петров наклонил голову, словно вспоминал что-то, потом положил бумагу на тумбочку перед собой. Прошло несколько минут, пока он медленно начал что-то рисовать...

Спустя некоторое время, рассмотрев рисунок Владимира, мы обменялись впечатлениями. На бумаге был старательно изображен длинный нож весьма странной формы. У основания клинок ножа представлялся очень

широким, затем ширина его постепенно уменьшалась, а узкий конец был меньше сантиметра.

- Смотрите, вот и размеры проставлены.

- Да, я попросил Петрова хотя бы приблизительно указать их.

- Стало быть, так: длина клинка около 13-15 сантиметров, ширина у основания 25 мм, а у конца всего-то 6-8 мм. К тому же, обратите внимание, конец-то немного скошен.

- И когда он все это успел рассмотреть?

- Объясняет, что было светло, и нож в руке у нападающего он видел очень хорошо. Раньше сам предлагал мне его нарисовать, говорил, что нож у него все время перед глазами...

- Но вот конец... Почему такой узкий конец?

Уходя из больницы, я все же решил еще раз поговорить с Александром Сергеевичем. Он и на этот раз был немногословен.

- Все не дает вам покоя, коллега, наш пациент? Так что же вас еще интересует?

- Прежде всего, хотя бы приблизительное направление раневого канала в брюшной стенке Петрова и еще - глубина канала. По ней можно судить о длине клинка.

Александр Сергеевич в который раз раскрыл историю болезни Владимира.

- Раневой канал шел сверху вниз и вправо, чуть отклоняясь от средней линии живота. Нож, как я уже раньше говорил, дошел только до круглой связки печени, но саму печень не повредил. Стало быть, канал оказался очень коротким. С учетом толщины жировой клетчатки на брюшной стенке, а Петров человек молодой, худощавый, длина канала не превышала 3,3-4 сантиметров. Вот вам и длина ножа.

Он развел в стороны большой и указательный пальцы правой руки, показывая, каким мог быть клинок, и продолжал:

- Уже на операции у меня создалось впечатление, что нож, которым было нанесено ранение Петрову, был узким и, возможно, небольшим по длине. Либо удар оказался очень слабым, и рана образовалась лишь от конца клинка.

После всего написанного, я думаю, читателю не покажется странной мысль, которая исподволь, постепенно выкристаллизовалась в сознании и у следователя, и у меня: а был ли преступник на самом деле? Не нанес ли Петров себе ранение сам, испугавшись ответственности и наказания за прогул? Конечно, он и раньше, мягко говоря, не был образцовым работником. Казалось бы, что после последнего предупреждения администрации ему ничего не остается, как пересмотреть свое отношение к тру-

ду. Иного выхода у него не было. И вот ножевое ранение, по его словам, нанесенное неизвестным именно в тот день и в те часы, когда он должен был находиться на работе. Был целый ряд и других обстоятельств. Например, странное поведение Владимира в приемном покое больницы. Человек ранен, ему предстоит операция, а он просит санитарку срочно, без особой необходимости, позвонить на работу... Особенно показалось удивительным то, что Петров успел за какие-то считанные секунды не только увидеть нож в руке нападающего, но и запомнить его размеры. А был ли нож таким, каким нарисовал его Петров? Уж очень показалось нам похожей концевая часть ножа, который он изобразил, на клинок его собственного крохотного ножа-сувенира! Иногда судебно-медицинским экспертам приходится встречаться с самоповреждениями, то есть с такими действиями, при которых потерпевший сам, сознательно, причиняет вред своему здоровью. Было и у меня несколько подобных, довольно запутанных случаев. И все-таки дело Петрова оказалось, пожалуй, наиболее сложным, ибо, несмотря на массу противоречивых данных, он так и не признавал факта саморанения, продолжая утверждать, что удар ножом был ему нанесен неизвестным преступником. По нашему же твердому убеждению, такого человека вообще не существовало. Но это предстояло еще доказать.

В криминалистике есть такое понятие - следственный эксперимент. Под ним юристы понимают действия, производимые для проверки того или иного факта или какой-либо версии по делу путем постановки соответствующих опытов. Согласно статье 183 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в ходе эксперимента проверяется истинность и объективность обстоятельств, о которых рассказали свидетели, обвиняемые, потерпевшие. Вот главное требование любого следственного эксперимента: максимально точное воспроизведение фактов и событий в условиях, близких к действительности. Нередко экспериментальный метод используется и судебными медиками.

Посоветовавшись со следователем и товарищами по работе, я решил нанести ножом-сувениром дополнительные экспериментальные повреждения, сравнив затем их форму и размеры с раной и размером разреза на рубашке, которые, если верить Петрову, были причинены ему неизвестным.

Рубашка (вспомните основное правило следственного эксперимента - максимально точное воспроизведение в условиях, близких к действительности) была уложена на специально изготовленный манекен. Клинком ножа через нее было нанесено экспериментальное повреждение соответственно области живота, причем положение ножа при введении точно повторяло

направление раневого канала, которое так подробно было описано Александром Сергеевичем. Я тщательно измерил повреждения на манекене и на рубашке, затем проследил за ходом ножа. Раневой канал оказался очень коротким, не более трех сантиметров длиной, и будь на пути орудия не манекен, а тело человека, клинок все равно не достиг бы печени. После изучения экспериментальных разрезов под микроскопом я убедился, что их форма и длина точно повторили повреждения, которые были «причины» Петрову.

В этом необычном деле оставалось лишь поставить последнюю точку.

Метод, разработанный профессором А.П. Загрядской и ее учениками, был использован на завершающем этапе экспертизы. Читатель, вероятно, помнит о двух волокнах, изъятых с клинка ножа-сувенира. Именно они оказались окончательным штрихом во всей этой истории. Из рубашки Петрова взяты отдельные нити и из них изготовлены образцы волокон, которые затем сопоставлялись на микроскопе с волокнами, найденными на ноже. И то, чего я ожидал, свершилось: волокна, снятые с ножа, точно совпали по своей природе, цвету и другим свойствам с волокнами-образцами из рубашки Петрова!

Когда следователь через восемь дней после случившегося ознакомил Петрова с окончательным заключением судебно-медицинской экспертизы, он уже выписывался из больницы. Акт экспертизы занял несколько страниц, я приведу только основную часть заключения: «У Петрова Владимира Андреевича имелось проникающее колото-резаное ранение передней брюшной стенки с кровоизлиянием в круглую связку печени... Исходя из характера повреждений на теле и одежде Петрова В. А., направления раневого канала, изучения экспериментальных повреждений и сравнительного исследования волокон, найденных на ноже, с волокнами из материала рубашки потерпевшего, вполне возможно причинение ранения Петрову собственной рукой, представленным на экспертизу ножом-сувениром... Клинком ножа, схема и рисунок которого воспроизведены в материалах дела, описанные повреждения не могли быть причинены».

Так было раскрыто «преступление», связанное с таинственным бородачатым незнакомцем, которого в течение нескольких дней разыскивала милиция. Легенда Петрова о нем оказалась вымышленной. Нам же довелось внести в ее содержание лишь некоторые существенные уточнения. Вот и вся история, о которой я вспоминаю, глядя на миниатюрный ножичек-сувенир, свободно умещающийся в обыкновенной спичечной коробке...

Умногих тяжчайших преступников, которых я знал, были лица ангелов, - поучительно заметил Пуаро. - Патологические наклонности легко могут сочетаться с лицом мадонны.

А. Кристи

Прогресс науки и внедрение в практику новых современных приборов значительно повышает эффективность судебно-медицинских и криминалистических исследований вещественных доказательств по конкретным уголовным делам. Особенно это касается малых и минимальных объектов, так называемых микроследов, в том числе волос, клеток органов и выделений человека - крови, пота, спермы.

В конечном итоге установление личности конкретного лица является целью любого расследования. И если не столь давно лишь дактилоскопия обеспечивала в этом отношении максимально надежные результаты, то ныне в практике экспертов появились и другие методы. Об одном из них - генетическом, связанном с лабораторными исследованиями аномалий (отклонений) в волосах и крови человека, рассказывает этот материал.

* * *

Следователь вошел в большую ярко освещенную комнату, в которой находились пятеро мужчин. Они сидели полукругом, на разном расстоянии друг от друга. Внешне сидящие были совершенно разными людьми: двое невысокого роста, оба русоволосые, лет около тридцати, один с усами и тощей бородкой, другой - бледный с аккуратно выбритым лицом, следующий - худощав, еще не взрослый, но уже и не подросток, четвертый - широкоплеч, осанист, с кудрявой светлой головой, строен и подтянут, видимо, спортсмен, наконец крайний справа - высокий мужчина с невыразительным усталым лицом.

Оглядев их, следователь сел за стол - единственный предмет мебели, помимо стульев, находящийся в помещении. Минуту спустя в комнату вошел молодой человек интеллигентной внешности, в отглаженном костюме и при галстук в тон рубашке. Он пригладил густые темно-каштановые волосы, поправил галстук и сел рядом со следователем.

Они пошептались. Пришедший подошел к окну, единственному на всю комнату, раздвинул шторы. За окном начиналось позднее зимнее утро. Светлело, фонари на улицах уже погасли. Он выключил две из четырех горевших люминесцентных ламп. В комнате стало темно, однако лица мужчин были видны более отчетливо, рельефно.

Молодой человек стал по очереди обходить каждого из пятерых. Последовало несколько стандартных вопросов, какие нередко задают следователи или работники милиции, когда хотят поскорее познакомиться с тем или иным лицом. Ничего нового: фамилия, имя, отчество, род занятий, место жительства. Он поинтересовался образованием каждого, где и сколько классов кто окончил, спросив наиболее юного о школе рабочей молодежи, другого - четвертого, симпатичной внешности - об институте, в который он недавно поступил.

Затем всем пятерым предложили раздеться до пояса. Молодой человек опять стал обходить сидящих. Он, как врач, внимательно охватывал взглядом фигуру, задерживаясь на лице, пристально глядел в глаза, предлагал их открыть-закрыть, делал какие-то лишь ему понятные тесты, ощупывал руки и ноги. Окончив осмотр, он сел рядом со следователем. Внезапно свет в комнате погас. Все оказались в полумраке. Молодой человек о чем-то поговорил со следователем, тот поднялся и, назвав фамилии, отпустил четверых. Теперь в помещении остался лишь один мужчина. Подозреваемый...

В общем-то такое уже случалось в практике следователя Терешенко. Он мог бы рассказать, как совсем недавно в этой же комнате находились

трое мужчин, задержанных по подозрению в грабеже. Свидетельница, видевшая, как один из них, грабитель, вырвал сумочку у молодой женщины, едва войдя сюда, уверенно опознала преступника. Теперь оказалась, пожалуй, аналогичная ситуация. Но на этом сходство можно было считать исчерпанным.

Любому человеку, далекому от юриспруденции, понятно, насколько важна роль свидетельских показаний. Молодой человек, столь внимательно осматривавший пятерых мужчин, тоже был свидетелем. Но свидетелем необычным, даже уникальным. Лично он не присутствовал при происшествии, скажу, забегая вперед, при совершении преступления. Однако по каким-то, известным лишь ему, признакам не так уж мало знал о человеке, вступившем в конфликт с законом.

Возможно, он услышал от кого-то об этом случае, допустим, на улице, от соседей, в электричке, автобусе. Нет, подобное исключалось. Следователь это точно знал. За несколько недель до этого в одной из деревень Нижегородской области неизвестным лицом было совершено преступление. На окраине села Голибино стоял выдавший виды дом, принадлежащий одинокой пожилой женщине. Авдотья Павловна получала скромную пенсию, имела небольшой огород, в общем-то жила хоть и не с излишествами, но в достатке.

Старушке в наследство досталось когда-то несколько икон. Старые, потемневшие от времени доски скупо освещались лампадкой, стоящей в углу комнаты. Однажды на иконы зашел посмотреть племянник соседей - художник, приехавший из Москвы. Зашел на минутку, а пробыл несколько часов. Оказалось, что среди десятка икон, не имевших никакой ценности, три были редкими и древними. XVII век, Владимиро-Суздальской школы живописи. Как они попали к Авдотье Павловне, и по сей день остается загадкой. Потом высказывались предположения, что иконы могли прежде находиться в дворянском имении, расположенном неподалеку, в десяти километрах от села.

Художник, столь внимательно осматривавший древние доски, оказался человеком сведущим. С тех пор в Голибино зачастили столичные гости. Деревня эта находится в красивых местах. Рядом роскошная березовая роща, тихий печальный пруд, вокруг которого растут липы, посаженные еще в прошлом веке. Но гостей не интересовали достопримечательности местной природы. В основном приезжие останавливались у покосившегося дома, где жила Авдотья Павловна. Старушка, однако, оказалась несговорчивой. Она наотрез, ни за какие деньги, не соглашалась продать редкие иконы.

- Вот помру, тогда берите, хоть даром, - произносила она, провожая очередного «покупателя». Машины приезжали и уезжали, а иконы продолжали висеть в красном углу. Правда, хозяйка стала чаще протирать их от пыли. Как-то неудобно, все едут и едут смотреть, как в музее, и еще говорят - ценность.

...С утра в понедельник соседка, забежавшая к Авдотье Павловне по каким-то житейским делам, обнаружила ее лежащей на полу без сознания. На лице женщины была кровь, скромные предметы мебели перевернуты, вещи разбросаны. Вся обстановка в доме свидетельствовала о совершении преступления. Иконы, как и следовало ожидать, пропали. Но не все, всего лишь три, редкие - XVII века, о которых теперь многие знали. Появившийся вскоре участковый приступил к осмотру места происшествия, он же по телефону вызвал из райотдела милиции оперативную группу со служебно-розыскной собакой.

В дальнейшем все обстояло приблизительно так, как уже бывало не раз, когда следствие заходит в тупик: собака, взяв след, тут же потеряла его, вернее - добежала лишь до проселочной дороги, находившейся в ста метрах от дома. Отпечатков пальцев эксперт-криминалист не обнаружил. Похоже, опыт в этом деле у грабителей имелся - действовали в перчатках. Каких-либо иных следов тоже не нашли, за исключением окурка сигареты, небрежно брошенного во дворе и вмятого в грязь чьей-то ногой.

Авдотью Павловну немедленно перевезли в участковую больницу. Тут над ней начал хлопотать почти весь наличный персонал небольшого лечебного учреждения, а также врач-невропатолог, срочно приехавший из района. Вскоре он понял, что имеет дело не с простым сотрясением мозга, а, вероятно, куда более тяжелой травмой - ушибом головного мозга. Врач решил уточнить диагноз и машинально взял правую кисть старушки. Пальцы ее были судорожно сжаты в кулак. Он стал разжимать их один за другим, как вдруг заметил между пальцами и ладонью прядь волос. Невропатолог вынул ее из ослабшей руки и положил на тумбочку. Обследовав Авдотью Павловну, он мельком взглянул на волосы. По цвету они казались одинаковыми с ее прической. Пожалуй, надо сказать санитарке, чтобы она их выбросила, когда будет убирать помещение. Он собрался уходить, как тут в палату вошел следователь Терещенко, прибывший в составе опергруппы в Голибино.

- Как потерпевшая, доктор? - тихо спросил он.

- Пока состояние тяжелое. Ушиб мозга, похоже, есть и небольшое кровоизлияние под мягкую мозговую оболочку.

- Значит, с допросом придется подождать, - разочарованно произнес Терещенко.

- О чем вы, товарищ старший лейтенант? - Невропатолог с грустной усмешкой взглянул на следователя. - Пройдет немало времени, прежде чем больная заговорит. Сейчас ей необходим полный покой. Поскорее бы пришла в сознание. Досталось бедняжке, даже собственные волосы вырвала.

Терещенко увидел прядь, лежавшую на тумбочке.

- Вы эти волосы имеете в виду?

- Я их из правой руки вынул. Пальцы судорогой свело, еле разжал.

Следователь внимательно посмотрел на волосы, достал из папки чистый лист. Он стряхнул прядь на бумагу:

- По цвету, действительно, схожи с ее волосами. И все же: с чего бы старушке вырывать собственные волосы? Отправлю в область, судмедэксперты разберутся, что к чему...

На следующий день Терещенко лично завез прядь волос, изъятую из руки Авдотьи Павловны, в Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы. Туда же в отдельном пакете доставил окурочек сигареты, обнаруженный во дворе. К сожалению, иных вещественных доказательств он не имел. Окурочек поступил на исследование в биологическую лабораторию. Перед экспертом-биологом был поставлен вопрос: какова групповая принадлежность слюны на окурочке и кем выкурена сигарета - мужчиной или женщиной?

Что и говорить, улики, которыми пока располагало следствие, были весьма скудными. Обнадеживало то, что лабораторная судебно-медицинская экспертиза крови, волос и выделений человека, а также клеток различных органов в настоящее время проводится на высоком научном уровне. Прядь волос, изъятая из руки потерпевшей, была передана заведующему медико-криминалистическим отделом Нижегородского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, кандидату медицинских наук А.Л. Федоровцеву. Андрей Леонидович тесно связан с многими научными изысканиями кафедры судебной медицины Нижегородского медицинского института, является ее питомцем.

- Это судебный медик новой формации, - говорит его учитель, профессор Аделаида Петровна Загрядская. - Владение навыками эксперта-биолога он сочетает с солидными знаниями по общей судебной медицине и криминалистике. Несколько лет назад Федоровцев увлекся судебно-медицинской цитологией («цитоло» - клетка, «логус» - учение, в переводе с латинского. - Прим. М.Ф.). Известно, что клетки поврежденных орга-

нов и тканей человека могут быть обнаружены в качестве вещественных следов травмы на различных орудиях - острых и тупых, пулях при огнестрельных ранениях, автомашинах после столкновения с человеком. Они выявляются на теле и одежде преступника, у него под ногтями, на иных предметах. Кусочки тканей обнаруживаются редко, чаще всего это микроскопические частицы или даже единичные клетки. Работа с малым количеством материала, микроследами делает экспертизы Андрея особенно ценными и доказательными.

В качестве примера А. Загрядская рассказала о таком исследовании А. Федоровцева.

... С целью кражи преступник, вооруженный пистолетом, проник в квартиру супругов Л. Застигнутый врасплох, он выхватил пистолет и произвел несколько выстрелов. Хозяин был убит на месте, его жене причинено огнестрельное ранение брюшной полости. Рана оказалась сквозной, и пуля, пройдя сквозь тело потерпевшей, застряла в дверном проеме. Ее осторожно извлекли и доставили в судебно-медицинскую лабораторию. Андрей Леонидович крови на пуле не обнаружил. Раньше на этом возможности экспертизы были бы исчерпаны. Но эксперт продолжил исследование. На пуле под микроскопом он обнаружил несколько единичных изолированных клеток. Через несколько дней Федоровцев методом иммунофлюоресценции установил видовую и групповую принадлежность клеток на пуле, совпадающую с группой крови у потерпевшей. Блестяще проведенная экспертиза стала важным звеном в изобличении опасного преступника.

Забегая вперед, замечу, что задача, которую на этот раз предстояло решить Федоровцеву, была не менее сложной.

Итак, пучок волос... На первый взгляд, эти волосы казались сходными по цвету и длине с волосами потерпевшей. Еще несколько лет назад не существовало достаточно точных и надежных методик получения дополнительной информации по волосам человека. Теперь - иные времена. Сейчас уже возможно установить половую и групповую принадлежность волос, спектральными методами определить микроэлементный состав для решения вопроса о происхождении их от конкретного человека.

Федоровцев интуитивно чувствовал, что этот волос может дать ценную информацию. На начальном этапе исследования он определил группу В (третья) и пол (мужской). Следовательно, волос из пучка принадлежал не потерпевшей, а преступнику - мужчине, имеющему третью группу крови.

Пожалуй, все, что он мог, эксперт уже сделал. Но Андрей Леонидович пошел дальше других. Он решил сделать шаг в неизвестное - составить ориентировочный портрет преступника на основании особенностей цитологической картины его волос.

Рождение генетики относится к прошлому веку, когда в 1865 году чешский монах Грегор Мендель открыл знаменитые законы наследственности. Но прошло целых 35 лет, пока в 1900 году трое ученых разных стран - Г. Де Фриз из Голландии, А. Корренс из Австрии и швейцарец К. Чермак - окончательно сформировали основы генной теории.

Механизм наследования весьма сложен. Дело в том, что каждая клетка человека состоит из двух основных структур - цитоплазмы и ядра. В клеточных ядрах находятся нитевидные структуры, называемые хромосомами. Исследователи знают, что если в клетку ввести специальные красители, то хромосомы вберут их в себя, став доступными для наблюдения под микроскопом. Отсюда и название - «хромосома» (слияние греческих слов «хрома» - краска и «сома» - тело). Установлено, что эти мельчайшие тельца и являются носителями генетической информации.

Для здорового человека характерно постоянное количество хромосом в клетке - 46. Запомним это число. Двадцать две пары хромосом одинаковы как у мужчины, так и у женщины, а 23-я пара относится к так называемым половым хромосомам. Они условно обозначаются так: для женщины - XX, для мужчины - XY. Отсюда для женщины характерен следующий набор хромосом: 44 + XX, а для мужчины - 44 + XY.

Теперь вникаем в очень важное положение. Выявление в клеточных ядрах X-хромосом указывает на женский генетический пол, Y-хромосом - на мужской. Следует также учесть, что Y-хромосомы обнаруживаются среди животных только в ядрах самцов - горилл (которые не встречаются на территории нашей страны). Поэтому в экспертной практике факт выявления Y-хромосомы в ядрах клеток с орудий травмы или на других вещественных доказательствах не только бесспорно указывает на мужской пол, но и свидетельствует о принадлежности этих клеток человеку.

Совокупность генов организма, полученных от родителей, составляет его генотип. Наряду с этим термином используется и другой - фенотип, под которым понимают комплекс внешних признаков человека (строение лица, цвет волос и глаз, рост и т.п.), проявляющихся в процессе жизни.

Для медиков эти понятия не абстрактны. Они уже используются в диагностике целого ряда наследственных дефектов, так как некоторые заболевания имеют свой характерный фенотип, выраженный во внешности только что рожденного ребенка. «Уникальность каждого человека выражается набором генов, - пишет известный ученый, академик Н.М. Амосов, - они определяют его физические и психические черты» («Книга о счастье и несчастье»).

На этом минимуме сведений по генетике пока остановимся, чтобы теперь перейти к исследованию, проведенному А.Л. Федоровцевым. К сча-

тью, этот волос, обнаруженный среди других в руке потерпевшей, сохранился хорошо. В препаратах, окрашенных акрихином, под люминесцентным микроскопом было найдено 9 ядер клеток, пригодных для исследования, все они содержали У-хромосому, т.е. указывали на мужской пол. Была замечена и незнакомая деталь: в пяти ядрах из девяти У-хромосомы представлены не одним образованием, как бывает в норме, а двумя равной величины светящимися тельцами, расположенными в разных полюсах ядра. *

Я разглядываю цветные фотографии и слайды, изготовленные Андреем Леонидовичем в ходе экспертизы. Выполненные на высоком профессиональном уровне они впечатляют. К тому же снимки просто красивы. Настоящее буйство красок в необычной цветовой гамме (следует учесть, что снимки сделаны с поля зрения люминесцентного микроскопа, где специальный осветитель вызывает свечение тканей). На тускловатом фоне клетки, окрашенной в бледно-зеленый цвет, контрастно выделяется ярко-зеленое ядро, у его полюсов, симметрично, словно зрачки диковинного животного, светятся тельца, содержащие У-хромосомы.

Наличие этих двух телец на противоположных полюсах ядра свидетельствовало о том, что у мужчины, которому принадлежал волос, имелся дефектный набор генов с лишней половой хромосомой. Не формула $44 + XU$, как бывает в норме, а $44 + XXU$. Эксперт для ясности написал формулу на листке, подчеркнул красный знак - условное обозначение лишней половой хромосомы. Эта аномалия еще слабо изучена, встречаемость ее среди мужского населения уточняется учеными. Носители ее (они - носители - называются дисомией по У-хромосоме) имеют ряд особенностей как во внешнем облике, так и в психическом, и физическом развитии.

Каковы же эти особенности? Из научной литературы по генетическим болезням они известны: высокий рост и астеническое телосложение, то есть узкоплечий человек с длинными руками и ногами. Отмечается некоторое снижение интеллекта, граничащее с умственной отсталостью. Иногда варикозное расширение вен на ногах, пониженная воспроизводительная способность (половая, чаще всего невозможность иметь детей. - Прим. М.Ф.), наконец, что особенно важно, - повышенная агрессивность.

Ровно через три недели, столько потребовалось Андрею Федоровцеву на его исследования, он сообщил приметы предполагаемого преступника следователю Терещенко. Отталкиваясь от выявленной им генетической аномалии клеток, эксперт «нарисовал портрет», который до сего времени в отечественной да, пожалуй, и мировой следственной практике создавали лишь свидетели и очевидцы.

Получив важные данные, Терещенко и сотрудники уголовного розыска проявили завидную оперативность. В конце концов задержали пятерых мужчин. Внешне они не были похожи друг на друга, подозреваемых объединяли лишь два обстоятельства: светлый цвет волос и третья группа крови.

Вернемся теперь к началу нашего рассказа. Следователь собирает всех пятерых в одной комнате, пригласив судмедэксперта для освидетельствования. Помните молодого человека с интеллигентной внешностью и густой темно-каштановой шевелюрой? Это и был Андрей Леонидович Федоровцев.

Смоделированный им «портрет» преступника у него перед глазами. Федоровцев осматривает каждого из подозреваемых. Помимо внешнего облика - роста, телосложения, цвета волос и глаз, длины рук и ног, - он интересуется местом работы, учебы, родом занятий. В течение короткого времени, за каких-нибудь 15-20 минут, он сумел «совместить» не только внешность, но и психологию, интеллект пока еще абстрактного лица, с конкретным человеком, находящимся в комнате. Им оказался субъект крайний справа которого я ранее представил так: «Высокий мужчина с усталым невыразительным лицом».

Андрей Леонидович сразу же обратил внимание на его рост, худощавость, неестественно длинные руки и ноги, светлые, почти белые, волосы. Людей с таким цветом волос иногда называют «бледными блондинами». Не тронутые загаром ноги казались мраморными, словно из воска, если бы не голубоватые веточки вен. Эксперт нагнулся, провел пальцем по коже голени. Чуткая ладонь его нащупала одно утолщение, рядом другое, третье. .. «Варикозное расширение вен налицо», - отметил он про себя, выпрямившись.

Федоровцев задал блондину несколько вопросов. К 36 годам он окончил четыре класса, был дважды женат, но детей в браках не имел, то есть воспроизводительная способность его оказалась явно несостоятельной. Ранее судим: в пьяной драке нанес своему товарищу ножевое ранение. Вспомним: один из главных, если не доминирующий, признак - агрессивное поведение!

Посоветовавшись с экспертом, Терещенко отпустил четырех мужчин, оставив крайнего справа. Федоровцев тоже решил выслушать показания подозреваемого. Последующий разговор, однако, ничего нового не дал. Подозреваемый, некий Леонид Щербаков, оказался москвичом, работал ночным сторожем в реставрационной мастерской. Он полностью отрицал возможность своего пребывания в Голи-

бино (за более чем 500 километров от Москвы), утверждая, что за последние два-три года ни разу не выезжал из столицы...

Казалось, следствие зашло в тупик. И Терещенко ничего не остается, как искать доказательства присутствия Щербакова в Голибино, опровергать алиби, которое тот выдвинул. Но Андрей Федоровцев тоже не хотел упускать свой шанс. По просьбе эксперта следователь дополнительно представил на исследование образцы волос и кровь всех пяти-шести мужчин. В последующую неделю Андрей Леонидович работает по двенадцать часов в сутки, почти не выходя из лаборатории.

Через восемь дней Терещенко получает новое заключение эксперта. Из него следует, что в клетках корневых частей волос с головы Щербакова выявлены дополнительные половые Y-хромосомы, представленные в ядрах, далеко расположенных друг от друга, двумя светящимися тельцами у их полюсов. Этот же признак был обнаружен и в лейкоцитах крови Щербакова, то есть диагностирована генетическая аномалия - дисомия по Y-хромосоме, о которой эксперт уже писал в своем первом заключении при исследовании волоса. У остальных четверых мужчин хромосомные отклонения отсутствовали.

В конце концов подозреваемый признал себя виновным. Оказалось, что, отдежурив свою смену в воскресенье, Щербаков вместе с художником мастерских Валентином Шарко, который ранее бывал в Голибино и навещал Авдотью Павловну, выехали на автомашине в Нижегородскую область. Дождавшись наступления темноты, они проникли в дом и ограбили старушку, забрав ценные иконы. В момент, когда хозяйка пыталась оказать сопротивление, Щербаков нанес ей удар по голове монтировкой, взятой из машины. Но за несколько секунд до этого Авдотья Павловна, сопротивляясь, вырвала из головы преступника пучок волос...

Кстати, Валентин Шарко тоже оказался среди пятерых - молодой человек тридцати лет, богемной внешности, с усами и щегольской бородкой (второй слева, если считать в той последовательности, в которой их рассадил следователь). К месту происшествия его «привязал» окурочек от сигареты «Ява», небрежно брошенный во дворе. Групповая принадлежность слюны совпала с группой крови Шарко. При этом генетических отклонений в клетках волос и лейкоцитах у него Федоровцев не обнаружил.

Через несколько дней после того, как Андрей Леонидович подробно рассказал мне обо всех этапах исследований, расследования и, наконец, раскрытия преступления, состоялся еще один разговор.

- Значит, выявление хромосомной аномалии у человека свидетельствует о его преступных наклонностях? - задал я лобовой вопрос своему коллеге.

- Все не так просто, - подумав, ответил Федоровцев. - В процессе экспертизы и после ее окончания я просмотрел немало различных научных работ по проблемам генетики. И если до недавнего времени роли наследственных факторов не придавали существенного значения, то выявление лишней У-хромосомы у мужчин породило на Западе гипотезу о хромосомах преступности...

Андрей Леонидович называет имена ученых, литературные источники, цитирует положения, опровергающие или, наоборот, подтверждающие предположение. Позднее я тоже ознакомился с некоторыми научными и социологическими работами по этой тематике.

Когда в 1961 году медиками был выявлен первый мужчина с лишней У-хромосомой, в зарубежной медицинской и криминалистической литературе, прежде всего в США, высказывали мнение о том, что хромосомные аномалии могут быть причиной преступного поведения человек.

Сторонники теории Чезаре Ломброзо, итальянского врача-психиатра, еще в прошлом веке объяснявшего происхождение преступности специфическими чертами внешности человека (формой черепа, аномалиями частей тела и т.п.), а не социальными условиями, ее порождающими, встретили эту теорию с известным оптимизмом. В некоторых юридических журналах появились научные статьи, предлагающие изолировать мужчин с лишними У-хромосомами, даже если они не совершали каких-либо антиобщественных поступков (США, Канада).

В 1982 году вышла в свет книга Н.П. Дубинина, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева «Генетика, поведение, ответственность», на страницах которой дан анализ сложной и острой природы антиобщественных поступков, затронуты вопросы борьбы с преступностью как с юридической, так и с медико-криминалистической точек зрения. Авторы, специалисты в области генетики и права, в заключительной главе пишут: «Использование в криминологии достижений генетики и медицины должно способствовать не углублению «биологических заблуждений» о природной преступности человека или предрасположенности его к преступлению, а, наоборот, преодолению этих заблуждений, истинному пониманию соотношения биологического и социального в человеке и влияния того и другого на его поведение».

Наконец, вот мнение видного американского генетика и врача О. Милунски, назвавшего один из разделов своей книги «Миф о хромосомах преступности». Разделяя взгляды ряда ученых, он высказывает та-

кую точку зрения: «Связана ли каким-нибудь образом наследственность с преступлением или все причины преступности имеют социальный характер? Гипотеза о том, что лишняя У-хромосома создает особую предрасположенность и склонность к преступному поведению, оказалась мифом, который, как мне кажется, теперь следует считать развеянным» (О. Милунски. «Знайте свои гены». Москва, 1981).

До определенного времени взгляды этих авторитетных ученых лично мне казались верными и непоколебимыми. Но жизнь и опыт судебно-медицинского эксперта, когда более чем за два десятилетия передо мной, чаще всего на судебных процессах, прошли десятки опасных преступников-убийц, насильников и бандитов, которым чужды малейшие проявления человечности и которые были похожими чем-то друг на друга, породили известные сомнения да и определенные симпатии к теориям итальянского психиатра и криминолога.

Знал я одного парня, жившего по соседству. Семья самая положительная, мать - опытный уважаемый врач, отец - квалифицированный инженер, мастер на все руки. Да и сам Виктор вызывал у всех во дворе только положительные эмоции. Но с возрастом его словно бы подменили. Едва отслужив в армии, он стал пропадать в пьяных компаниях, совершил одно преступление, другое, словом, покатился вниз по наклонной плоскости. Последовали судимости. Постепенно он превратился в преступника-профессионала, напоминая тех, с которыми мне доводилось встречаться в тюремных камерах и на судах.

Как объяснить этот феномен? И виновата ли в этом его семья? За последнее время в печати появились сообщения иного рода по сравнению с теми, о которых написано выше. Газета «Комсомольская правда» от 8 июля 1990 года в заметке «Неужели прав Ломброзо?» информирует читателей: «В криминальной хронике все чаще можно прочесть - «задержан учащийся СШТУ, ранее судимый», «в совершении преступления подозревается группа подростков». Чем можно объяснить рост подростковой преступности в стране? Только ли социальная обстановка, ее пороки и изъяны тому виной? Человечество давно ищет ответ на такие вопросы. Еще в конце XIX века итальянским психиатром Чезаре Ломброзо было выдвинуто предположение о существовании особого типа, предрасположенного к насилию из-за определенных биологических отклонений. Советская наука не только заклеила позором теорию Ломброзо, но и надолго закрыла для ученых возможность заниматься исследованиями в этом направлении. Кафедра биохимии совместно с лабораторией психологии Алтайского университета провели исследования среди малолетних преступников. Обработав фактический материал на ЭВМ, авторский кол-

лектив пришел к выводу, что в основе преступлений подростков лежат причины не только социальные, но и генетические, обусловленные особенностями их обмена веществ. Можно сказать, что местонахождение эти?, детей в значительной степени запрограммировано. Нет ли здесь ошибки? «Нет, - твердо отвечает председатель авторского коллектива» Г. Горбунова. - Мы гарантируем надежность эксперимента. Результаты психологического обследования подростков, содержащихся в колониях, показывают, что это, как правило, люди подозрительные, злопамятные, склонные к демонстрации силы, для всех характерна недостаточная способность контролировать эмоции». А биохимики добавили: у всех глубокие нарушения углеводного и липидного обменов, снижение содержания некоторых видов гормонов в)|ять раз по сравнению с контрольной группой школьников, да и сами эти гормоны «ведут себя» нетипично, «извращенно».

Несколько месяцев спустя в солидной статье «Игорь - потрошитель», рассказывающей о преступнике - молодом парне, совершившем серию жестоких немотивированных убийств, корреспонденты «Комсомольском правды» С. Смирнов и А. Лапин, опять-таки ссылаясь на исследования алтайцев, пишут: «Откуда такая жестокость в восемнадцатилетнем парне? Ведь он был вполне нормальным с точки зрения психики,.. Люди с нарушениями гормонального обмена отличаются повышенной агрессивностью, злобой. Сегодня мы должны внимательно присмотреться к данным науки. А они говорят о том, что дальнейшее загрязнение окружающей среды, ухудшение качества жизни сказывается на генетическом фонде. Боимся, что некоторые внешне вполне нормальные люди уже несут в своих генах какие-то изменения, провоцирующие криминогенные качества, патологическую жестокость. И сегодняшняя наша не устроенность, конфронтация могут стать для них пусковым механизмом».

Любопытно и сообщение двух медиков - докторов Абади и Кромуэла из Техасского университета, об исследованиях которых сообщает лондонский журнал «Экономист». Эти врачи изучили химический состав волос*с у 38 заключенных городской тюрьмы, изучая вопрос: не связана ли склонность к насилию с индивидуальными особенностями человека (волосы, как известно, служат своеобразным накопителем химических веществ). Ими установлено, что в организме убийц, насильников, грабителей содержится сверхнормативное количество металле ij тех элементов (меди, цинка, железа, магния, калия и лития), которые играют значительную роль в работе центральной не-

рвной системы. Дальнейшие исследования покажут, виноваты ли эти химические элементы в чрезмерной агрессивности людей, склонных к правонарушениям.

Анализируя прочитанное и не однажды переосмыслив примеры судебной практики, вместе с уникальной экспертизой А.Л. Федоровцева, можно сделать вывод: генетические отклонения в хромосомах человека могут известным образом влиять на его черты внешности и поведение, что и должны взять на вооружение судебные медики, психиатры, криминалисты. Возможно, что уже в ближайшем будущем изучение генетического кода, уровня и соотношения гормонов, антропологические и иные исследования предотвратят десятки опасных преступлений.

С прогрессом науки, общей медицины и биологии судебная медицина и криминалистика выходят на новые рубежи. Уже упомянутый О. Милунски оптимистически оценивает их возможности в недалеком будущем. На страницах своей книги он пишет: «Существуют без преувеличения сотни и тысячи белков, к исследованию которых можно прибегнуть, если возникает особая необходимость идентификации личности. В одном только эритроците распознано более 250 различных белков... Вот почему результаты генетического исследования в настоящее время приобрели большое значение в раскрытии преступлений. На основе различных генетических исследований крови мы получили возможность точно устанавливать различия между людьми. Такая идентификация почти столь же надежна, как и отпечатки пальцев! А если к этому добавить уникальную характеристику хромосом индивидуума, специально окрасив их, то возможности доказать вину подозреваемого в убийстве или изнасиловании окажутся широкими, а основания чрезвычайно надежными».

Государство не должно допускать бессердечного отношения к жизни и здоровью своих граждан, оно обязано вступать в борьбу против бессмысленно вредных людей.

М. Горький

В уголовном кодексе России предусматривается ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или сбыт наркотических веществ, а также их хищение из государственных медицинских учреждений. Мера наказания за подобные преступления довольно высока, что с позиций морали следует считать справедливым, учитывая их повышенную опасность для окружающих. При расследовании уголовных дел, связанных с наркотиками, следователь обычно назначает судебно-медицинскую экспертизу, проводимую экспертами-химиками.

Таково официальное отношение общества к лицам, употребляющим наркотики. Но за каждым оступившимся, а среди них весьма велик процент молодежи, стоит прежде всего человек, страдающий тяжелой трудноизлечимой болезнью. Случались и в моей врачебной практике в разные годы и

при различных обстоятельствах непохожие один на другой эпизоды и преступления, связанные с наркотиками.

* * *

...Автомашина остановилась у двухэтажного дома на окраине города. Несмотря на позднее время и мороз, в нем необычное оживление. Все окна освещены, хлопает входная дверь, выглядывают жильцы с хмурыми озабоченными лицами. Вот и нужная квартира. В ней беспорядок, недавно тут тушили пожар. Под ногами хрустит битое стекло, окна распахнуты, обгоревшие стены и мебель. В прихожей вниз лицом лежит человек. После фотографирования обстановки экспертом-криминалистом склоняюсь над лежащим. Причина смерти - самоубийство - будет установлена позднее, а пока после досмотра квартиры в шкафу и под подушкой мы обнаруживаем несколько ампул с морфием и около двух десятков упаковок с различными таблетками. Часть из них уже использована. После окончания расследования и судебно-химического анализа предшествующие события логически выстроятся в единую цепочку: употребление наркотиков, полубезумное состояние с поджогом квартиры, трагический финал.

Впервые о наркотиках я услышал на третьем курсе медицинского института, когда нам читали лекции по лекарственным соединениям, относящимся к этой группе. Кафедрой фармакологии Горьковского медицинского института заведовал тогда крупный отечественный ученый, профессор Николай Петрович Синицын, впервые в мире осуществивший пересадку сердца на животных в экспериментальных условиях (1945 г.).

- Наркотики - слово греческого происхождения, - начал Николай Петрович. - В переводе означающее «приводящее в оцепенение, одурманивающее». Это группа веществ растительного и химического происхождения, оказывающих болеутоляющее и снотворное действие. Наиболее ярким их представителем является морфин - сильный яд для центральной нервной системы. При малых количествах этих препаратов снимается болевая чувствительность, наступает глубокий сон. Отсюда и название - «морфин», в честь бога сна Морфея. Характерным проявлением действия морфина является состояние эйфории - благодушное, повышенно радостное, но ложное настроение, могущее привести к пристрастию, а в конечном счете к наркомании - крайне тяжелому заболеванию. Друзья мои, будущие врачи, запомните, лекарства-наркотики подобны высоковольтной линии огромного на-

пряжения. Прикосновение к ней без надобности чревато серьезными и тяжелыми последствиями.

Лекция лекцией, но тогда такие названия, как морфин, пантопон или героин, звучали для нас подобно некой умиротворяющей музыке: ведь они несли больному избавление от тяжелого недуга, с которым никогда не смирится человеческая природа, - избавление от боли. Год спустя, уже на четвертом курсе, после неожиданно свалившегося аппендицита мне тоже довелось соприкоснуться с болью. Тогда сразу же вспомнил о чудо-лекарствах и попросил молодого хирурга, зашедшего в палату, сделать что-нибудь обезболивающее. Врач уже был готов выполнить просьбу будущего коллеги, как тут неожиданно появившийся мой родной дядя, опытный клиницист, прошедший всю войну от звонка до звонка, перехватил руку со шприцем. Казавшийся спасительным укол не состоялся, и пришлось удовлетвориться двумя безобидными таблетками «совсем из другой оперы».

Вспоминаю, что тогда даже слегка обиделся на дядю, отказавшего родному племяннику в милосердии. Прошло несколько лет. После окончания института я стал совмещать обязанности районного судмедэксперта с дежурствами на скорой. В те незабываемые годы юности хотелось помочь всем страждущим и больным, избавить людей, вызвавших нашу бригаду, от недугов и страданий. Наркотики и тогда относились к лекарствам, находящимся под контролем. Всякий раз выходя на дежурство, я проверял свой врачебный чемоданчик: положены ли туда спасительные ампулы. С ними я чувствовал себя крепче и надежнее. Вера эта усилилась после того, как благодаря нескольким уколам нашей бригаде удалось буквально «дотащить» до операционного стола могучего бригадира грузчиков, получившего тяжелейшую травму грудной клетки с множественными переломами ребер и разрывом легкого, находившегося в состоянии глубокого шока. Последующая операция спасла ему жизнь.

В общем-то, ничего сверхъестественного здесь нет. В практике любого врача, особенно сталкивающегося с травмами либо онкологическими заболеваниями, встречаются ситуации, когда необходимо обращаться к наркотикам. Но бывают эпизоды иного рода, когда наркотики пытаются отнять, украсть, выпросить, купить... Такие случаи даже для медиков не так уж часты, наверное, поэтому они надолго врезаются в память.

Припоминаю такое дело. Некий врач-онколог, имея доступ к наркотикам, выписал их за большие деньги. Всего за год с небольшим он реализовал около сотни рецептов, пока милиция не прервала его «лечебную» де-

тельность. Ознакомившись с уголовным делом и написав судебный очерк о медике-преступнике, я отнес его в весьма уважаемое издание. Увы, тот материал так и не увидел свет. Сотрудник редакции, возвращая очерк, заметил, что тема эта малоактуальна, следовательно, не требует особого разговора с читателем. Однако давние записи сохранились. Перелистаем же вместе некоторые из страниц моего экспертного дневника.

Вскоре после того случая, когда нам удалось спасти бригадира, получившего тяжелую травму, вышел я на ночное дежурство. Поздним вечером на скорую поступает вызов. Выезжаю по указанному адресу на окраину города. Темень беспросветная, вокруг сугробы. Дорога внезапно обрывается, а до крайнего частного дома, где едва различим дрожащий огонек, еще добрая сотня метров. Свет становится ярче, кажется, меня встречают, ждут. От этих мыслей становится теплее. Заслоняя лицо от порывов холодного ветра, ускоряю шаг. На пороге вижу худого высокого мужчину средних лет с керосиновой лампой в руке. Вежливо, я бы сказал, интеллигентно, приглашает в комнату. Прохожу, сажусь, растирая озябшие руки, раскрываю саквояж.

- Так, на что жалуетесь, что случилось?

- Боли в животе, доктор, замучили. Видно, с вечера что-то не съел.

Предлагаю хозяину лечь для осмотра на диван, располагаюсь рядом. Теперь замечаю, что он действительно нездоров - цвет лица сероватый, глаза запавшие, беспокойные, изо рта неприятный запах. Кажется гораздо старше своих лет, хотя ему 37, выглядит на все 50.

- Явное пищевое отравление, - размышляю про себя, - хотя тошноту и рвоту отрицает. Свезу-ка я его в больницу, дежурный врач там разберется.

Помяв основательно живот, убеждаюсь, что ничего серьезного нет. Похоже, мой диагноз подтверждается. И тут произошло то, чего я вовсе не ожидал. На предложение ехать со мной мужчина, назовем его Петровым, ответил решительным отказом.

- Вы правы, доктор, ничего опасного нет, - вдруг соглашается он. - Мне бы только укольчик, чего-нибудь для снятия боли. - Он бросает взгляд на полураскрытый саквояж. - А в больницу мне ехать вовсе не обязательно. От укола, уверяю вас, вмиг полегчает.

Тут-то до меня дошло... Наркоман и, похоже, хроник. Твердо стараясь казаться спокойным, отказываю ему и направляюсь к выходу.

Несмотря на этот инцидент, дежурство то показалось весьма спокойным. Но вот около двух часов ночи раздался тревожный звонок.

- Тяжелый ожог, разорвалась паяльная лампа, - сообщила медсестра, принявшая вызов. Дело действительно серьезное, такой случай в моей небогатой практике уже был. Взяв все необходимое, выезжаем. Через двад-

цать минут поднимаюсь на второй этаж и в одной из комнат коммунальной квартиры при слабом свете свечи (неожиданно и как назло отключилось электричество) вижу того же мужчину со злобными глазами и легкой краснотой на коже правой руки, чуть пониже локтя. Ничего себе «ожог»! Помазав для приличия зеленкой то место, захлопываю дверь и возвращаюсь на скорую.

Но это было еще не все. Ранним утром, когда до сдачи дежурства оставалось чуть более часа, последовал очередной вызов: кому-то плохо с сердцем. Попросят прислать поквартирного, со стажем. Но вторая машина с опытным Сергеем Леонтьевичем только минут десять как ушла в ближайшее село. И вернется оттуда не ранее, чем через полтора-два часа. Стало быть, ехать мне.

Опять частный дом, до которого добираюсь в туманном морозном свете по оледеневшей тропе. А там... тот же Петров, согнутый, казалось, вдвое от судорог, с перекошенным лицом и белыми ошалелыми глазами, но не один - рядом полуодетая неряшливая женщина. Опять просьбы о «спасительных уколах», теперь перемежаемые с бранью и откровенными угрозами. Вдруг мужчина рывком скатывается с разобранной кровати и ползет навстречу, часто-часто целуя шершавый грязный пол. Еще мгновение, и губы его коснутся припорошенных снегом валенок. Меня бросает в пот, пчусь к дверям, крепко сжимая в руках чемоданчик. Не скрою, сквозь досаду и страх (в общем-то теперь передо мной был фактически безумец) пробилось чувство жалости к этим людям. Предлагаю ехать в больницу, но слышать не хотят: укол, только по одному уколу. Решительно открываю дверь, и тут дорогу мне преграждает большая овчарка, выпущенная хозяйкой из соседней комнаты. Услышав хриплый злобный лай, на выручку спешит водитель с монтировкой в руке. С ее помощью обороняясь от собаки, покидаем «дом с привидениями». Лишь добравшись до машины и почувствовав себя в безопасности, догадываюсь, почему же все-таки просили прислать опытного врача. Петров явно хотел избежать очередной встречи, но волею судьбы мне опять выпало оказаться лицом к лицу с наркоманом.

Когда я вспоминаю ту давнюю ночь с тремя ложными вызовами по разным адресам и овчаркой в качестве возмездия для неугодного врача, становится понятным, до чего может докатиться человек, пристрастившийся к наркотикам. С той памятной ночи моя наивно-юношеская вера в безусловное добро от «чудо-лекарств» серьезно поколебалась.

Между тем, в любом из учебников или руководств по судебной медицине можно найти специальные главы, посвященные наркотикам. «Как морфин, так и большинство его производных являются ядами центральной нервной системы и даже в небольших количествах действуют избиратель-

но на кору головного мозга, - считает видный судебный химик профессор М.Д. Швайкова. - Морфинизм имеет судебное и судебно-медицинское значение, так как морфинисты способны на всякое преступление для того, чтобы достать морфин».

Передо мной последние номера медицинского реферативного журнала, в котором публикуются научные обзоры зарубежной литературы по всем основным отраслям здравоохранения. Ныне в нем значительно увеличилось количество разнообразных материалов по фактам злоупотреблений наркотиками. Опуская детальные описания, приведу названия рефератов некоторых оригинальных статей из раздела по судебной медицине: «Отравление кокаином у младенца, вскармливаемого материнским молоком» (США), «Происхождение и лечение злоупотреблений органическими растворителями у детей и подростков» (Англия), «Вскрытия в случаях внезапной смерти после вдыхания толуола» (Япония), «Эффекты от употребления алкалоидного кокаина «крэк» (жаргонное слово. - Прим. М.Ф.) на плод, находящийся в матке» (США), «Смерть на Западе - региональные исследования данных о самоубийцах-наркоманах среди молодежи» (ФРГ), «Инфаркт миокарда после употребления кокаина» (США), «Злоупотребления наркотиками в Дании» и т.п. Заголовки вызывают к помощи, буквально кричат, и к этому трудно что-либо добавить.

Борьба с такими остросоциальными болезнями, как наркомания и наркобизнес, в ряде случаев не имеющими государственных границ, становится интернациональной проблемой практически всех без исключения государств планеты. Учитывая это, министерство здравоохранения РФ, по согласованию с правоохранительными органами, приняло решение о создании в областях и городах на базах бюро судебно-медицинской экспертизы единых централизованных лабораторий аналитической диагностики токсических веществ в органах и тканях человека с предоставлением соответствующего оборудования, штатов и средств.

Установлено, что по воздействию на организм человека наркотик в чем-то схож с алкоголем. Ведь наркоман употребляет его не в медицинских целях, допустим, для снятия боли, а для того, чтобы наступило состояние одурманивания, так называемого наркотического опьянения. Морфий и аналогичные ему препараты (иногда в результате единственного укола или приема 2-3 таблеток) вызывают чувство привыкания. Поэтому для получения эффекта, удовольствия на несколько часов, дозы приходится все время повышать. Тут-то и возникает порочный круг - наркоман уже не в силах выпутаться из сети, в которую попал, так как при отказе от препарата или уменьшении дозы возникает крайне мучительный для организма синдром отмены, так называемая абстиненция (в

переводе с латыни - «воздержание»). Абстиненция проявляется в тягостном состоянии - угнетении духа и воли, чувстве беспокойства и страха, сердцебиении, потливости, невыносимых болях в костях и суставах, судорогах. Тот, кто хотя бы раз видел человека при подобных страданиях, не забудет этого никогда. Когда я вспоминаю ту давнюю ночь на скорой помощи, с тремя вызовами по разным адресам и овчаркой для мести неуголному врачу, мне становится не по себе.

Замечу, что проводить параллели между алкоголизмом и наркоманией уместно до определенного предела. Да, известно, что спиртное иногда провоцирует выпившего слабovolного человека на прием наркотика. Но если бытовой пьяница становится алкоголиком не сразу, постепенно, на это уходит пара, а то и десяток лет, пристрастие к наркотикам вырабатывается в спринтерском темпе, обычно за два-три месяца. При этом процесс деградации личности и в физическом, и в социальном аспекте стремительно прогрессирует. Редко кто из наркоманов преодолевает сорокалетний рубеж, а если и достигает его, то выглядит глубоким стариком, глубоко больным и нравственно разбитым человеком. Происходит воистину полное уничтожение личности, подмеченное еще великим Шекспиром:

Рука тверда, дух черен, верен яд,
Час дружествен, ничей не видит взгляд.
Тлетворный сок полночных трав, трикраты
Пронизанный проклятием Гекаты,
Твоей природы страшным волшебством
Да истребится ныне жизнь в живом.

Судебно-медицинским экспертам нередко приходится осматривать лиц, пристрастившихся к наркотикам, в целях выявления на теле следов, оставшихся после инъекций (уколов). Теперь не могу припомнить в деталях их лиц... Но из ряда освидетельствований в памяти постепенно возник некий обобщенный, собирательный портрет наркомана. Как правило, это худощавый, еще молодой человек (возраст ныне редко за тридцать), слабovolный, болезненный, иногда неряшливо одетый, все же с претензиями на респектабельность и «хорошие манеры», очень лживый, который может поведать массу полуфантастических историй из своей биографии, ни одной из которых верить нельзя. Обычно вежлив, даже заискивающ, однако несдержан и вспыльчив, если «прижат к стенке». Факт употребления наркотиков подавляющим большинством отрицается и тщательно скрывается. Наркомания имеет судебное значение, так как люди, пристрастившиеся к дурману, способны на любое преступление. Листаю странички дневника... Вот еще один эпизод, сравнительно недавний.

...Это случилось во Владимирской области, когда среди бела дня - около 14 часов, в реанимационное отделение областной больницы с тяжелой травмой головы поступил некий Руслан Сафаров. Спутник потерпевшего, Виктор Мишин, пояснил, что они ехали на «Жигулях» из Узбекистана в Ярославль и вообще с чисто познавательными целями решили совершить вояж по Золотому кольцу. Недалеко от Владимира Сафаров, сидевший на месте пассажира переднего сиденья, открыл дверь и, держась за нее, резко наклонился вниз, пытаясь заглянуть под машину, где вроде бы что-то случилось с коробкой скоростей. Когда через пару секунд Сафаров вернулся в прежнее положение, голова у него оказалась в крови.

- Вероятно, он ударился о придорожный камень, - считал Мишин. Хотя рядом вдесяти минутах езды был большой город, он кое-как, но с видимым усердием, перевязал раны на голове Руслана не первой свежести майками. Лишь убедившись в тяжести состояния Сафарова, который так и не пришел в сознание, более чем час спустя доставил его в больницу. Персонал приемного покоя засвидетельствовал, что Мишин был крайне взволнован. Он так и не смог толком рассказать, что же все-таки случилось, мешал работать, плакал, пытаясь, в частности, «помочь» дежурному хирургу произвести обработку раны. Потом Виктор попросил что-нибудь успокоительного и, выпив валериановые капли, быстро заснул. Когда сотрудники ГИБДД в целях расследования причины дорожно-транспортной травмы прибыли в больницу, им пришлось потратить немалые усилия, чтобы разбудить Мишина. Но еще до этого при осмотре автомашины, в багажнике ее, среди груды различных предметов, за запасным колесом был обнаружен тщательно упакованный полиэтиленовый пакет, весом около полутора килограммов.

- Похоже, гашиш, - растерев в руках остро пахнувший комочек, предположил кто-то из сотрудников. Так оно и оказалось: впоследствии исследование порошка подтвердило, что химикам доставили для анализа один из сильнодействующих наркотиков с «южной пропиской».

Между тем, очнувшись, Мишин опять-таки забеспокоился, от пакета же в багажнике отказался наотрез. Возможно, он и дальше продолжал бы ссылаться на неведение, свалив все на находившегося без сознания Руслана. Однако среди личных вещей Виктора обнаружили в кошельке упаковку с тем же зеленым порошком весом 2,1 грамма.

Прошло несколько дней. За это время инспектор уголовного розыска успел слетать в Андижан и навести о путешественниках кое-какие справки. Руслан Сафаров оказался барменом туристической гостиницы, Виктор Мишин - студентом 3-го курса педагогического института. В ходе след-

ствия выяснилось, что как-то Руслан познакомился с двумя подвыпившими туристами из Ярославля, которые уверили его, что в их краях можно дешево купить подержанную автомашину по относительно дешевой цене, да к тому же и подзаработать, если привезти с собой наркотики. Он поделился информацией с Мишиным. Оба стали собираться в город на Волге, а пока суть да дело, в Ярославль отправляется небольшая посылка. В материалах дела фигурирует письмо одного из туристов, некоего Г., в котором он пишет Сафарову: «... Дрова кончились, но пока ничего не надо. Передашь их при встрече».

Для приобретения наркотиков в Андижане тоже нужны деньги. Тогда Мишин продает мотоцикл отца, на вырученное покупает гашиш. Возможно, путь этой пары до Ярославля был бы более благополучным, но, сделавшись хроническими наркоманами, они в дороге употребляли гашиш, а Сафаров сделал себе несколько уколов промедола. Когда под Владимиром сломалась машина, времени на ремонт у них не было. Одно только желание - быстрее доехать до Ярославля и выгоднее сдать наркотик - гнало их вперед. Чтобы устранить перекосяк, под коробку передач подкладывается гаечный ключ. Внезапно он выпадает, тогда-то Сафаров, не пристегнувшись ремнем безопасности, открывает дверцу и, наклонившись вправо, почти касаясь головой шоссе, заглядывает под машину, пытаясь (на ходу!) обнаружить неисправность. В тот момент им и была получена тяжелая травма с переломом костей черепа.

Рассказывает начальник следственного отделения Л.И. Крайнова:

- Замечу, что версия о несчастном случае, казавшаяся поначалу маловероятной (предполагалась и возможность ссоры с ударом по голове Сафарова каким-то предметом) нашла свое подтверждение в ходе осмотра места происшествия. На неровной дороге с выступающими камнями и комьями смерзшейся земли имелись следы крови в виде пятен и брызг. Вероятнее всего, Сафаров, находясь в состоянии наркотического опьянения, утратил всякую осторожность...

Последующие судебно-медицинская, криминалистическая и автотехническая экспертизы не опровергли такой возможности. Но еще до того как были получены их результаты, по предложению следователя я осмотрел Сафарова тотчас же после проведения ему сложной неотложной операции. Он лежал на особой кровати, лишь системы для переливания крови и противошоковых жидкостей поддерживали его жизнь. Голову потерпевшего окутывала толстая многослойная повязка, по меня пока интересовали лишь его руки, худые, посиневшие, беспомощно раскинутые в стороны. В локтевых сгибах и выше кистей по ходу голубоватых спавшихся вен я увидел

множественные мелкие коричневатые ссадинки от уколов иглой. В конце концов Мишин и его сообщники оказались на скамье подсудимых. Сафарова, несмотря на усилия медиков, спасти не удалось...

Следует отметить, что при определении наказания Мишину - семь лет лишения свободы с конфискацией автомашины и другого имущества в доход государства - суд учел характер и значительную общественную опасность совершенного преступления. Ныне доказано, что наркомания, если она распространяется среди водителей автомобилей, становится весьма опасной. Недавно в газетах появилось сообщение о решении итальянской национальной федерации автомобилистов, наряду с проверкой на алкоголь, подвергать водителей и наркотическому контролю. Памятуя об андижанском деле и ему подобных представляется, что и в нашей стране подобные меры безопасности оказались бы не лишними.

- Не оказались бы лишними, - соглашается в разговоре со мной начальник Владимирского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Ю.Л. Лопатин. - Вспоминаю Киргизию, где раньше работал. Случай, о котором хочу рассказать, произошел августовским днем, около пяти часов вечера. Едва переступил порог квартиры, как позвонили из прокуратуры и попросили срочно выехать на место происшествия. Оказалось, что в ближайшем районе разбилась машина с несколькими молодыми людьми. Приезжаем туда и видим печальную картину: вдребезги новенькие «Жигули», тут же и жертвы - трое погибших, двух пассажиров скорая помощь увезла в больницу. Еще до вскрытия я взял у всех потерпевших смывы из полости рта, отправив их в лабораторию. И хотя причины катастрофы подразумевались различные - техническая неисправность автомашины, превышение скорости, алкогольное опьянение, судебно-химический анализ все расставил по местам: у всех оказалось наркотическое опьянение, вызванное употреблением значительного количества дикорастущей конопли. Последующее расследование установило местонахождение подпольной плантации, а после ночной засады органы милиции вышли на мафиозную группу преступников, использовавших в качестве дешевой рабочей силы юношей и даже несовершеннолетних подростков из соседних деревень...

Сейчас на страницах периодических изданий, по радио, телевидению медики, юристы, социологи пишут и говорят о пагубности наркотиков. Широкая гласность, откровенность, привлечение к проблеме не только врачей (понятно, они по велению сердца и долгу службы обязаны быть в первых рядах борцов со злом) поможет сориентировать молодежь, уберет слабых духом от сомнительного сиюминутного соблазна.

Условно причины наркомании можно обозначить как факторы риска:
1. Социологами и медиками установлено, что к наркотикам прибегают

молодые слабохарактерные люди либо пережившие тяжелое потрясение (например, разлад в семье, конфликт на работе, разочарование в любви). Ощущение удовольствия, эйфории делает их рабами прогрессирующей с каждым днем болезни, заставляет многократно повторять и увеличивать дозы, хотя обычно причина, толкнувшая их в роковой круг, может исчезнуть. 2. Желание молодых «встряхнуться», самоутвердиться перед сверстниками и в собственных глазах либо освободиться от состояния психического напряжения - стресса или депрессии. 3. Любопытство, подражание товарищам, дань «моде», сходное с менее безобидными явлениями, например, курением, жажда новых ощущений. Статистика свидетельствует, что 60% молодежи прибегает к наркотикам именно из любопытства.

Тщательная охрана лекарств привела к тому, что теперь в основном применяется одурманивающее зелье растительного происхождения, получаемое подпольными бизнесменами из дикой конопли и мака, выращиваемых преимущественно в южных регионах (среднеазиатские страны, Казахстан, отдельные области Поволжья). Наркотики, получаемые из растений этих видов, не менее опасны для здоровья.

В специальном номере, посвященном этой остросоциальной мировой проблеме, орган Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) журнал «Санте дю Монд» резонно уточняет, что «наркотиками следует считать любое вещество (имеющее или не имеющее законного применения в медицине), которое является предлогом злоупотребления в других целях, кроме медицинских».

И хотя наши Владимирская и Смоленская области считаются относительно «благополучными» по сравнению с южными регионами, обстановка с каждым годом становится все более тревожной.

В самом деле - редко кто из лиц, употребляющих отравленное зелье в любых видах, достигает 35-40 лет. Поэтому наркоман-хроник в возрасте становится неким уникалом, музейным экспонатом. Действительно, наркомания - молодежная проблема. Ведь жизнь пристрастившегося к дурману обрывается и очень скоро, и очень рано. В справедливости этого я смог убедиться лично, когда посетил областную психиатрическую больницу, где в специальном отделении осуществляется лечение наркоманов. Опытные врачи-психиатры Э.О. Ксилинский и А.В. Матвеев были предельно откровенны:

- Сейчас в нашем отделении находится несколько десятков больных, - сказали они. - В основном, лица молодого возраста. Лечение проводим комплексно, используем новейшие препараты, психотерапию. Но эффект не столь велик, как хотелось бы, ибо к нам доставляют больных с доволь-

но запущенными формами болезни. Следует выявлять наркоманов как можно раньше, тогда и шансы на успех будут гораздо выше.

Спрашиваю у коллег о причинах, толкающих молодежь к наркотикам. Ведь знают же, что это «белая смерть», тяжелое заболевание, ведущее к преступлению или сломанной судьбе, всегда к безысходному трагическому финалу.

- А вы потолкуйте с больным К., - предлагает Э. Ксилинский. - Поступил на днях, в отличие от других весьма разговорчив, показательный пациент. Его автобиография, впрочем, типична для многих из тех, кто коснулся роковой черты.

В кабинет вошел худощавый молодой человек с бледным интеллигентным лицом, густыми темно-каштановыми волосами. Представляю его: Борис К., 22-х лет, последнее время нигде не работал. Разговаривал я с Борисом более трех часов, он оказался на удивление откровенным собеседником, хотя вопросы были довольно острыми.

- Рос и воспитывался в Ставропольском крае. Курить начал в 6-м классе, еще через год, глядя на друзей постарше, стал добавлять в сигареты гашиш. Вначале было просто любопытно, хотелось испытать новые ощущения, стать взрослее. Летом, на каникулах, я был предоставлен сам себе, родители почти мною не занимались. С 9-го класса начал делать уколы, опять-таки от скуки, чтобы снять напряжение и плохое настроение. Мне все время казалось, что окружающие живут лучше меня, сверстники имеют красивые модные вещи. А как примешь «дозу», все проблемы исчезают сами собой, настроение становится бодрым, приподнятым. Но всего на несколько часов. Любой наркотик стоит на «черном рынке» больших денег. стакан молотого мака - 30 рублей, «колеса» (таблетки - жаргонное слово) - от четырех до восьми рублей за несколько штук, «стекло» (ампулы, тоже жаргон) - до 20 рублей за 1-2 мл. С 10-го класса начал воровать, на вырученные деньги приобретал наркотики. Дважды попадался, имею две судимости. Я знаю, что наркотики очень вредны для организма, многих моих знакомых, друзей уже нет на свете. Кто-то умер, кто-то покончил с собой. У меня сильные сердцебиения, боли в желудке и суставах, частые судороги, врачи считают, что никудышная печень. Наверное, мне не стоило этим заниматься. Ведь я всего за один-два года стал законченным наркоманом, когда нет «дозы», чувствую себя крайне тяжело, все болит, голова гудит, жить не хочется. И это не громкие слова - в буквальном смысле умираю.

Спрашиваю Бориса о самочувствии, его планах, интересах.

- Здесь я больше недели, чувствую себя лучше, - отвечает он. - Скажите, доктор, мне действительно помогут? Очень хочется удержаться, начать все сначала. И главное, как закончу лечение, надо рабо-

тать, на что-то переключиться. Читать я теперь не очень люблю, разве что детективы. В музыке предпочитаю тяжелый рок да еще нравится Бах. В органе что-то такое, что может спасти...

Биография Бориса оказалась действительно типичной. В ней жесткая и беспощадная реальность, если хотите, человеческая трагедия, будем надеяться, еще не до конца пройденной жизни.

Пора подводить итоги... Я поведал читателю о событиях, происшедших в разные годы, с тремя разными людьми. Тут наркоман в возрасте, которого уже, пожалуй, ничего не могло спасти, и два молодых человека, один из которых - Мишин - угодил на скамью подсудимых, другой - Борис К., с двумя судимостями в биографии, прошел курс серьезного лечения в психиатрической больнице. При всей несхожести характеров, возраста, образования и интеллекта есть нечто, объединяющее этих людей. Но что? По сей день, встречаясь с очередной жертвой, размышляю над этим вопросом.

Легче всего списать все на отсутствие воли, невнимание окружающих, жизненные зигзаги. Но не они ли подвергли многократным нечеловеческим испытаниям и перегрузкам, почище космических, собственное здоровье, положение в обществе, а вместе с этим и саму Судьбу? Давайте взглянем на наркомана трезво и без прикрас, сняв с него тщательно наложенный псевдоромантический грим. Сквозь некое таинство бытия и филмиам порока он постепенно, но и не медленно - пожалуй, даже стремительно, с ускорением свободно падающего тела, летит через стадии болезни, еще живой, но уже вне жизни, где-то по краешку ее. Он двигается, дышит, разговаривает, даже любит, однако, по пушкинскому выражению, «роковая печать» уже коснулась его. Фигуры трагические, они день ото дня усердно стирают собственную и ту зыбкую трепетную грань, которая отделяет жизнь от смерти. Самоубийство самого себя - без пули, веревки, цианистого калия, ножа. Театр одного актера, драма и трагедия, сыгранные от начала до конца...

Врач по профессии, выдающийся русский писатель, М.А. Булгаков в рассказе «Морфий» талантливо и правдиво повествует о судьбе доктора Сергея Полякова. У молодого земского медика ночью внезапно возникают боли в области желудка, и он снимает их уколом морфина. После того как боль прошла, герой рассказа размышляет: «Не могу не воздать хвалу тому, кто первый извлек из маковых головок морфий: истинный благодетель человечества. Было бы очень хорошо, если бы врач имел возможность на себе проверить многие лекарства. Совсем иное у него было бы понимание их действия». Этот укол стал для Полякова роковым, с той ночи он превратился во врача-наркомана. Дозы многократно растут, вот

строки из дневника-исповеди медика: «... Я - несчастный доктор Поляков, заболевший в феврале этого года морфинизмом, предупреждаю всех, кому выпадет на долю такая же участь, как и мне. Смерть от жажды - райская, блаженная смерть по сравнению с жадой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре шевелится и стонет, когда первые язычки пламени лижут его ноги... Смерть, сухая медленная смерть... 15 января. Рвота утром. Три шприца четырехпроцентного раствора в сумерки. Три шприца четырехпроцентного раствора ночью. 17 января. Читал во время воздержания учебник психологии, и он произвел на меня угнетающее впечатление. Я погиб, надежды нет. Шорохов боюсь, люди мне ненавистны во время воздержания. Я их боюсь. Во время эйфории я их всех люблю, но предпочитаю одиночество».

В финале раненый Поляков умирает, выстрелив себе в грудь из револьвера. С момента первого укола прошел ровно год...

В 1987 году на страницах журнала «Москва» литературовед М. Чудакова в произведении «Жизнеописание Михаила Булгакова» трактует трагедию Полякова как подлинный факт из биографии самого писателя.

«В то время, когда они жили в Никольском, произошло, как рассказывала нам Татьяна Николаевна (первая жена М. Булгакова), следующее: отсасывая через трубку дифтерийные пленки из горла больного ребенка, Булгаков случайно инфицировался и вынужден был ввести себе противодифтерийную сыворотку. От сыворотки начался зуд, выступила сыпь, распухло лицо. От зуда он не мог спать и попросил впрыснуть ему морфия. На второй и третий день он снова попросил жену вызвать сестру, боясь нового приступа зуда и связанной с ним бессонницы. Повторение инъекций в течение нескольких дней привело к эффекту, которого он, медик, не предусмотрел из-за тяжелого физического самочувствия: возникло определенное привыкание организма к небольшим дозам морфия. Началась изнурительная внутренняя борьба с этой привычкой.

...Его физическое состояние, так же, как и душевное, оставляло желать лучшего. От тяжелой, не на благо приобретенной привычки избавиться не удалось. Повторялись периоды тяжелой депрессии, когда ему казалось, что он сходит с ума, и он просил, молил жену: «Ведь ты не отдашь меня в больницу?», панически боялся, что его состояние станет известно окружающим, - и, не в силах справиться с собой, гнал жену в аптеку за новой порцией, не слушая ее увещаний (все это он сам потом с медицинской точностью опишет в рассказе «Морфий»).

...Спустя несколько месяцев после переезда в Киев, по воспоминаниям Татьяны Николаевны, Булгакову удалось, наконец, избавиться от болезни,

приобретенной еще в Никольском. Избавлением этим Булгаков в первую очередь был обязан жене: она упорно стала отказывать ему в морфии, возвращаясь из аптеки, говорила, что лекарства не дали; он терял самообладание, однажды бросил в нее горящий примус, в другой раз целился из браунинга, и вбежавшие люди вышибли браунинг из его руки, отобрали. ...Конечно, он бы не выстрелил, просто угрожал... Ему самому было очень плохо, он мучился... Постепенно она стала обманывать его, впрыскивая дистиллированную воду вместо морфия, - и произошло то, что бывает редко - полное отвыкание. Как врач, он хорошо понимал, что происшедшее с ним было почти чудом. Он почувствовал освобождение, радость выздоровления» («Москва», 1987, № 6).

«Происшедшее с ним было почти чудом...» Верная и точная фраза, ибо людей, победивших тяжелую болезнь, сумевших отвыкнуть от наркотического плена, - считанные единицы.

Известно, что у великого живописца Винсента Ван Гога (1853-1890) в последние полтора года жизни отмечались сильные нервные припадки, галлюцинации, мучительная бессонница. В итоге такая душевная болезнь привела тридцатисемилетнего художника к самоубийству. Недавно группа американских ученых-биохимиков, возглавляемая профессором медицинского центра Канзаского университета Уильфредом Арнолдом, поставила неожиданный диагноз его заболевания. По их мнению, Ван Гога привели к гибели злоупотребление полынной водкой - абсентом и курение, в том числе веществ, имеющих наркотическое действие. Исследователи тщательно проанализировали письма художника и свидетельства очевидцев, относящиеся к последнему периоду его жизни, который он провел на юге Франции. Полученные сведения позволили сделать предположение, что гениальный художник злоупотреблял алкоголем и наркотиками. Выяснилось также, что в красках, которыми он пользовался, содержался растворитель, оказывающий токсическое действие. Причем в сочетании с никотином, а Ван Гог, по собственному признанию, слишком много курил, оно было особенно сильным...

Вспоминаю, был на нашем курсе студент, в общем-то ничем не примечательный, мало отличающийся от остальных, но какой-то неуравновешенный и импульсивный. Не знаю, кто внушил ему эту идею, возможно, он сам дошел до нее, но с некоторых пор будущий медик стал пробовать, испытывать на себе лекарства, о которых мы узнавали на занятиях. Сначала в очень малых, микроскопических дозах. В глазах некоторых (особенно женской половины студенчества) он стал весьма популярен, над нервным профилем его воссиял нимб полугероя, подвижника юного Печорина. Врачебная судьба его оказалась трагической - вскоре после окончания инсти-

тута он стал законченным и сформировавшимся наркоманом. Сменил одну работу, другую. Лишившись врачебного диплома, стал фельдшером.

Между тем, торговцы наркотиками расширяют поле деятельности, создавая в различных регионах России хорошо законспирированную и запутанную сеть наркобизнеса. В тревожной статье «Нарковампирь» корреспондент «Известий» В. Белых (№ 220 от 17.11.93 г.) пишет о некоторых тайных сторонах этой проблемы в столице: «К сегодняшнему дню оперативниками столичного ГУВД удалось установить лишь несколько человек, участвовавших в этом страшном промысле». Среди руководителей наркодельцов: пожилая женщина - майор службы госбезопасности. В свое время она работала в ГУЛАГе, как рассказывают, по роду службы лечила заключенного Александра Солженицына, который потом описал ее в своем романе «Раковый корпус». Уйдя на пенсию, обосновалась в одной из московских больниц... Зелье шло на подпольный рынок самыми различными путями. Как выясняется, практиковалось в больнице и обслуживание клиентов непосредственно на месте. В так называемый дневной стационар на несколько часов ложились свои - проверенные - люди, мучимые ломкой. И, расплатившись по прејскуранту, получали в вену инъекцию, сделанную опытной рукой медика. ... Отставной майор КГБ получала свои наркотики на раковых больных. В клинике с дневным стационаром-притоном, где она работала, как обнаружилось, все это было нормой с незапамятных времен. Там нашли пациентку, страдающую капилляро-токсикозом. Если верить записям, то ей с 1962 года ежегодно кололи по полторы тысячи ампул. Но анализ не обнаружил в ее крови ни малейшего присутствия наркотика. Успехи частного предпринимательства породили и новую разновидность наркомании - абонентную. По неофициальной статистике, среди современных бизнесменов немало любителей «благородного кайфа». Богатые люди, не размениваясь на мелочи, **На!** шмают личных врачей, которые и наркотик достанут, и принесут его, и инъекцию сделают грамотно разовым шприцем».

Будем откровенны: хотя колокол пробил со значительным опозданием, гул его становится все громче и тревожнее. Дремавшее годами общественное мнение наконец-то разбужено. Гласность, правда о наркотиках, как свидетельствует опыт, - и есть наиболее действенные меры борьбы с ними. Шараханье от недавнего квасного оптимизма к крайнему пессимизму тоже вряд ли оправдано. Но как же важно, чтобы каждого из молодых, кто способен оступиться или уже коснулся роковой опасной черты, предостерегли знания и авторитет опытных искушенных людей. Где найти нам такого человека, каким оказался для двадцатидвухлетнего студента-медика его мудрый родной дядька?

(новеллы о криминалистике)

*Кабинет криминалистики - как перечень...
Сашка Марков, будь Вергилием, веди!
Обвиняемые или потерпевшие,
Стонут вещи с отпечатками беды.*

А. Вознесенский «Ялтинская криминалистическая лаборатория»

После общей медицины наукой, наиболее тесно связанной с судебной медициной, является криминалистика. Нередко по одним и тем же уголовным делам, в особенности в случаях убийств, причинения тяжких телесных повреждений, использования острого и огнестрельного оружия следователь назначает комплексные судебно-медицинские и криминалистические экспертизы, исполняемые специалистами двух содружественных профессий.

Союз судебной медицины и криминалистики проверен временем. И не случайно зарождение отечественной криминалистической службы связано с именами П.С. Семеновского, К.С. Бокариуса, Ю.С. Сапожникова, Ю.М. Кубицкого, А.И. Законова - медиков по профессии. Мир криминалистики необычайно широк, а нынешняя бурная и беспокойная

жизнь постоянно ставит перед экспертами разного профиля - трассологами, баллистами, химиками, почерковедами - все новые и новые задачи. Отталкиваясь от конкретной судебной практики одного из российских областных экспертно-криминалистических управлений, автор, не претендуя на полноту изложения, постарался рассказать о людях и буднях этой редкой профессии.

1. Есть такая наука...

Несколько лет назад, будучи в Санкт-Петербурге, мне довелось совершить экскурсию по необычному музею. Не пытайтесь найти этот музей в каталогах и проспектах, не стремитесь туда попасть - бесполезная затея. Помнится, когда нас, судмедэкспертов, приехавших на учебу, пропустили туда, кто-то из коллег попытался прихватить с собой родного брата. Интеллигентного вида парень, будущий архитектор, так и не попал на вожделенный вернисаж. Ничего удивительного - ведь речь идет о музее криминалистики... Здесь на многочисленных стендах и за стеклом витрин собраны уникальные экспонаты, на каждом из которых история поиска следователей, сотрудников уголовного розыска, экспертов.

Вот документы, рассказывающие о процессе над известной бандой Леньки Пантелеева. Рядом - поддельные полтинники еще довоенных лет. В другом зале фотоэкспозиция о знаменитом Мухтаре - с помощью этой служебной овчарки (тут же приходит на память известный кинофильм) были раскрыты десятки разнообразных преступлений. Но более всего нас поразило не это собрание уникалов, отражающих противостояние между Законом и людьми, конфликтующими с ним, а некий факт из истории музея.

- Собрание было создано в начале тридцатых годов, - заметил наш гид, - и через несколько лет его решили сделать открытым для любого посетителя. Купил входной билет, и можешь не спеша любоваться собранными тут раритетами и криминальными реликвиями. Однако подобная вседоступность просуществовала чуть больше года. Вскоре ленинградская милиция подметила, что граждане определенного рода пытаются обойти закон с помощью некоторых практических навыков, почерпнутых при посещении музея. С того времени его закрыли для свободного доступа, и теперь ознакомиться с этими «антиэкспонатами», которые, увы, время от времени пополняют нашу коллекцию, могут только люди, имеющие прямое отношение к юстиции и борьбе с преступностью.

А вот газетное сообщение из опыта США подобного рода, свидетельствующее, что излишняя гласность в профессиональных делах огра-

ничивается не только у нас: «Если бы Эдгар По еще жил, то, несомненно, побывал бы здесь в поисках материала для будущих своих рассказов. На 6-м этаже одного из зданий 30-й улицы Маихэттена собраны вещественные доказательства, документы, следы преступлений и несчастных случаев. Прямо у входа встречает манекен в обгоревшей одежде. Манекен - копия молодого человека, в которого попала сильнейшая молния. А вот обычная, на первый взгляд, ванна. Однако в ней в разное время заживо сгорел не один десяток человек. В основном это были молодые женщины - жертвы маньяка, руководителя одной из религиозных сект. Остается добавить, что во избежание нервных потрясений вход в музей открыт только для специалистов: врачей, криминалистов, полицейских, ученых».

Впоследствии мне довелось услышать различные мнения о Санкт-Петербургском музее. А опытный эксперт-криминалист, профессионал высокого класса, так прокомментировал тот факт из его биографии:

- Конечно, тогда правильно поступили, что закрыли музей для любопытствующих. Однако могу поспорить, что если бы даже наши соперники (он имел, понятно, в виду тех граждан определенного рода, о которых упомянул гид) попытались использовать свои знания, они были бы обречены на неудачу. Ведь есть же такая наука - криминалистика...

Понятие это берет начало от латинского слова «criminalis», что в переводе означает «относящееся к преступлению». Пионером термина «криминалистика» является известный австрийский следователь прошлого века, профессор Ганс Гросс, книга которого «Руководство к расследованию преступлений» и поныне считается классическим фундаментальным трудом в этой области.

Заслуга Г. Гросса в том, что он, пожалуй, впервые, обратил внимание юристов на необходимость использования достижений естествознания и техники при расследовании уголовных дел. «Как ни совершенна сегодня микроскопия, как ни велики успехи науки, достигнутые с помощью удивительного прибора, искусство специалиста по микроскопическим исследованиям очень редко используется следователем, - писал Гросс. - Он слишком редко привлекает химиков, и расследование многих нераскрытых дел могло бы закончиться успешно, если бы пользовались его консультацией, можно утверждать, что ботаник способен оказать помощь как раз в самых трудных, самых важных и интересных вопросах. Грязь, прилипшая к обуви, и прочие следы могут подчас рассказать о местонахождении хозяина этих вещей больше, чем можно установить путем длительного расследования».

Чтобы познакомиться с исследованиями, проводимыми в современной криминалистической лаборатории, зайдем в здание Владимирского областного управления внутренних дел, где расположен экспертно-кри-

миналистический отдел, коротко ЭКО - так называют его юристы. Обычные, как в любом учреждении, коридоры бокового крыла первого-четвертого этажей, на дверях таблички с надписями: «Судебный почерковед», «Судебный трассолог», «Судебный баллист», «Судебный химик». В большом светлом зале с темными шторами на окнах собраны разнообразные приборы, которыми пользуются эксперты: различные виды микроскопов, электронный преобразователь для исследований в инфракрасных лучах, люминесцентные лампы, сложная фототехника. Рядом оснащенные по последнему слову всем необходимым оборудованием две фотолаборатории - для обычных и цветных снимков.

Если кратко изложить цели и задачи современной криминалистики, они состоят в оказании следственным и судебным органам квалифицированной и эффективной помощи с использованием проверенных научных методов при установлении истины по конкретным уголовным делам. Однако разные бывают случаи, и не только убийства или погони...

Вспоминаю эпизод, связанный с расследованием несчастного случая на одном из предприятий. Поздним вечером у электрошита, был обнаружен рабочий Х., 53-х лет. Прибыла оперативная группа - следователь прокуратуры, эксперт-криминалист, судебно-медицинский эксперт. Предварительным осмотром причина смерти точно установлена не была. На следующий день после вскрытия я, исключив сердечно-сосудистую патологию, по следам на пальцах рук (так называемым электрометкам) констатировал, что смерть Х. наступила от действия электрического тока. Тут-то и произошло весьма редкое событие. Когда следователь два дня спустя прибыл на завод, он увидел, что на щите с рубильником имеется положительный защитный кожух, который, однако, как было отмечено в протоколе, отсутствовал при первичном осмотре. К его удивлению, администрация заявила, что кожух находится здесь с незапамятных времен. Следователь опросил нескольких лиц - все в один голос утверждают: да, кожух действительно был. Так возникла иная версия: Х. погиб по собственной неосторожности. Ее инициатор, «находчивый» инженер по технике безопасности, забыл, однако, о возможностях криминалистики. Когда проявили фотопленку (а съемка места происшествия в подобных случаях обязательна), все увидели, что защита на щите отсутствовала. Затем, при лабораторном исследовании следов сверления на щите и крепежных болтов на кожухе, эксперты точно доказали, что кожух был установлен совсем недавно, уже после трагической смерти Х.

Но, как и в любом деле, так и в криминалистике, самая совершенная техника без людей мертва. Тут многое, если не все, зависит от личностных качеств эксперта, его квалификации, трудолюбия, творческого горения, если хотите, фанатизма, в хорошем понимании этого слова. Толь-

ко в умелых руках могут заговорить разнообразные следы - «немые свидетели» преступления.

2. Без свидетелей и очевидцев

- Настоящий эксперт обязан быть на уровне передовых научных знаний в нашей профессии, - считает начальник ЭКО (экспертно-криминалистический отдел) В. Кузнецов. - В современной криминалистической лаборатории масса различных приборов, при этом аппаратура постоянно обновляется, внедрение новой техники, сложных компьютерных устройств ныне требуют иной, более квалифицированной, я бы сказал, инженерной, подготовки экспертов.

Сам Владимир Анатольевич принимал участие в десятках сложных экспертиз; владеет разнообразными видами криминалистических исследований. Словом - мастер на все руки. Было и такое дело - сравнительно недавно.

...Ночью в одном из поселков области внезапно загорелся дом председателя колхоза. На месте происшествия В. Кузнецов обнаружил кусок ветоши - промасленной тряпки, что позволило выдвинуть версию об умышленном поджоге, замечу, впоследствии подтвердившуюся. На следующий день выявился и подозреваемый - Степан И., понятно, отрицавший свою причастность к случившемуся. Во внутреннем кармане фуфайки И. тоже нашли ветошь, однако этот факт еще ни о чем не говорил: Степан работал трактористом и подобными вещами пользовался постоянно. Когда Кузнецов осмотрел под микроскопом обнаруженную у дома тряпку, он заметил на ее поверхности несколько рыжеватых длинных волосков; эксперт еще не мог объяснить их происхождение, но, в целях сравнения, осмотрел и ветошь из кармана И. Там оказались те же рыжеватые волосы! Логически сходство волос на вещественных доказательствах указывало на единый источник их происхождения. Вскоре из бюро судебно-медицинской экспертизы, где изучают биологические объекты, пришло заключение - рыжеватые волосы принадлежали собаке.

«Дальнейшее расследование оказалось предельно быстрым, - поясняет В. Кузнецов. - У И. была охотничья собака рыжей масти, из подстилки которой хозяин позаимствовал кусок тряпки для совершения поджога. Под давлением неопровержимых улик лодырь-тракторист признал себя виновным: дом поджег именно он, желая отомстить требовательному и справедливому председателю.

Или вот такой случай, связанный с ночным дорожно-транспортным происшествием, что произошло поздним вечером, когда по Муромской

дороге двигался с песнями да шутками хмельной свадебный кортеж. Когда дошли до деревни, хватились - одного гостя не хватает. Шел он последним, видимо, отстал, предположил кто-то. Несколько молодых проворных ребят вернулись назад. Вскоре они обнаружили рядом с оледеневшим полотном шоссе тело отставшего - Михаила Федосеева. Затем подъехало несколько машин, обычная печальная колонна подобных происшествий - ГИБДД, «скорая помощь», милиция. Утром судмедэксперт, исследовавший покойного, подтвердил версию о дорожно-транспортной травме, к вечеру того же дня установили две автомашины, которые накануне прошли по этому участку шоссе: «ГАЗ-53», принадлежащий совхозу «Зименки», «УАЗ-452» из соседней области, подъехавший на свадьбу. Водитель «УАЗа», которого подозревали в совершении наезда, был задержан, шофер грузовика Т., давший следователю довольно убедительные показания (он возвращался с фермы, куда ездил за вечерним надоем), продолжал работать. Поскольку по повреждениям на теле Федосеева не удалось дифференцировать тип автомашины, следователь направил одежду потерпевшего на исследование в криминалистическую лабораторию.

Сейчас квалифицированная экспертиза невозможна без тщательного исследования поврежденной одежды. Предметы одежды - первый барьер, который преодолевает любое орудие, прежде чем оно придет в контакт с телом человека. Будь это нож преступника, пистолетная пуля или части автомашины - принцип остается один: повреждения одежды обязательно должны быть изучены. Так, при огнестрельных ранениях исследование одежды может оказаться решающим в определении дистанции выстрела, так как она иногда полностью задерживает следы, характерные для близкого выстрела, - копоть и зерна пороха. При колото-резаных ранениях разрезы текстильных материалов имеют важное криминалистическое значение в определении клинка ножа, особенно в тех случаях, когда на них отображаются его индивидуальные свойства, то есть признаки, присущие только данному конкретному ножу. Наконец, одежда с повреждениями может стать единственным источником доказательства травмы при некоторых особых обстоятельствах (выздоровлении потерпевшего после полученных повреждений, действии высокой температуры, иногда автопроисшествиях и т.п.).

В том случае на спинке зимнего пальто Федосеева обнаружился единственный след сложной конфигурации, образованный наслоениями грязи и маслянистой смазки. При осмотре в ультрафиолетовых лучах выявились дополнительные детали, свидетельствующие об образовании его какой-то выступающей частью автомашины. Осмотр двух проходящих по делу автомобилей прояснил происхождение грязи на пальто: конфигу-

рация и длина следа точно совпали с формой и размерами передней левой рессоры грузовика «ГАЗ-53». Категоричное заключение-криминалиста поменяло водителей местами. Истина по происшествию без свидетелей и очевидцев была установлена с помощью экспертных данных.

3. Кредо эксперта Титовой

Думаю, нет необходимости доказывать нынешнему неискушенному читателю, черпающему солидную долю информации из детективных кинофильмов и книг, значение осмотра места происшествия. Именно с этого следственного действия начинается расследование, оттачивается профессиональное мастерство эксперта и следователя. Предметы обстановки и различного рода следы (пальцев рук, ног, крови и т.п.) должны быть внимательно изучены, зафиксированы, сведения о них внесены в протокол осмотра.

Обычно, когда выезжаю на происшествие с Людмилой Михайловной Титовой, я спокоен. Старший эксперт Октябрьского РОВД Л. Титова в криминалистике более двадцати лет. Сотни сложных экспертиз, десятки раскрытых лично ею преступлений, эту скромную энергичную женщину не обходили вниманием журналисты. В свое время о ней писали областные газеты, столичный журнал «Советская милиция». В молодости, будучи курсантом Иркутской школы милиции, она опубликовала в многотиражке областного УВД свою заметку. Есть в ней такие строки: «Одно хочу сказать на будущее: не жалейте нас на практике! Не бойтесь поругать, справедливо покритиковать. Эксперт должен уметь фотографировать не только с помощью фотовспышки и при хорошем дневном освещении, но и при свете фар машины, при освещении спичками, карманным фонариком. Меня называют экспертом, но я еще не эксперт. Радостно думать, что в тебя верят, в тебе не сомневаются. А поэтому ничего не страшит: ни бессонные ночи во время дежурства, ни, как некоторые говорят, однообразие работы, ни даже... госэкзамены. Я буду экспертом!».

Этот накал большого внутреннего напряжения, максималистско-творческий подход к любимой профессии Людмила Михайловна пронесла сквозь годы, сохранив молодой задор и стремление к познанию истины. Захожу к ней в лабораторию, вижу, занимается сразу двумя делами - проявляет фотопленку и одновременно читает солидный том в строгом черном переплете. Тут как раз входит молодой эксперт, мельком взглянув на название, полистав книгу, произносит: «Скучно написано, одна теория». А в ответ слышит: «Конечно, это не «Сто лет криминалистики», но уж тебе-то, Дима, прочесть следует обязательно. Ведь сессия не за го-

рами, весной. Вот и срази преподавателя своей эрудицией. Эксперту много знать вовсе не возбраняется».

Она-то знает, сколь тяжок труд эксперта, сколь важно еще выше поднять основной показатель работы криминалиста - процент раскрываемости.

Разговорить ее трудно. Вот о деле - пожалуйста. В жизни она человек последовательный. Если есть проблема, значит, надо искать путь ее решения. По-мужски уверенно справляется со сложной техникой, обожает цветную фотографию. А вот об этой сложной экспертизе Л. Титовой мне рассказали ее товарищи.

...Это случилось во Владимире. Вернувшись домой, хозяйка заметила пропажу двух редких икон. На место происшествия вместе с оперативной группой прибыла и Людмила Михайловна. Забрав иконы, грабители оставили стеклянный киот - громоздкий, да и особой ценности не представляющий. В лаборатории, тщательно исследовав поверхность стекла под микроскопом, с помощью мощных осветителей Титова выявила след, указывающий на то, что преступники действовали в вязаных хлопчатобумажных перчатках. Мало того, установила, что на одной из перчаток вытянута трикотажная петля, а двумя сантиметрами ниже к материи прилипла небольшая посторонняя частица.

- Ищите перчатки, - посоветовала эксперт коллегам из уголовного розыска. - И даже если хозяин их будет молчать, они нам кое о чем расскажут.

Не прошло и двух дней, как Титовой доставили нитяные перчатки подозреваемого К.

Я рассматриваю таблицу, где в серии четких, прекрасно выполненных снимков отображены этапы этой редкой экспертизы. Вот фото загрязненных белых перчаток, изъятых у К., на другом - фотография следа со стекла киота, размечены особенности, выявленные Титовой. Еще несколько снимков отображают этапы сравнения перчаток и следа по методу репеража (есть такой прием в криминалистике). Нашла все-таки Людмила Михайловна на перчатке и вытянутую в несколько миллиметров петлю, и постороннюю частицу рядом - присохшую рыбку чешуйку, размером в полсантиметра.

Читаю вывод экспертного заключения: «Признаки совпадения устойчивы и в своей совокупности индивидуальны, что дает основание для положительного категорического вывода... След вязаной ткани на стекле иконного киота оставлен ладонной поверхностью одной из перчаток, изъятых у гр-на К.». Признание К. явилось начальным звеном в раскрытии краж икон, осуществленных организованной преступной группой.

Любопытный факт: в той таблице среди серии снимков две фотографии отсутствовали. Уже потом узнал, что они демонстрировались на выставке о жизни Владимира, среди экспонатов, отображающих деятельность органов милиции. Тем из посетителей выставки, кому, возможно, запомнились эти фото, представляю их автора - Л. Титову.

А недавно Людмиле Михайловне довелось ранним январским утром «прочитать» цепочку следов в длинном пятидесятиметровом коридоре школы. После специальной обработки следы на линолеуме поведали эксперту, что ночью здесь побывали двое мужчин, предусмотрительно («Как в музее», - не без юмора заметила Титова) снявших обувь и прошедших по влажному после вечерней уборки полу в шерстяных и синтетических носках. Она определила их примерный рост, размеры обуви, некоторые приметы. Получив столь подробное досье, уголовный розыск вскоре выявил двух грабителей, совершивших кражу радиоаппаратуры из кабинета и продуктов из столовой школы.

Повторюсь, что знаю Людмилу Михайловну давно. И насколько с ней легко и полезно обсуждать тонкости экспертиз, настолько сложно говорить о ней лично. В конце беседы на всякий случай интересуюсь: «Так о чем же я забыл вас спросить?» Улыбка скользнула по лицу: «Написал бы лучше о моих учениках. Ведь какие растут эксперты: Володя Кузнецов - уже начальник ЭКО, Володя Сурыгин - он теперь в Москве...»

Она умолчала о дочери, уже постигшей азы маминой работы и закончившей Высшую школу милиции. Ныне Жанна - молодой эксперт, вместе с мужем, тоже криминалистом, трудится в одном из подмосковных райотделов. Думается, что криминалистика в их исполнении, ставшая у Титовых семейной профессией, еще многие годы заставит трепетать не одно поколение преступников

4. За эхом выстрелов

Как в любом солидном подразделении милиции - тех же соседей следователей, уголовного розыска, что этажом выше, - у криминалистов свои давние традиции. Выходят на заслуженный отдых ветераны, приходит молодежь, но есть экспертизы, о которых непременно рассказывают вновь прибывшим. На них учатся и будут учиться поколения, эти исследования, подобно хранителям огня в древности, поддерживают ныне стиль и прогресс криминалистики.

Классическим видом исследований, составляющих сердце криминалистики, являются баллистические экспертизы. Учебник криминалистики определяет судебную баллистику как вид экспертиз, «изучающих сред-

ства, методы обнаружения и исследования огнестрельного оружия, боеприпасов и следов выстрела, связанных с расследуемыми преступлениями».

Ведущим специалистом по баллистике в ЭКО (до ухода на преподавательскую работу в школу МВД) считался Александр Гаврилов. Както в его кабинете я увидел на полу несколько охотничьих ружей самой разнообразной конструкции. Три винтовки старые, с потертыми прикладами и потемневшими стволами, одна - новенькая, будто только сошедшая с конвейера или доставленная сюда из магазина.

- Все это оружие не зарегистрировано, как положено по закону, и изъято милицией у неких вольных охотников, - прокомментировал эту коллекцию Гаврилов. - Теперь каждого ждет крупный штраф с конфискацией ружей. А одного, пожалуй, и нечто более серьезное.

Пока я разглядывал эти «трофеи», Александр Васильевич склонился над микроскопом (есть такая отличная вещь МСК-1 - микроскоп сравнительной криминалистики), изучая при направленном боковом освещении поверхность пистолетной пули.

- Так что за пуля? - поинтересовался я у Гаврилова.

- Давний случай, из архива. Просто настраиваю микроскоп.

Этими двумя словами - «настраиваю микроскоп» - Александр Васильевич сразил меня наповал, ведь как верно и метко сказано - «настраиваю». До сих пор я связывал это слово разве что с музыкой: можно настраивать пианино, гитару, любой другой инструмент, есть такая редкая интеллигентная профессия - настройщик роялей... Преисполненный уважения, я, стараясь не мешать, стоял за спиной эксперта, пока Гаврилов налаживал освещение, манипулировал винтами шкалы увеличения сложного прибора, поворачивал в разных плоскостях столик с объектом. Наконец Гаврилов встал, потянулся, разогнув крепкую спину, потом, достав из ящика стола спичечный коробок, спрятал туда пулю.

- Она у меня вроде эталона, - пояснил он. - Теперь микроскоп настроен. Самое трудное - подобрать нужный угол наклона при освещении.

- И что теперь будешь смотреть?

- Срочное задание. Вместе с этими ружьями поступило много объектов. Погиб человек в лесу... Надо разобраться. - «Разобраться» - крепкое слово, опять-таки из словарного запаса криминалистов.

В этом деле потерпевший был известен, а вот обвиняемый? Однако по порядку... Это случилось в пору зимней охоты, когда егерь Виктор Вавилов, услышав эхо дальних выстрелов, сориентировался и, взяв нужное направление, вышел на браконьера. Тот только что закончил свежевать подстреленного лося. Пока он раздумывал, как дотащить тушу до дома, охотинспектор внимательно наблюдал за ним. Потом вышел из-за дере-

ва, предложив браконьеру сдать оружие. Тогда-то прогремело еще два выстрела.

К полудню следующего дня деревенские ребяташки во время лыжной прогулки обнаружили тело Вавилова, при тщательном осмотре места происшествия с помощью миноискателя (есть к такой прибор у криминалистов) в снегу была найдена гильза от охотничьего патрона. В ходе проверки различных версий в поле зрения уголовного розыска попал некий Сергеев - давний браконьер, у которого, как оказалось, с охотинспектором сложились весьма натянутые неприязненные отношения. Однако Гаврилов дал заключение, что патрон отстрелян не из ружья Сергеева.

Пошла третья неделя с момента убийства Вавилова. А тут при проверке оружия у местных охотников выяснилось, что из ружья пастуха деревни Любимовка А. Каменского недавно стреляли. Но не сам хозяин, а... Сергеев, который одолжил двуствольную винтовку и патроны к ней у приятеля, ссылаясь на отсутствие нужных боеприпасов для собственного ружья.

Сравнивая доннышко найденной гильзы с дном экспериментально отстрелянного патрона из ружья Каменского, Александр Васильевич выявил достоверно устойчивые признаки сходства, достаточные для категоричного вывода: выстрел был произведен именно из этого ружья.

Короткий комментарий эксперта:

- Когда Сергеев после очной ставки с Каменским и ознакомившись с результатами исследования был вынужден признать факт убийства Вавилова, он изложил следователю собственную версию. «Я на лыжах подъехал к егерю, чтобы сдать ему оружие, как вдруг он схватил ружье за ствол, резко рванув его на себя. На курок я не нажимал, выстрелы произошли сами собой, случайно, с расстояния не более одного метра. Сознательно я не стрелял, и умысла в отношении Вавилова у меня не было...»

Последовала новая серия экспертиз. Тщательно изучив следы повреждений на полушубке охотинспектора, А. Гаврилов установил, что выстрелы производились не с метра, а куда большей дистанции - около пяти метров, при этом ударно-спусковой механизм ружья был исправным. Результаты баллистических экспертиз были положены в основу обвинительного заключения по умышленному убийству Вавилова, совершенного Сергеевым. Инспектор честно исполнил свой служебный долг, погибнув от пули преступника на боевом посту...

Не секрет, что ныне у населения находится немало огнестрельного оружия самых разных видов и систем, в том числе и самодельные стреляющие устройства. Они тоже являются объектами исследования криминалистов. Читаю заключение экспертизы по исследованию пистолета, изготовленного неким Л.: «Пистолет является короткоствольным одноза-

рядным огнестрельным оружием, калибра 5,6 мм. Детали, узлы и механизмы данного пистолета изготовлены с помощью заводского производственного оборудования, слесарных инструментов и абразивных материалов, а также гальванического оборудования для оксидировки поверхностей». Л. Гаврилов, производивший экспериментальный отстрел из оружия в толстые сосновые доски (они пробивались насквозь), пришел к выводу, что скорость полета пули при вылете из ствола достигала 181 метра в секунду, то есть не уступала оружию стандартных образцов.

Судебный медик И.М. Серебренников, специально занимавшийся изучением повреждений из самодельного огнестрельного оружия, на страницах журнала «Судебно-медицинская экспертиза» пишет: «Самодельное оружие изготавливается обычно лицами, не имеющими достаточных технических знаний и навыков. Особенности повреждений и их тяжесть зависят от кинетической энергии снаряда». Автор указывает на несовершенство конструкции такого оружия, непрочное соединение его частей, из-за чего как заряд, так и его детали, включая ствол, иногда причиняют тяжелые повреждения самому стрелявшему.

Подобный случай встретился в практике судмедэксперта А. Краснова. В один из апрельских дней пропал подросток Николай И. На ноги была поднята милиция, школьники, почти все взрослое население небольшого городка. Через двое суток тело его было обнаружено в лесу. На груди имелаась небольшая ранка, рядом валялся покореженный пистолет-самопал. Неподалеку к дереву была прикреплена мишень с четырьмя пробоинами. Пятый выстрел оказался для Николая роковым: ствол самодельного пистолета разорвало, и мальчик был смертельно ранен в грудь пулей от малокалиберного патрона.

В другом случае шестнадцатилетний Игорь К. изготовил пистолет из мотоциклетной свечи и железной трубки, соединив их наглухо металлическим кожухом. Подросток решил изобрести нечто выдающееся - «электрический пистолет». Вложив в трубку свинцовую пулю и заряд из спичечных головок, он вставил концы электропроводов в розетку напряжения 220 вольт. В результате искрового разряда от свечи произошел выстрел, которым была ранена в руку младшая сестра Игоря, находившаяся в той же комнате.

Список примеров, подобных этим, можно было бы продолжить. К слову сказать, у криминалистов уже образовался своеобразный музей самодельного оружия. Когда я покидал баллистическую лабораторию, в дежурную часть УВД поступило тревожное сообщение: двое мальчишек, изготовив самодельное огнестрельное оружие и желая проверить его боевые качества, устроили «дуэль». Поскольку жили в домах с окнами напротив, стрелять решили непосредственно из окон. Само-

дельная пуля, пролетев около ста метров, тяжело ранила одного из участников «дуэли»...

А на это происшествие мне довелось выезжать вместе с заместителем начальника ЭКО П. Хитевым. Субботним морозным вечером у деревни Ильино автобус опытного завода г. Гусь-Хрустальный был остановлен неизвестным мужчиной, попросившим водителя довезти его до Владимира. Попутный пассажир расположился на заднем сиденье, а переполненная машина, в которой царили приподнятое настроение и смех, покатила дальше: люди из старинного русского города торопились в областную филармонию, где вскоре начинался очередной концерт фестиваля русской музыки.

Никто не подозревал, что в автобусе оказался вооруженный преступник, часом ранее в нетрезвом состоянии застреливший женщину из охотничьего обрезка. К этому времени сведения о ранее неоднократно судимом К. 1941 года рождения и его приметы дежурной службой УВД были переданы всем сотрудникам милиции, находившимся в нарядах. У въезда во Владимир автобус был остановлен инспектором дорожно-патрульной службы ГИБДД Владимиром Родионовым. Узнав от водителя, что им в пути взят попутный пассажир, Родионов вместе с лейтенантом Валерием Архиповым решили проверить машину. До этого им не раз приходилось нести совместную вахту по охране порядка на улицах родного города, интуиция подсказывала, что неизвестный может оказаться именно тем человеком, который совершил тяжкое преступление. Внезапно в автобусе прогремел выстрел. В конце концов нервы у К. не выдержали, он покончил жизнь самоубийством. Решимость и мужество сотрудников милиции парализовали волю и сознание бандита. Между тем, предсказать его вероятные действия в иной ситуации было действительно невозможно: в карманах пальто преступника оказалось еще восемь патронов, снаряженных крупнокалиберными пулями...

5. Разыскивается милицией

Теперь небольшое отступление. Цель его - рассказать читателю о поисках криминалистов, юристов, медиков в выявлении возможностей идентификации конкретного лица, совершившего преступление.

Что и говорить: вопрос вопросов, издавна и поныне занимающий умы тех, кто имеет отношение к борьбе с преступностью. Знаю я некоего следователя прокуратуры, крупного, уверенного человека, чем-то внешне и по складу характера схожего с сименоновским Мегре. Всякий раз, когда поиск неизвестного заходит в тупик, он не без юмора говорит экспертам: «Ну что стоит вам назвать фамилию? Рост приблизительно известен, воз-

раст и приметы установлены свидетелями. Теперь остается сообщить фамилию и назвать адрес, где проживает разыскиваемый».

В начале шестидесятых годов прошлого столетия сначала во Франции, потом в других странах Европы получил распространение антропометрический метод идентификации. Разработал его писарь парижской полиции Альфонс Бертильон. Суть метода была основана на измерениях роста и частей человеческого тела - головы, длины рук, ног и т.п. Бертильон утверждал, что, если сделать четырнадцать измерений у любого человека и зафиксировать их в картотеке, вероятность выявления личности с такими же антропометрическими данными практически исключается.

Уже в начале нашего века этот метод уступил место дактилоскопии - идентификации личности по пальцевым отпечаткам. В настоящее время следы пальцев рук занимают ведущее место в криминалистической системе розыска как наиболее оптимальный путь обнаружения преступника.

Еще один метод отождествления человека связан с судебно-медицинской гематологией - наукой, изучающей кровь и ее следы. Об этих грех этапах возможностей идентификации человека, истории их развития можно прочесть в популярных занимательных книгах западно-германского публициста и журналиста Ю. Торвальда «Сто лет криминалистики» и «Криминалистика сегодня», вышедших в издательствах «Прогресс» и «Юридическая литература», тут же ставших библиографическими редкостями. Что касается зубов и следов, оставляемых ими, в криминалистическом отношении установления личности, то о них уже упоминалось на этих страницах.

Наконец, последний из методов идентификации человека, о котором хотелось бы упомянуть, известен многим из детективов и приключенческих кинофильмов. Научное его название звучит так: «моделирование внешнего облика разыскиваемого посредством фотомонтажа и рисованного портрета» (И.М. Лузин. «Моделирование при расследовании преступлений». «Юридическая литература», 1981). Суть этого криминалистического метода состоит в том, что по показаниям очевидцев и свидетелей составляется подробное описание внешности человека («словесный портрет»). Затем его изображение рисуется художником или моделируется с помощью специального прибора - фоторобота, основанного на совмещении отдельных фрагментов и деталей лица, с использованием набора стандартных фотоизображений.

Кстати, в зарубежной практике (Германия, Польша, Венгрия, Франция) встречаются случаи публикаций в газетах портретов разыскивае-

мых лиц, нарисованных художниками от руки. Это облегчает розыск и задержание преступников.

Вспоминается случай, когда в одну из больниц Смоленска поступил мужчина с проникающим колото-резаным ранением грудной клетки. Нож рассек ребра, затронул легкое и сердце. Человек находился на грани жизни и смерти. Но в машине «скорой помощи», перед тяжелой операцией он сумел настолько точно описать внешность преступника и его приметы, что впоследствии через несколько дней на основании созданного криминалистами изображения бандит был опознан и задержан милицией.

О другом эпизоде, также связанном с поиском опасного преступника, мне рассказал эксперт, лично принимавший участие в расследовании. Дело было так. В различных местах произошла серия нападений на граждан с целью грабежа. Первое случилось в лесу: преступник вырвал у грки Р., торопящейся к поезду, сумку с вещами. Другое состоялось неделей позже в дальнем селе: неизвестный, откинув крючок, проник в частный дом и забрал ценности и деньги у одинокой пенсионерки. Вскоре произошло третье, наиболее дерзкое ограбление. Глубокой ночью некий мужчина ворвался в кассу железнодорожного вокзала и, угрожая ножом, забрал крупную сумму денег у перепуганной растерявшейся кассирши.

Каждая из потерпевших давала весьма противоречивые сведения о неизвестном. Две утверждали, что он высокого роста, третья предполагала рост не выше 170-173 см. Расходились и мнения о возрасте, характерных приметах, цвете волос, одежде. Эти противоречия можно было объяснить: грабитель действовал в вечернее время, быстро и дерзко, к тому же неожиданность происходящего и испуг не позволили ни одной из женщин точно запомнить его приметы.

В такой сложной ситуации уголовный розыск возлагал серьезные надежды на криминалистов. Когда преступник через задний служебный вход покинул здание вокзала, он задел головой о дверной косяк, где в трещинах застряли два волоска. Снаружи, в нескольких метрах от входа, на свежеснеженном снегу остались два приличных отпечатка рубчатой подошвы от зимних ботинок. По волоскам установили довольно точно цвет волос и рост грабителя (измерив высоту от пола до дверного косяка), по следам ног - размер и особенности его обуви. Затем обобщенные данные внешнего облика, указанные свидетелями и выявленные экспертами, легли в основу монтажа черт лица, выполненного с помощью фоторобота и опытного художника. Полученное изображение размножили в десятках экземпляров, раздали его милиции, дружинникам, вывесили в видных местах. Прошло несколько дней. За этот срок задержали несколько мужчин, однако ни один отношения к случившемуся не имел.

Вдруг в райотделе раздался звонок, взволнованный женский голос сообщил, что у кассы кинотеатра стоит в очереди за билетами похожий мужчина.

- Когда задержали неизвестного, - рассказывает криминалист, - я попросил его снять ботинки. Слепок со следа был у меня перед глазами. Едва взглянув на подошвы черных модных ботинок, понял, что грабитель - перед нами. Потом, понятно, были экспертизы самого разнообразного характера, обыски с изъятием похищенного, преступника довольно уверенно опознали и потерпевшие...

А вот случай из собственной практики, связанный с гибелью автоинспектора ГИБДД старшего лейтенанта Владимира Гуреева на боевом посту. Это произошло в жаркий летний полдень, когда, патрулируя оживленный участок шоссе Москва-Горький на служебной автомашине, автоинспектор остановил парня на мотоцикле с коляской за превышение скорости. Направившись к водителю, Гуреев потребовал у него документы. Однако он не предполагал, что обычный, на первый взгляд, нарушитель дорожного движения был вооружен охотничьим обрезом. Заметив обрез, Гуреев успел среагировать и выхватил пистолет, однако опоздал на какие-то доли секунды. Двумя выстрелами из ружья неизвестный ранил автоинспектора и, бросив мотоцикл, скрылся в лесу. Через несколько часов вместе с районным судмедэкспертом мы произвели вскрытие тела погибшего. Из грудной клетки было извлечено с десяток крупных самодельных картечин, причем лишь одна повредила крупный кровеносный сосуд. Пройди заряд на полсантиметра в сторону, возможно, Гуреев остался бы жив...

Ни в тот, ни в последующие дни задержать убийцу не удалось. Но поскольку преступление совершилось, как принято говорить, среди бела дня, нашлись очевидцы происшедшего - владельцы личных автомашин. Причем двое остановились в каком-нибудь десятке метров от трагического места, а один даже бросился в лес за убегающим мотоциклистом. С помощью очевидцев опытный эксперт-криминалист воссоздал портрет неизвестного. Лично мне, как и сотням других людей, довелось его видеть в самых разных местах - на городском рынке, автовокзале, постах ГИБДД. Прошла неделя, другая, месяц, как вдруг из соседней области позвонили в областное управление внутренних дел: кто-то из граждан видел в отдаленном поселке похожего человека. Днем позже сотрудники уголовного розыска доставили во Владимир разыскиваемого преступника. После расследования и суда его приговорили к высшей мере наказания, автоинспектор Гуреев был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Все описанные здесь методы идентификации неизвестных лиц теперь относятся к классике криминалистики. Открытие их, развитие и внесение в судебно-следственную практику иногда затягивалось на годы, потребовав значительных усилий от нескольких поколений экспертов. Исследования в этом направлении еще не окончены и продолжаются.

Вот самые последние и, пожалуй, сенсационные данные, относящиеся к возможностям идентификации личности. Среди населения по сей день бытует мнение о том, что перед смертью в глазах жертвы, словно на пленке фотоаппарата, остается изображение преступника. Сам я, как и все судебные медики, до недавнего времени считал это вымыслом, не заслуживающим серьезного внимания. Однако в еженедельнике «Неделя» появилась заметка с фотографиями о работах немецких ученых-криминалистов, добившихся с помощью современной фотоаппаратуры, снимавшей изображения глаз, определенных успехов и в этом направлении. В экспериментах на животных удалось получить с их глаз довольно четкие изображения многих предметов, находившихся перед ними. Фантастика, схожая с легендой, может стать явью. Согласитесь, не самый ли быстрый и оптимальный, среди всех ранее известных методов, способ идентификации преступника?

6. Раскрывая тайны документов

Объектами криминалистического исследования могут являться различные документы. Они бывают написанными от руки, отпечатанными на машинке, изготовленными типографским способом или фотопечатью, состоять из большого текста или отдельных букв. Для записей используются различные вещества - чернила, пасты шариковых ручек, тушь, карандаши и т.п. Эти весьма сложные, требующие специальных познаний исследования выполняются экспертами-графологами.

Я часто не без удовольствия перечитываю новеллу Я. Гашека («отца» знаменитого Швейка) «Кое-что о судебных экспертах». Касаясь исследований, связанных с почерком, с присущим ему юмором писатель пишет: «На одном судебном процессе с участием присяжных заседателей эксперт по почеркам докладывал, что обвиняемый, несомненно, подписывал вексель, потому что у буквы «б» кругленькое брюшко.

- У вас тоже кругленькое брюшко! - воскликнул в ответ на это обвиняемый, отягощая тем самым свою вину в глазах присяжных».

Итак, дело часто доходит до крупных разногласий между судебными экспертами, обвиняемыми и их адвокатами... В школах сейчас придерживаются единой системы письма. И поэтому свыше чем у 50% людей одинаковый почерк. Далее доказано, что у 20% людей нет установивше-

гося почерка, и всякий раз они пишут по-разному. Один судебный эксперт-графолог сделал заключение, что письмо писала взволнованная молодая девушка. А написал его ее дедушка...

Если же говорить серьезно, то сейчас графологические исследования разрабатываются специалистами весьма полно и объективно. При наличии образцов для сравнения удается судить не только о написании текста конкретным лицом, но и о поле человека, иногда - его возрасте и душевном состоянии, написании текста правой или левой рукой, умышленном искажении либо, наоборот, подражании почерку другого лица.

Бывают в практике экспертов случаи, когда им удается установить записи на постаревших от времени и длительного хранения документах, имеющих для кого-то крайне важное значение. Вспоминает полковник милиции Виктор Михайлович Трофимов:

- Как-то в конце рабочего дня позвонил мне инженер одного из смоленских заводов. Попросил принять его. Зашел седоватый подтянутый мужчина, бывший фронтовик. Теперь уж не припомню его фамилию, не то Богатов, не то Богачев. С великой предосторожностью достает из бумажника почтовый конверт, а в нем справка, листочек бумаги поменьше тетрадной страницы, сложенный в несколько раз, выцветший, с полустертыми записями. «Вот, - говорит, - справка из госпиталя о ранении. В военкомате ее не принимают, сам понимаю - это не документ, ничего разобрать невозможно. Писал в Ленинград, там в военно-медицинском архиве сведений обо мне не нашли...» Оставил он свою справку и ушел. Осмотрел я ее под микроскопом, понял, насколько трудна будет наша задача. Сохранились лишь единичные, слабо различимые буквы да еле заметный контур треугольника печати.

Поначалу эксперт использовал микроскоп, но даже значительное увеличение не давало должного эффекта: ведь сохранились лишь отдельные, плохо различимые буквы, местами только «тени» букв, которые никак не связывались в единое текстовое содержание. Тогда Трофимов попытался усилить слабозаметные штрихи и следы специальной фотосъемкой с увеличением контраста изображения по методу Е.Ф. Буринского, к слову, нашего русского ученого, внесшего крупный вклад в развитие не только отечественной, но и мировой криминалистики. После фотосъемки проявились отдельные слова, некоторые буквы.

Здесь следует сказать хотя бы несколько слов о судебной фотографии. Специфичность целей и приемов значительно отличает ее от обычной фотографии, с момента зарождения которой ныне прошло более 150 лет. В прошлом веке к 1841 году во Франции появилась информация об изготовлении французской полицией дагеротипов (фотоснимков) преступников. Затем подобный опыт переняли в Бельгии, Германии, Швейца-

рии, других странах. К середине столетия относится упоминание о применении фотографии в работе полицейских учреждений в России. Первое научное судебно-экспертное учреждение было основано в Петербурге в 1869 году именно Е.Ф. Буринским. Позднее свои исследования он обобщил в книге «Судебная экспертиза документов», изданной в 1903 году. К тому времени Е.Ф. Буринский был широко известен не только в России. Ему удалось совершить то, что не удавалось в течение многих лет другим ученым, бившимся над расшифровкой древних рукописей, найденных на территории Московского Кремля. Вот что пишет об этом выдающийся деятель отечественной фотографии академик К.В. Чибисов: «В истории фотографии известен поразительный случай разрешения одного вопроса, который не мог быть решен другими средствами. Во время земляных работ в Московском Кремле в 1843 году было найдено 40 документов на кусках сыромятной кожи времен Дмитрия Донского (XIV в.) со свинцовыми и восковыми печатями, но с полностью исчезнувшим - угасшим текстом. Их отправили в Российскую Академию наук, однако попытки восстановить письма химическими средствами оказались безуспешными, документы были переданы в архив Академии как неподдающиеся прочтению. В 1894 году в Академию наук был приглашен Е.Ф. Буринский. Ему поручили организовать лабораторию фотографического восстановления древних писем. Буринский применил разработанный им трудоемкий, по существу, ювелирный, метод восстановления угасших писем, принцип которого состоит в многоступенчатом повышении утерянного контраста первоначального текста. За оригинальный метод, позволяющий повышать контрастность изображения, не создавая при этом зернистости, а также за выявление текста ценных исторических документов Российская Академия наук присудила Е.Ф. Буринскому Ломоносовскую премию (1898) с официальной формулировкой «за метод исследования, равный значению микроскопа» («Очерки по истории фотографии». Москва: «Искусство». 1987).

Если первоначально к фотографии обращались лишь полицейские, то с течением времени для объективизации доказательств по делу ею стали пользоваться в суде и следственной практике. Фотосъемка нашла широкое применение при осмотрах мест происшествий, фотографировании орудий преступления и повреждений у потерпевших, проведении следственного эксперимента. В наше время разработка фотографических методов с использованием новейшей аппаратуры дает возможность получать на снимках изображения, невидимые простым глазом, позволяет восстановить давний, уничтоженный или сознательно залитый чем-то текст на документах.

В этом плане весьма актуальными для криминалистики являются слова, сказанные известным английским писателем Джеймсом Олдрижем в его эссе «Мое отношение к фотографии»: «...Глядя на хорошую фотографию, изучая и анализируя ее, я чувствую, как между ее автором и мною устанавливается определенный контакт».

...После многократной пересъемки стали заметными отдельные слова, но до полного прочтения текста было еще далеко. Тогда Виктор Михайлович решил применить исследование в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах спектра. Используя эти методы, ему удалось не только прочесть написанное, установить госпиталь, в котором лечился фронтовик, но и сфотографировать столь нужный текст. Оказалось, посетитель криминалистов получил осколочное ранение грудной клетки, с которым пробыл в госпитале около двух месяцев. После их кропотливых исследований человек получил все положенные ему льготы как инвалид войны.

Исследование документов - сложный и трудоемкий процесс. Случается, что в ходе одной экспертизы приходится просматривать, описывать, сопоставлять сотни различных бумаг, оформленных и подписанных разными лицами в разное время. В начале 90-х гг. во Владимирском областном суде состоялся процесс над группой взяточников. На скамье подсудимых оказались лица, занимавшие весьма ответственные посты.

Началось все с того, что на одном из заводов директор приобрел через министерство кузов для личной автомашины «УАЗ-469», заплатив за него энную, весьма значительную сумму. Когда следственные органы произвели проверку, выяснилось, что ходатайство о выделении кузова исходит от заместителя начальника транспортного отдела министерства. В итоге расследования установили, что он, скопив чистые бланки подведомственных предприятий, торговал письмами-ходатайствами о предоставлении прав на внеочередную и льготную покупку автомашин различным гражданам, понятно, не безвозмездно. Всего по делу было проведено около шестидесяти криминалистических экспертиз. Большинство из них выполнялось молодыми специалистами - С. Ивановым, С. Морозовым, В. Мартыновым.

Я прошу Сергея Александровича рассказать о вкладе криминалистов в это дело:

- Когда следствие собрало необходимые документы, - начинает он, - наша группа выехала в Москву. Зам. начальника транспортного отдела оказался весьма предприимчивым и, попробую употребить такое слово, дальновидным дельцом. Он всячески старался замаскировать свою авторскую деятельность в написании писем и с этой целью печатал текст фрагментации на трех разных машинках! Потом он же и другие обвиня-

емые подписывали фальшивые письма за директора предприятия и председателя профкома собственноручно, опять-таки имитируя подписи ничего не подозревавших руководителей. В Москве мы провели несколько дней, отбирая для сравнения образцы подписей ряда лиц, просмотрели значительное количество документов. Основное же криминалистическое исследование выполнялось в лабораториях ЭКО с широким использованием всей необходимой кримтехники.

Незадолго до беседы с С. Ивановым, перечитывая А.Ф. Кони, довелось мне столкнуться с весьма любопытным мнением выдающегося юриста относительно такого рода экспертиз. В очерке «Суд - наука - искусство» (1911 г.) А. Кони пишет: «Ныне каллиграфическая (почерковедческая) экспертиза все более и более вытесняется фотографической экспертизой, достигающей иногда поразительных результатов. Фотографический снимок передает такие тонкие и разносторонние подробности, которых никакое увеличительное стекло сведущих каллиграфов обнаружить не в состоянии. Но обоим последним видам экспертиз грозит в будущем опасность: даже фотографический снимок окажется бессильным, когда в общее и повсеместное употребление войдут пишущие машины и для сличения останутся лишь подписи, а не самый текст разных документов и записок, писанных заподозренным лицом».

Вот весьма дальновидная и проницательная мысль Анатолия Федоровича Кони относительно грядущей эры машинописи, высказанная еще в начале нашего столетия! Что касается экспертиз, выполненных криминалистами по преступной группе, им удалось как четко разграничить поддельные подписи, исполненные обвиняемыми, так и доказать печатание текста сфабрикованных документов на самых различных машинках. Так криминалистическая наука постоянно вносит свои временные поправки в методы различного рода исследований, расширяя их возможности и горизонты познания истины.

7. В борьбе с безумием

Спустимся теперь на нижний этаж, где развернута судебно-химическая лаборатория ЭКО. Здесь тоже настоящее царство сложных приборов - спектрофотометры, поляризационный и люминесцентный микроскопы, хроматограф, другое сложное оборудование. Из-за стола поднимается старший эксперт-химик, мужчина лет тридцати пяти-сорока. В белом отглаженном халате его можно принять за врача, если бы из-за отворота не выглядывал форменный китель с капитанскими погонами. Он в недавнем прошлом выпускник химического факультета, работает в ЭКО с начала создания столь необходимой для следствия лаборатории.

Круг вопросов, стоящих перед экспертом-химиком, весьма широк. Это выявление мельчайших частиц на разных объектах - прежде всего следов металлов (железа, меди, алюминия, цинка и т.п.), лаков и красок, микрочастиц органического и неорганического происхождения (волокон растений, текстильных тканей, следов пыли, песка, цемента и т.п.), веществ, остающихся на орудиях преступления в результате их контакта с телом человека и его одеждой. При этом спектральным методом исследования можно установить, из каких элементов состоит материал объекта (качественный анализ), а также определить соотношение элементов (количественный анализ).

К слову сказать, в производстве судебно-химических экспертиз еще в прошлом веке принимали участие такие выдающиеся отечественные ученые, как Д.И. Менделеев и А.М. Бутлеров. В химической лаборатории Петербургского университета лично Д.И. Менделеевым проводились экспертизы отравлений, фальсификаций пищевых продуктов, исследования документов и их подделок. Дмитрий Иванович - один из первых русских ученых, который стал проводить в своей лаборатории экологические экспертизы, связанные с загрязнением рек и водоемов сточными водами заводов и фабрик. В этом отношении его вклад в святое дело охраны природы весьма велик.

За последние годы, особенно после рыночных отношений в производстве и сбыте алкогольных напитков, также с повышенным вниманием к такой остросоциальной проблеме, как наркомания, нагрузка на химическую лабораторию значительно возросла. В связи с большой выявляемостью подобных преступлений увеличилось и количество судебно-химических экспертиз.

- Работы у меня сейчас много, - говорит эксперт, - но, признаюсь, это именно тот труд, который не в тягость эксперту. Только за прошлый год в лаборатории выполнены десятки исследований по установлению вида и крепости спиртных напитков, на основании наших заключений возбуждены уголовные дела, наложены на виновных крупные денежные штрафы.

Он подходит к прибору, самопишущий датчик которого начинает вычерчивать сложную кривую процентного содержания спирта в исследуемой жидкости. Он подчеркивает высоту пика красным карандашом, потом после паузы продолжает:

- О наркотиках сейчас много говорят. Впрочем, такие экспертизы проходили через нашу лабораторию и прежде. С особой болью воспринимаются эпизоды преступлений среди медиков. Вот хотя бы такой, поразительный по цинизму, случай...

Эксперт достал из шкафа солидный том с подшитыми заключениями, нашел нужный документ. Читаю отпечатанное на фирменном бланке постановление следователя: «...Установлено, что фельдшер «Скорой медицинской помощи» Н., используя служебное положение и в целях наживы, изымал из врачебных чемоданов ампулы с наркотиками (промедолом), надпиливал их, вскрывал, сливая содержимое. Затем наливал в ампулы иную жидкость, после чего осторожно запаивал. Всего за неполный месяц им похищено свыше десятка ампул наркотиков...» За постановлением подшито заключение судебно-химической экспертизы, из которого следует, что во вскрытые ампулы наливалась... обыкновенная дистиллированная вода!

Теперь представим, что к больному, находящемуся, к примеру, после травмы в тяжелой степени шока, выезжает бригада «скорой» с медикаментами, укомплектованными подобными «обезболивающими» препаратами. Замечу, что несколько ампул с дистиллированной водой, пока Н. не был разоблачен, оказались использованными. Их содержимое ввели по медицинским показаниям серьезным больным. Тут уже свершилось преступление по спирали, страсть к наживе повлекла за собой и посягательство на святая святых - жизнь и здоровье человека.

Покидая судебно-химическую лабораторию, замечаю на столе под стеклянном колпаком объемный целлофановый пакет с темно-зеленым, неприятным для глаз, порошком. Оказалось - гашиш...

- Самый свежий «товарец», - пояснил эксперт. - Только вчера изъят милицией у наркоманов. Здесь его больше килограмма, стоимость на черном рынке в пределах многих миллионов рублей.

Груз шел через Владимир транзитом, с юга куда-то на север. Продавец, владелец личных «Жигулей», находился двумя этажами выше в кабинете следователя, а капитан уже начал исследование. Срочнейшая экспертиза...

8. От микроскопа к видеокамере

«- Косвенные доказательства очень обманчивы, - задумчиво проговорил Холмс. - Они могут совершенно ясно указывать в одном направлении, но если вы способны разобраться в этих доказательствах, то можете обнаружить, что на самом деле они очень часто ведут нас не к истине, а в противоположную сторону. Правда, сейчас дело окончательно обернулось против молодого человека: не исключена возможность, что он и есть преступник... Оказывается, молодого Маккарти арестовали не сразу, а несколько позже, когда он уже вернулся на ферму Хазерлей. По-

лицейский инспектор заявил ему, что он арестован, а он ответил, что это его ничуть не удивляет, так как он все-таки заслуживает наказания.

- Это было признание! - воскликнул я.
- Нет, затем он заявил о полной своей невинности.
- После дьявольски веских улик это звучит подозрительно.
- Наоборот, - сказал Холмс, - это единственный проблеск, который я вижу среди туч...».

Надеюсь, читатели узнали автора этой захватывающей новеллы - А. Конан Дойля. В «Тайне Боскосской долины» рассказывается об убийстве при неясных обстоятельствах владельца фермы Хазерлей Чарльза Маккарти, в котором обвинялся его родной сын, восемнадцатилетний Джеймс. И действительно, казалось бы, улики налицо, старшего Маккарти и сына свидетели видели вместе в момент ссоры, когда молодой человек якобы даже замахнулся на отца. Однако знаменитый сыщик, неутомимо и скрупулезно собирая факты, осматривает место происшествия, после чего приходит к иным выводам.

Итак, продолжим чтение Конан Дойля: «Он достал лупу, лег на непромокаемый плащ, чтобы было лучше видно, и разговаривал более с самим собой, чем с нами.

- Вот следы молодого Маккарти. Он проходил здесь дважды и один раз бежал так быстро, что следы каблуков почти не видны, а остальная часть подошвы отпечатались четко. А это? Ха-ха, что же это такое? Кто-то подкрадывался на цыпочках! К тому же это квадратные, совершенно необычные ботинки.

Холмс бегал туда и сюда, иногда теряя след, иногда вновь натываясь на него, пока мы не очутились у самого леса, в тени очень большой старой березы. Холмс нашел следы за этим деревом и снова лег на живот. Раздался радостный возглас. Камень с неровными краями лежал среди мха; он поднял и осмотрел его.

- Вот чем было совершено убийство.
- Я не вижу на нем никаких следов.
- Их нет.
- Тогда как же вы это узнали?
- Под ним росла трава. Он пролежал там всего лишь несколько дней. Нигде вокруг не было видно места, откуда он взят, что имеет прямое отношение к убийству. Следов какого-нибудь другого оружия нет.
- А убийца?
- Это высокий человек, левша, он хромотает на правую ногу, носит охотничьи сапоги на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигареты с мундштуком, в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще

несколько примет, но и этого достаточно, чтобы помочь нам в наших поисках».

В конце концов Шерлок Холме устанавливает истинного убийцу, некоего Джона Тэнера, вступившегося за честь своей дочери, давнего знакомого и недруга Маккарти. Замечу, что в рассказе Конан Дойля, помимо занимательности и захватывающего сюжета, показаны чисто профессиональные черты, присущие главному герою: тщательный осмотр места происшествия, установление орудия убийства, наконец, описание черт внешнего облика предполагаемого преступника, то есть то, чем занимается современная криминалистика.

Возвращаясь в наше беспокойное время, замечу, что в этой науке существует даже такое понятие, как психология осмотра места происшествия. Оно включает в себя не только то конкретное, что видно воочию, но и остающееся за кадром, как бы скрытое от глаза. Постепенно, с помощью проверенных научных данных, начинается разработка одной или нескольких версий по делу, а иногда вспышка, озарение, если хотите - вдохновение, помноженные на кропотливый труд, могут привести эксперта-криминалиста к решению сложной задачи.

Теперь резко возросла общая культура расследования преступлений. Одна из важнейших задач криминалистики сегодняшнего дня - по минимальному количеству образцов или объектов получить данные, необходимые для полных и объективных экспертных выводов. Это определяет ей направление на современном этапе: внимание криминалистов стало концентрироваться на микрочастицах и микроследах, которые раньше невозможно было установить из-за отсутствия необходимых методов исследований.

Как-то я выехал в один из районов по срочному делу. Начальник милиции, обычно энергичный и подтянутый, выглядел сейчас крайне усталым невыспавшимся человеком.

- Надо же, - сокрушался он, - за последние месяцы у нас уже третье аналогичное преступление. - Начальник достал из сейфа пачку денег. Приглядевшись, на зеленоватом фоне пятисотрублевки я увидел крошечную микроскопическую точку, рядом еще одну, размером поменьше.

- Следы от сварки, - произнес кто-то рядом. - Сейф вскрывали автогенном. Знакомый почерк.

Взломщиков так и не удалось тогда установить. Но следы остались. И тут свое веское слово сказали эксперты. При взломе сейфа в совхозе «Победа» были изъяты следы обуви на листке бумаги, а также раздавленные пенопластовые буквы красного цвета, упавшие со стенда и валявшиеся на полу. Когда через несколько месяцев преступник был задержан, на его туфлях, найденных среди старой обуви, обнаружили следы

красной краски и микрочастицы пенопласта, совпадавшие по химическому составу, структуре и цвету с буквами, изъятыми с места происшествия; эксперт-криминалист, изучив деформированную дверцу сейфа, пришел к выводу, что она вскрывалась при помощи газосварочной аппаратуры с последующим взломом запорного устройства. Механизм вскрытия наружной дверцы аналогичен таковому при взломе сейфа в конторе села «Улыбышево».

Проводились по делам со взломами сейфов и судебно-медицинские экспертизы. На простыне, которой закрывались окна, чтобы прикрыть пламя сварки, эксперт-биолог И. Иванникова обнаружила три волоса человека. Детальный осмотр под микроскопом позволил выявить на них едва заметные следы действия высокой температуры в виде оплавления и обугливания концов волос. Это была существенная улика, ведь из обстоятельств дела эксперт знала, что подобные изменения на волосах могли быть обусловлены пламенем сварки. Ценность исследования возросла, когда биолог установила групповую принадлежность волос, совпавшую с группой крови преступника.

О чем может рассказать эксперту-биологу обычная перчатка? Оказывается, о многом. Утром после неудачной попытки ограбления конторы одного из совхозов неподалеку нашли черную мужскую перчатку с правой руки. Когда преступников задержали, при обыске обнаружили аналогичную перчатку на левую руку. Но это сходство еще ничего не доказывало. И только когда эксперты выявили на обеих перчатках пот человека, имеющего первую группу крови, одному из подозреваемых (у него оказалась кровь первой группы) ничего не оставалось, как признать себя виновным.

Во Владимирское ЭКО на вооружение экспертов постоянно поступает новая, самая современная техника. Владеть ею обязан каждый, но ведущим консультантом по ее применению является старший инженер-инспектор А. А. Малахов. Рабочий кабинет его весьма отличается от тех, в которых трудятся другие криминалисты. Он больше похож на солидную радиомастерскую, в большом шкафу за стеклом вижу несколько рядов одинаковых картонных коробок с кассетами.

Это не музыкальные записи, хотя, пока Малахов возится с фотоаппаратом, из портативного магнитофона звучит негромкая приятная мелодия. Сейчас экспертами для точной фиксации обстоятельств помимо традиционной фототехники используются киносъемка и видеозапись, имеющие большое доказательное значение. Так вот, в каждой из коробок в шкафу хранится кино- или видеофильм, заснятый Андреем Аркадьевичем по сложным уголовным делам.

Весьма показательным примером служит событие, произошедшее в американском городе Далласе, когда любительская кинокамера Абрахэма Запрудера запечатлела мгновения выстрелов в президент-ский кортеж Д. Кеннеди и губернатора штата Техас. Киноплёнка оказалась важнейшим доказательством по делу. Она объективно и беспристрастно опровергла официальную версию комиссии Уоррена об убийце-одиночке Л. Освальде, зафиксировав, что по машинам стреляли с разных мест - верхних этажей зданий и с холма, расположенного справа и спереди от движущейся колонны. Случай, понятно, исключительный, мирового класса (в самом деле - президентов убивают не каждый день), но весьма показательный в отношении огромных возможностей зоркого ока кинокамер.

Закончив ремонт шторки, А. Малахов достаёт из шкафа несколько пустых кассет, перебрасывает через плечо ремень от сумки с видеомэгнифоном. Внизу нас ждёт машина - передвижная криминалистическая лаборатория (ПКЛ), оборудованная на базе автомобиля «УАЗ». Вместе со следователем предстоит выезд для проведения следственного эксперимента. Незаменимыми помощниками тут являются видеозапись или киносъёмка.

...Это случилось рядом с сельским клубом, когда после окончания киносеанса между несколькими молодыми людьми возникла пьяная драка. В ходе ее одному из участников, некоему Л., был нанесен ножевой удар. Сам Л. этого момента не заметил, двое же подозреваемых в преступлении обвиняли друг друга.

Не буду подробно описывать все, эксперимент продолжался более двух часов. Он весьма напоминал театральную репетицию, во время которой главное действующее лицо - следователь прокуратуры, подобно опытному режиссеру, расставлял по местам и, «проигрывая» ситуации, менял положение участников конфликта. В конце концов нам удалось объективно воспроизвести истинное положение каждого. Тогда-то стало наконец понятным, кто же все-таки нанес ранение Л. И беспристрастный объектив видеокамеры фиксировал во всех деталях происходящее. Аидрей Аркадьевич отснял около двух кассет, по продолжительности - как раз целый полнометражный фильм. Теперь, наряду с другими доказательствами по делу, они будут представлены суду.

И чем только ни приходится заниматься криминалистам! Иной раз диву даешься, в самом деле, фантазии их оппонентов не знают границ. Вспоминаю командировку в город Н, куда выехал однажды по заданию редакции журнала «Человек и закон». Тогда у некой Сазоновой в изящной женской сумочке сотрудники столичной милиции обнаружили 138 золотых десятирублевых монет 1899 года царской чеканки и монеты ино-

странного производства. Расследование установило, что в течение года жители Н. Гогия и Сухоруков скупали у разных лиц золотые вещи - кольца, браслеты, цепочки, серьги и т.п. Изготовление монет производилось с помощью мощного электрического пресса и специальных приспособлений для штамповки. Мне показали пресс, хранящийся до суда в одной из комнат кримлаборатории. Высота более полутора метров, вес несколько сот килограммов, электрооборудование, почти ничем не отличающееся от заводского. Понятно, что изготовить его в одиночку не смог бы самый классный мастер-профессионал. Любопытно, что металлическая громада, словно человек-невидимка, прошла через современнойшую систему охраны и сигнализации солидного предприятия, растворившись в тумане, чтобы затем возникнуть, как Феникс из пепла, в неказистом сарайчике живописного южного двора. Именно тут изготовлялись поддельные червонцы. Как было установлено криминалистическими экспертизами, когда «лома» набралось больше килограмма, фальшивомонетчики начали изготовление продукции конвейерным способом, не придерживаясь тонкостей технологии: в сплавы подмешивались медь, олово, серебро, другие, менее ценные, металлы. Затем на грани десятирублевика с профилем императора чеканилась официальная надпись: «1 золотник чистого золота $\frac{8}{74}$ доли».

Там же, в Н., эксперты УВД показали мне книгу И.Г. Спасского «Русская монетная система», выпущенную ленинградским издательством «Аврора». Отпечатанная на высококачественной бумаге, прекрасно иллюстрированная, она стала пособием не только для **коллекционеров**-нумизматов, но и для местных «умельцев». Есть в книге, кстати, такие строки: «Подделка старинных монет в свое время была выгодным занятием. Начавшись в России в первой половине XIX века, она расширялась вместе с ростом числа собирателей и спросом. Как правило, изготавливали либо более или менее удовлетворительные подражания самым редким и универсальным монетам, либо сочиняли нечто совершенно немыслимое. К фальсификаторской продукции новейшего времени можно отнести рубли и полтинники Николая II...»

9. Что такое криминалистика?

Криминалисты сознают, что в условиях значительного роста правонарушений требуется совершенствование методов не только от органов прокуратуры и милиции, но и от экспертных учреждений. Практика показывает, что раскрытие многих серьезных преступлений начинается с мелочей. Поэтому зоркий наблюдательный глаз эксперта важен для

правосудия не менее, чем самый тонкий и чувствительный электронный прибор.

Вот что пишет о нынешних проблемах своей науки видный российский ученый-криминалист, профессор Р. Белкин. «...В судебной баллистике, как и в трассологии, и в других видах криминалистической экспертизы, есть немало нерешенных проблем, где наука не сказала еще своего последнего слова. Например, нуждаются в улучшении методы установления давности выстрела, зависимости устойчивости следов на пулях и гильзах от количества пороха в патроне, существенно облегчила бы работу трассолога автоматизация процесса сравнения исследуемых объектов. Неоценимую помощь в совершенствовании криминалистических средств и методов, в разрешении возникающих у следователя многочисленных вопросов, требующих иных, специальных, знаний, оказывают судебные медики, химики, физики, биологи, представители многих других наук - верные союзники криминалистов, их товарищи по оружию».

Не ошибусь, наверное, если скажу, что криминалистику можно считать интересной, даже захватывающей наукой. Как-то к Владимиру Кузнецову дежурный УВД пропустил необычного посетителя. Пожилой мужчина положил на стол перед экспертом фронтовой снимок, запечатлевший чет трех друзей рядом с боевым самолетом.

- Вчера смотрел телепрограмму «Время», - пояснил он, - там речь шла о герое-летчике, показали и его портрет. Мне кажется, один из четырех - мой родственник, пропавший без вести, - уж очень похож на того пилота. На обороте фотографии были написаны фамилии, однако сейчас разобрать их невозможно.

Он оставил снимок и ушел. Отложив в сторону другие дела, Кузнецов занялся фотографией. Вскоре эксперт вернул ее тому посетителю, написав на обороте карандашом четыре фамилии, которые все-таки удалось прочесть. В тот же день ценным письмом снимок отправили в Москву на Центральное телевидение.

- Наверное, туда пошлют десятки фотографий, - предположил В. Кузнецов. - А вдруг повезет именно нашему, владимирскому, товарищу? Бывает, что фронтовые истории иногда имеют свое завершение.

Вот одна из редких экспертиз такого рода, потребовавшая совместных усилий судмедэкспертов и криминалистов, описанная Ю.В. Гальцевым в сборнике научных работ Санкт-петербургских судебных медиков. Приводится сокращенно, в авторском изложении: «В нашей практике удалось установить личность пилота через много лет после его гибели в бою. Успех был достигнут благодаря совместному исследованию вещественных доказательств судебными медиками и криминалистами... Речь идет об установлении личности Героя Советского Союза военного летчика

Алексея Тихоновича Севастьянова, совершившего в ноябре 1941 года первый ночной таран в Ленинградском небе. Погиб А.Т. Севастьянов позже, 23 апреля 1942 г., в бою, прикрывая самолет товарища от атаки «Мессершмитта». Сослуживцы видели, как загорелся его «Миг-3» и упал вблизи поселка Рахья Ленинградской области... Недавно на участке торфопредприятия «Ириновское» участниками поисковой группы было выявлено скопление металла на глубине более двух метров. При раскопках обнаружены: искореженные части самолета «Миг-3», костные останки человека, обрывки одежды и снаряжения летчика, документы с неразличимыми записями и некоторые другие личные вещи пилота. При судебно-медицинском исследовании останков удалось определить их вид, пол, возраст и вероятное время пребывания в грунте... При криминалистическом исследовании угасших записей в документах методом инфракрасной люминесценции было доказано, что они составлены на имя старшего лейтенанта А.Т. Севастьянова. По отпечаткам стрелок на циферблатах часов удалось установить время их остановки (поломки), то есть точное время падения самолета на землю».

В работе они одержимы и талантливы, настоящие мастера, мои друзья-криминалисты. А в жизни - обыкновенные люди.

- Прихожу домой, - улыбаясь, рассказывает один из экспертов, - вижу, сын собирается на прогулку. Берет коньки, клюшку. Я прошелся по квартире, остановил его: «Подожди, Игорь, рановато ты собрался гулять. Ведь уроки-то не сделаны». И буквально по минутам расписал, чем он занимался после того, как пришел из школы. Не спеша пообедал, потом читал фантастику, слушал магнитофонные записи, разговаривал с приятелем по телефону, точил коньки... Правда, на кухне прибрал да посуду вымыл. Сын отставил коньки, потом спрашивает: «И как это, пап, ты все узнал?»

«Это уж моя тайна», - отвечаю. Не буду же я ему рассказывать, что на учебе мы занимались такими «играми», тренирующими наблюдательность, зоркость взгляда, внимание к мелочам.

Не столь давно под заголовком «Как стать сыщиком» появилось краткое сообщение о необычном опыте подготовки «криминалистов» в Англии. Привожу его почти дословно: «Предприимчивые члены муниципального совета графства Норфолк организовали единственную в своем роде школу, где все желающие смогут обучаться ремеслу сыщика. Им предстоит разгадывать «убийства» и прочие «преступления», инсценированные для них руководителями курсов Кристиной Болл и Питером Дадвиком - профессиональными криминалистами. Будут прочитаны и лекции о настоящих крупных преступлениях и о методах, кото-

рыми они были раскрыты. Это «удовольствие» обойдется желающим в 44 фунта стерлингов».

Не исключая возможности отдельных лиц, окончивших подобные курсы, приобщиться к профессии криминалиста, хочется все же заметить, что подготовка экспертов как в России, так и за рубежом требует куда более серьезного подхода и нескольких лет упорного труда, овладения практическими навыками в специальных юридических учебных заведениях.

...Ранним утром подполковник Л. Титова вернулась с дежурства. Три выезда за ночь, беспокойная выдалась смена. Она прошла на кухню, открыла форточку. Никаких желаний - выпить стакан горячего чая и спать. На подоконнике заметила томик стихов. И страница открыта на ее любимых, сокровенных:

Случайно на ноже карманном
Найдешь пылинку дальних стран -
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Она в который раз поразилась тонкости и проницательности Александра Блока. Будто о них - криминалистах - написано. Пылинка на ноже... Часто с таких «пылинок», и на ножах тоже, у экспертов начинаются мысли, работа воображения, потом исследования. Когда Людмила Михайловна прочла эти строки в ЭКО, кто-то из молодых высказал тогда мысль, что хотя А. Блок, по-видимому, был далек от криминалистики, но, знай он о ее сегодняшних заботах, возможно, и посвятил бы ей эти поразительные стихи.

Так, может быть, криминалистика - это поэзия и игры взрослых людей?

*Жадность до денег, если она пена-
сытна, гораздо тягостней нужды,
ибо чем больше растут желанья,
тем большие потребности они по-
рождают.*

Демокрит

За последнее время среди некоторых людей, особенно молодежи, зафиксирована очередная вспышка нездорового интереса к предметам старины. По мере роста числа частных коллекций увеличиваются потребности черного рынка. Если раньше такими «коллекционерами» ценились только иконы, то теперь в моде все - старинные книги и монеты, подсвечники, часы, предметы религиозного культа, иные редкие вещи. Этот материал написан по свежим следам судебных процессов, прошедших во Владимире и Ярославле.

Зал Владимирского ресторана. У входа табличка «Свободных мест нет». За одним из столиков уединились от посторонних глаз трое молодых людей. Стол сервирован легкой закуской, уже опорожнены две бутылки шампанского и более чем наполовину графинчик с армянским коньяком. Официант в строгом черном костюме никого не

подсаживает на свободное место, присоединяясь время от времени в паузах между работой к компании. Тогда разговор сразу оживляется. О чем беседуют за этим столом? Оказывается, все трое из Москвы. Объехали на «Жигулях» Московскую и Ярославскую области, теперь в поисках икон и антиквариата заглянули во Владимир. В деревнях иконы приобретают под видом художников, интересующихся стариной. Официант Владимир Зуев вызвался им помочь. У него есть несколько икон, знает он и людей, которые занимаются скупкой и продажей подобных вещей.

На следующий день Зуев и его знакомый Виктор Бережков за 600 рублей продали москвичам пять икон, добавили к ним в качестве бесплатных «сувениров» четверо старинных серебряных часов. Удачную сделку обе договорившиеся стороны отметили в том же ресторане.

Месяцем спустя в деревне Левино Собинского района появилась автомашина «Волга» салатового цвета. В такси находились водитель Александр Ведяев и его приятель, ранее судимый, Виктор Лебедкин. Машина остановилась у дома Пелагеи Александровны Глазковой. Лебедкин знал, что у хозяйки имеется ценная икона «Праздники». Как-то он пытался ее купить, но получил отказ. Преступники заранее распределили свои роли: Ведяев должен был снять икону, а Лебедкин «разговаривать» с Глазковой. Войдя в дом, Ведяев оттолкнул старушку и прошел в комнату, а Лебедкин, угрожая растерявшейся хозяйке, задержал ее у входа. Похитив икону и пользуясь наступившей темнотой, грабители без осложнений уехали во Владимир. Поставив такси в гараж предприятия, где работал Ведяев, друзья отправились в ближайший ресторан. Днем позже в г. Павлово-Посад Московской области они продали похищенную икону некоему Петрову за 650 рублей. Сотрудники Владимирского областного уголовного розыска приложили немалые усилия для розыска преступников. Вскоре Лебедкин и Ведяев были задержаны.

И вовремя. Их арест привел к раскрытию преступной группы, участники которой в течение года в районах области и городе Владимире систематически совершали кражи икон и предметов старины из частных домов и квартир граждан. На скамье подсудимых оказалось шесть человек. Вдохновителем и организатором группы был уже упоминавшийся Бережков, ранее судимый за мошенничество. Несостоявшийся художник, он неплохо разбирался в достоинствах той или иной иконы. Им, совместно с Лебедкиным, был составлен предварительный список мест, где могли находиться ценные иконы.

Сценарий краж тщательно разрабатывался. К месту хищения, как правило, преступники прибывали на такси Ведяева, в редких случаях, когда тот был занят, использовался попутный и случайный транспорт. Участво-

вало минимум три человека: двое путем взлома дверей или окон проникали в помещение, один оставался на улице, чтобы вовремя подать сигнал об опасности. В обстоятельном заключении по этому уголовному делу есть короткая фраза: «Похищенные иконы преступники сбывали различным людям, а вырученные от продажи деньги расходовали на приобретение спиртных напитков, посещение ресторанов и баров».

С обвиняемыми после приговора суда все ясно. Но кто эти «различные люди»? В основном жители столицы. Все с высшим образованием, занятия - самые солидные и уважаемые: художники, инженер, бывший руководитель эстрадного ансамбля, врач-психиатр одной из крупных больниц (законспирировался под кличкой из банального детектива «Мамаша РОК!»). Это они давали деньги Бережкову и его сообщникам на приобретение икон, совершенно не интересуясь, каким путем они добывались. На следствии и суде скупщики краденого проходили как свидетели, хотя сами, пусть и косвенно, но в какой-то мере способствовали совершению преступлений.

Теперь они объясняют свои приобретения страстью к коллекционированию предметов старины, общим, объединяющим их, «хобби». Старинные церковные книги, изделия из дерева и металла, иконы... Особенно иконы. Произносились высокопарные фразы, звучавшие ханжески и кощунственно из их уст, о благородном стремлении сберечь старину для будущего, об иконописных сюжетах как предмете познания социологических аспектов истории и тайн мастерства для художников, неоднократно говорилось о всепоглощающей страсти коллекционирования, страсти таинственной, труднообъяснимой и, возможно, болезненной.

Конечно, диапазон человека, интересующегося искусством, предугадать невозможно. Можно восхищаться импрессионистами и почитать Репина, собирать фарфор прошлого столетия и увлекаться Пикассо. Это, естественно, дело вкуса. Но еще Н.Г. Чернышевский в своем классическом труде «Эстетические отношения искусства к действительности» писал: «На жизненном пути нашем разбросаны золотые монеты, но мы не замечаем их, потому что думаем о цели пути, не обращая внимания на дорогу, лежащую под нашими ногами; заметив, мы не можем нагнуться, чтобы собрать их, потому что «телега жизни» неудержимо уносит нас вперед, - вот наше отношение к действительности; но мы приехали на станцию и проходим в скучном ожидании лошадей - тут мы со вниманием рассматриваем каждую жестяную бляху, которая, быть может, и не стоит внимания, - вот наше отношение к искусству». В условиях столицы имеются неограниченные возможности для удовлетворения самых изощренных художественных наклонностей: Третьяковская галерея с ее великолепной коллекцией икон, десятки музеев, разнообразные выставки, памятники старины. Они

выбрали иной, крайне сомнительный и спорный путь приобщения к прекрасному.

Знай «ценители», какие «бляхи» им готовились продать! В сейфе старшего следователя Владимирского УВД В.А. Николаева, который возглавлял бригаду по делу Бережкова, мне довелось увидеть груды потемневших от времени досок. Это все, что осталось от икон XVII-XVIII веков, изображения почти не сохранились или требовали бережной реставрации, которая могла быть выполнена высокоталантливыми мастерами-профессионалами. У грабителей оказались поистине дьявольские планы: добавляя яркие краски в бронзу, наносить на древние доски новые сюжеты, выдавая эти подделки за старинные иконы. Трудно представить что-либо более циничное и отвратительное - ведь по сути дела в итоге подобных «реставраций» могли быть уничтожены навсегда великие творения древнерусской живописи.

Поздней осенью, когда состоялся суд над Бережковым и его сообщниками, началось следствие над другой подобной группой. По окончании его на скамье подсудимых оказалось девять человек. Деятельность их бы ia более продолжительной - между первым преступлением и последним прошло около полутора лет. За это время совершилось около десятка краж из церквей на территории Владимирской области и частных домов граждан. Наиболее видной фигурой среди грабителей, их лидером и вожаком был Владимир Веселовский. Он, старший по возрасту, единственный из всех имел высшее образование. Несомненно, Веселовский пользовался определенным авторитетом среди своих молодых соучастников.

- Владимир Макарович был человеком не без способностей, - считают люди, работавшие рядом с ним. - Не отличаясь трудолюбием, он любил порассуждать об искусстве, знатоком которого себя считал, прикинуться высокоинтеллектуальным интересным собеседником.

Знакомясь с ним более подробно (в деле есть характеристика, показания свидетелей и обвиняемых), видишь, насколько важно, чтобы молодежь воспитывали действительно культурные люди, а не личности, подобные Веселовскому. Создавая иллюзию «красивой жизни» (рестораны, легко доставшиеся деньги, дешевая романтика ночных приключений), он фактически растлевал души молодых людей, которые постепенно стали участниками разбойных нападений и грабежей.

Самому молодому из подсудимых едва исполнилось **18** лет, остальным было немногим больше двадцати. Профессии самые различные - регулировщик радиоаппаратуры, слесарь, водитель такси, повар столовой, студент-заочник. С их помощью Веселовский устанавливал церкви и част-

ные дома, где имелись ценные иконы, доставал транспорт, затем осуществлялась очередная кража. Он учил не брезговать ничем. Брали не только иконы, но и старинные книги, подсвечники, монеты, случайные вещи, подвернувшиеся под руку. Однако, когда награбленного стало слишком много, Веселовский предостерег сообщников от ненужных хищений.

- Книги не очень желательны, - сказал он. - Трудно сбывать, и не пользуются спросом. Давайте иконы. Как можно больше икон.

Наиболее крупным было ограбление Казанской церкви, находившейся в селе Усолье Камешковского района. Поздним вечером Веселовский с сообщниками на автомашине «ГАЗ-24» под управлением таксиста Сергея Сулейманова выехали из Владимира, взяв с собой ножовку по металлу, ломы и другие инструменты. К селу подъехали глубокой ночью. Машина остановилась у ограды церкви. Час спустя в машину внесли тяжелые брезентовые мешки. К утру «Волга», проехав около двухсот километров, была уже во Владимире, а водитель Сулейманов сдал в кассу таксопарка деньги за ночное «дежурство».

Как раз в эти часы оперативная группа милиции заканчивала осмотр Казанской церкви. Почерк преступников был уже знаком. Неизвестные проникли в церковь, перепилив накладку на входной двери и дужки навесных замков. Похищено семь наиболее ценных икон, подсвечники, позолоченные чаши и другие предметы.

В нескольких объемистых томах уголовного дела свыше тысячи листов. Десятки криминалистических и искусствоведческих экспертиз. Требовалось не только разобраться в деталях каждого из преступлений, но и оценить похищенное, что представляло довольно сложную задачу. Одни иконы, старинные книги и предметы церковной утвари были заприходованы с указанием их цены, на другие никаких инвентарных списков не имелось. В производстве искусствоведческих экспертиз принимали участие сотрудники Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Установлено, что Веселовский и его сообщники причинили государству материальный ущерб в 630 рублей.

- Но и эта крупная сумма не соответствует истинным ценностям похищенного, - считает подполковник милиции В.А. Николаев. - Дела по группам Бережкова и Веселовского не совсем обычны. Это не рядовые кражи, а посягательство на наше национальное достояние, исторические и культурные ценности народа. К слову сказать, если у Бережкова связи со скупщиками краденого были налажены достаточно основательно, то Веселовский испытывал трудности в сбыте награбленного. Уже в ходе расследования выяснилось, что, хотя Веселовский лично не знал Бережкова, он слышал о нем и хотел постепенно наладить взаимовыгодные контакты.

Можно себе представить, к каким последствиям привело бы подобное «сотрудничество», если бы обе группы не были вовремя ликвидированы.

Я позволю себе несколько отвлечься от темы. Наверное, многие читали «Черные доски» В. Солоухина, когда-то напечатанные в журнале «Москва», и мелкий заголовок под названием «Записки начинающего коллекционера». Эту лирическую вещь прочли тысячи людей, одни - в журнале, другие - в прозаических сборниках писателя. Резонанс она вызвала огромный, если не сказать сенсационный. В самом деле, мы редко (иногда один-два раза в году) узнаем из скудных газетных публикаций о находках неизвестных произведений знаменитых западно-европейских художников, а в «Черных досках» В. Солоухин пишет о большом количестве уникальных икон и фресок, по крайней мере, равных им по художественной ценности и красоте. Одни творения древнерусских мастеров вы можете увидеть в Третьяковской галерее, соборах и музеях Владимира, Суздаля, Ярославля, другие еще неведомы никому. Но они есть (или могут быть) в далеких деревеньках, старинных церквях... Или же просто стоят в красном углу у богомольных старушек. Заслуга В. Солоухина в том, что после его книги не только художники, одиночки-коллекционеры и искусствоведы, но и все, кто ее прочел, стали относиться к иконам как к произведениям искусства, предмету красоты, общенациональному достоянию.

Вот что пишет В. Солоухин о своем увлечении: «Икона им (коллекционерам. - Прим. М.Ф.) дорога как историческая, художественная, национальная гордость или хотя бы как предмет их увлечения. Конечно, и собирателей можно разделить, в свою очередь, на категории. Один собирает, чтобы спасти, чтобы уцелело, чтобы сделать, в конце-концов, народным достоянием. Другой видит в том корысть. Третий увлечен более или менее бездумно, и для него нет большой разницы между иконой и этикеткой с бутылки из-под французского коньяка». Позднее, в послесловии к переизданию «Черных досок», В. Солоухин напишет: «Изменилось и отношение к древнерусской живописи, то есть к иконам. Самый дремучий тракторист, которому достались, допустим, иконы от умерших старых родителей, сейчас не пустит их на растопку, потому что где-то чего-то слышал, говорят, что-то в них есть ценного, - пускай полежат. Не знаю, правда ли, но мне рассказывали, будто в некоторых северных областях объявляют по сельскому радио, чтобы не отдавали иконы многочисленным москвичам, устремившимся на их поиски. В связи с возникшей массовостью в собирательстве некоторые читатели считают, что «Черные доски» приносят и вред... Главный вред надо видеть в возникшей массовости, в том, что в дело собирательства хлынуло много разных людей и с разными целями».

Именно такими «разными людьми» с «разными целями» оказались Бережков, Веселовский и их сообщники. Кражи икон и ранее случались на Владимирщине, в других областях центра России. Мне вспоминается дело Бориса Лебедева, студента-старшекурсника одного из столичных вузов. Спекулируя иконами, он достал редкую библиографическую книгу 1897 года издания «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии». Из нее, как из современного красочного путеводителя, он вычитал сведения о существовании церквей в селах Давыдовском и Никополье, а также о находящихся в них иконах - «Казанской божьей матери» старинного греческого письма и иконе XVI века «Великомученица Варвара». Но с 1897 года прошло столько лет... Почти три четверти века. Революция, две войны - Гражданская и Отечественная. Немало бурь пронеслось над древней Владимирской землей. Сохранились ли старые иконы? Лебедев выезжает в районы и осматривает церкви под видом художника-реставратора из Москвы. Записи на пожелтевшей бумаге старинного фолианта оказались истинными, сохранились и обе церкви, и находящиеся в них иконы. Лебедев составил схему расположения наиболее ценных, на его взгляд, икон, а затем осуществил свои преступные планы. Для него эти кражи оказались последними...

Среди «коллекционеров» подобного рода одной из наиболее колоритных фигур, безусловно, следует признать Юрия Крылова. Обладая познаниями в древнерусской иконописи, он хорошо изучил конъюнктуру «черного рынка» и слыл в определенных кругах оборотистым и находчивым дельцом.

- В начале своей преступной деятельности Крылов сам участвовал в кражах по сговору с различными лицами, - рассказывает старший следователь Ярославского УВД Н.В. Михеев. - Однако затем, поняв, что скупка и перепродажа похищенного гораздо прибыльнее и безопаснее, почти целиком переключился на спекуляцию предметами старины. Сформировав вокруг себя группу лиц, Крылов иллюзиями легкого обогащения склонил их к грабегам, а затем сам продавал похищенное, не доверяя соучастникам, что обеспечило конспирацию каналов сбыта. Поэтому деятельность этого «аса» длилась довольно долго, по сравнению с его коллегами, пока он не был задержан с сорока пятью иконами и другими предметами старины в г. Переславле-Залесском Ярославской области.

Вот какие показания о личности Крылова дал один из свидетелей, проходивших по делу: «... Я хочу рассказать о человеке, который привел меня и многих других на путь преступлений. Обладая определенной ловкостью, Юрий Александрович Крылов, с которым я познакомился летом 1975 года, уже более девяти лет занимается скупкой, хищениями и спекуляци-

ей икон. Он систематически приезжал в Ярославль, причем говорил, что для приобретения икон имел оборотный капитал около 30 тысяч рублей, а всего накопил уже ценных вещей более чем на 100 тысяч рублей. Крылов появлялся на личных автомашинах, часто их менял. Сначала приезжал на машине василькового цвета, затем на ярко-красной «корриде», а в последний раз на автомашине синего цвета. Он объяснил, что «лошадки» оформлены на отца и жену, но куплены на его деньги. Помимо этого, я видел у Юрия несколько японских видеомагнитофонов, другие дорогие и дефицитные вещи...»

Вершиной преступной деятельности Ю. Крылова следует, вероятно, считать приобретение выдающегося шедевра древнерусской живописи - иконы «Святой Георгий в житии». Он меняет ее в Ярославле за несколько не пользующихся спросом икон и металлических крестов, оцененных впоследствии в 105 рублей, а затем перепродает в Москве за 6 тысяч рублей, получив таким образом солидный денежный куш. Похоже, что Крылов несколько продешевил, так как после этого уникальная икона переходит из рук в руки, причем ее цена у «коллекционеров» постоянно возрастает. Из материалов дела известно, что некий Воронов, у которого «Святой Георгий» был изъят милицией, заплатил за него целым собранием икон на общую сумму около 50 тысяч рублей.

- Поведение Крылова не отличалось особой новизной, - продолжает Николай Владимирович Михеев. - Еще в 1974 году он, с помощью неразборчивого врача скорой помощи г. Москвы Платонова, получил фиктивное направление в больницу с диагнозом черепно-мозговой травмы. Оттуда, усердно симулируя болезнь, он был переведен в психиатрическую больницу, где целая комиссия медиков выставила ему диагноз психического заболевания. Именно после этого, уверовав в свою безнаказанность, Крылов и начал заниматься преступной деятельностью. Предварительное следствие подходило к концу, но он, уже находясь в заключении, вел себя более чем странно. Вначале Крылов неоднократно пытался запутать следователя, направить его по ложному следу. Потом несколько раз отказывался отдачи показаний или давал показания запутанные и противоречивые. Ранее он интересовался сообщениями в печати и литературой, где описывались кражи произведений искусства за рубежом. Воображению его не было предела. Он передавал следователю записи, где писал об угрожающей ему расправе и преследующих его. Сомнения в полноценности психического состояния Крылова, внезапное изменение его поведения и характера явились поводом к назначению судебно-психиатрической экспертизы.

Помимо судебно-медицинской экспертизы, о которой подробно рассказывается на страницах этой книги, есть экспертное исследование другого вида, также выполняемое врачами. Речь идет о судебно-психиатрической экспертизе, требующей специальной медицинской подготовки по психиатрии. В старых учебниках и руководствах по судебной медицине их объединяли, тогда как сейчас ни один судебный медик, каким бы опытом и знаниями он ни обладал, не возьмет на себя смелость вторгнуться в эту совершенно иную область медицины.

Судебно-психиатрическая экспертиза, как правило, проводится комиссией в составе трех врачей, один из которых, наиболее опытный, является председателем комиссии. Необходимость ее вызывается тем обстоятельством, что одно из обязательных условий признания виновности - это вменяемость обвиняемого. К человеку невменяемому какие-либо санкции, предусмотренные законом, не могут быть применены, сколь бы тяжкое преступление он ни совершил. Исходя из этого положения, ясна роль врача-психиатра, одно лишь заключение которого о невменяемости полностью освобождает человека от ответственности. К такому лицу применяются только меры медицинского воздействия, например, направление его на принудительное лечение.

Освобождение от наказания людей психически неполноценных было известно в глубокой древности. Еще в римском праве существовало положение о том, что при психических заболеваниях больные не подлежат осуждению за преступления. В средние века к несчастным, с одобрения инквизиции и католической церкви, в Западной Европе применялись чрезвычайные меры, вплоть до уничтожения. Так, во Франции при Карле IX было сожжено на кострах более 300 тысяч психически больных людей.

Гораздо более гуманным было отношение к таким больным в России. Отечественная психиатрия создавалась видными учеными-материалистами - В.Х. Кандинским, С.С. Корсаковым, В.М. Бехтеревым, В.П. Сербским и др. Дальнейшее свое развитие она получила в работах И. М. Сеченова и И.П. Павлова.

] t b н н и) 1С

Говорить о психической норме на основании каких-то определенных критериев весьма сложно и вряд ли возможно. Эталона или стандарта на этот счет в психиатрии не существует. Психически здоровым, но И.П. Павлову, может считаться человек, который руководит своим поведением и поступками: «Во мне остается возможность, а отсюда и обязанность для меня, знать себя и, постоянно пользуясь этим знанием, держать себя на высоте моих средств. Разве общественные и государственные обязанности и требования - не условия, которые предъявляются к моей системе и дол-

жны в ней производить соответствующие реакции в интересах целостности и усовершенствования системы?» Как указывает И.П. Павлов, психические расстройства вызывают у больных искаженное представление о реальной действительности, что приводит их «в тяжелые вредоносные столкновения как с природой, так и с другими людьми».

Советскими психиатрами разработана формула невменяемости, которая состоит из двух взаимосвязанных критериев - медицинского и юридического.

Медицинский критерий охватывает весь комплекс болезней психики, указывая на необходимость распознавания заболевания и точного установления диагноза. Статья 21 УК РФ отражает суть юридического критерия невменяемости, начинаясь словами: «Не подлежит ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими». Однако по заключению судебно-психиатрической экспертизы Крылов был уличен в симуляции заболевания, признан вменяемым и способным отвечать за свои преступные действия. Виновность его была подтверждена показаниями свидетелей и сообщников, а также изъятием большого количества икон и антикварных вещей.

Судебные процессы по делам Бережкова, Веселовского и Крылова закончены. Круг замкнулся, обвиняемые осуждены. Но вот что любопытно и хотелось бы отметить. С кем бы из «заинтересованных лиц» я ни говорил о недавних процессах, будь то следователи В.А. Николаев и Н.В. Михеев, сотрудники уголовного розыска, наконец, председательствующие на процессах, - все люди, имеющие непосредственное отношение к этим уголовным делам, даже после суда испытывают острое чувство беспокойства и неудовлетворенности. Казалось бы, юридически все правильно - расследования проведены на высоком профессиональном уровне, не подлежит сомнению справедливость приговоров. Но ведь суды состоялись и затем, чтобы подобные преступления не повторялись. Пока за это поручиться нельзя. Десятки церквей на территории Владимирской и Ярославской областей, центральных и северных районов России, а также отдельные граждане располагают произведениями древнерусского искусства, имеющими большую ценность на мировом художественном рынке. Необходимо обеспечить их охрану на современном уровне: нужна специальная сигнализация в помещениях церквей, обязательна перепись, учет и оценка каждой иконы компетентными людьми. «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры» гласит, что все памятники, находящиеся на

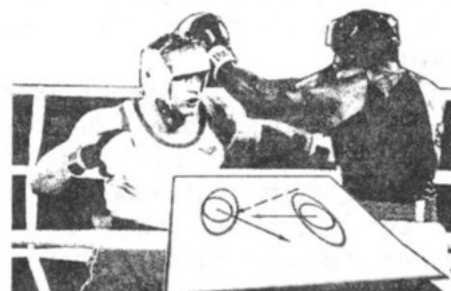
территории нашей страны, подлежат учету и охраняются государством, независимо оттого, в чьей собственности они находятся: государства, общественных организаций (в том числе церкви) или отдельных граждан.

Древнерусские иконы писались темперой. Темпера-слово итальянского происхождения и в переводе означает «смешивать краски». Для долговечности красок в них подмешивались традиционно русские напитки: квас, пиво или мед, уксус, а тайна иконописи передавалась из поколения в поколение, от деда сыну. Исстари иконы писались на проклеенных досках, затем покрывались слоем олифы, придававшей изображению глянцеви-тость и, как кольчуга, сохранявшей бархатисто-матовые тона и свежесть красок на века. Однако со временем олифа темнела, и тогда икону приходилось подновлять: по сути дела писать сюжет заново. Так один слой живописи накладывался на другой, древнее покрывалось новым, но эта поздняя живопись художественной ценности уже не представляла.

Здесь рассказано об историях падения людей, жизнь которых, подобно некоторым украденным иконам, была пестрой и многослойной. Теперь им понадобится немало времени для переосмысления своего отношения и к обществу, и к искусству. «Жизнь коротка - искусство вечно», - говорили древние. Великие творения человеческой культуры несут в себе заряды высокого напряжения. Искусство многое дает человеку, но прикасаться к нему грязными руками опасно. Об этом не следует забывать.

С каждым годом растет интерес к искусству древней Руси. Замечательные памятники архитектуры, старинные фрески и иконы, уникальные церковные интерьеры, расписанные выдающимися живописцами из народа, привлекают внимание тысяч людей. Огромным музеем под открытым небом, музеем, создававшимся народом и веками, стало Золотое кольцо. Среди крупных драгоценных камней его короны, таких, как Суздаль, Ярославль, Владимир, Загорск, известных миру наравне с Флоренцией и Римом, Венецией и Парижем, есть и более мелкие жемчужины его оправы. Многие шедевры национального искусства еще ждут своего звездного часа. Сохранить и эти, пока еще безызвестные памятники нашего Отечества - очень ответственная, трудная и благородная государственная задача.

Когда я бываю в Золотой кладовой Суздаля, то часто останавливаюсь перед некоторыми знакомыми иконами. Здесь уже сложилась уникальная редкая коллекция. И в нескончаемом туристском потоке мало кто знает, каким сложным путем попали в эти белые торжественные своды отполированные временем старинные русские доски.

Ответственный эксперимент: убийство установлено 5 лет спустя

Если рассуждать логически, то преступление - всегда событие прошлого. Совершилось ли оно часом назад, вчера или двумя годами ранее, обстоятельства его, поступки лиц, участвовавших в криминале, не могут быть познаны следователем и судом путем прямого наблюдения. Однако не следует думать, что преступник действует в эдаком безвоздушном - космическом пространстве. Его действия запечатляются как в сознании окружающих людей - свидетелей происходящего, так и в оставляемых следах - крови, отпечатках пальцев, орудиях преступления. Для того, чтобы связать все воедино, проводится расследование и существуют различные эксперименты.

Есть в моем судебном-медицинском дневнике такая запись: «Редкий случай - ситуационная экспертиза. Проведена в спортзале юридического института МВД с участием статистов и владимирских самбистов - заслуженного тренера СССР Е.В. Чичваркина и мастеров спорта Ф.М. Зезюлина и А.В. Гадалова». Вот об этом и хочется подробно рассказать.

1

Из постановления о назначении экспертизы и материалов уголовного дела № 4330 известно, что «29 июля 199... г. около 22 часов возле Дома культуры поселка Новки в драке был убит гр-н Казанцев, 1957 года рождения (все фамилии лиц, проходящих по делу, авторами изменены). Убийство было совершено при следующих обстоятельствах: вечером 24 июля Ю. Саманов, В. Алексеев, Н. Салов и А. Антипов, распив спиртные напитки, направились к Дому культуры. Увидев Казанцева, Саманов ударил его кулаком в лицо, после чего, разложив имеющийся у него нож, стал преследовать. ...»

Прервем пока подробное изложение дальнейших обстоятельств. Замечу, что расследование осложнилось еще и тем, что один из основных свидетелей убийства и драки - Алексеев, скрывшись с места преступления, длительное время находился в бегах. Когда его задержали, почти три года спустя, уголовное дело разрослось до четырех солидных томов, но основной преступник - убийца так и не был установлен, поскольку участники инцидента давали разноречивые показания, перекладывая вину друг на друга.

Работал тогда во Владимирской прокуратуре дотошный и настойчивый следователь Геннадий Егоров. Незадолго до момента, когда он принял «висяк» - длительно и без перспектив расследовавшееся убийство, Егоров побывал на курсах усовершенствования в Санкт-Петербурге, где ознакомился с практикой проведения ситуационных экспертиз. Именно ему - Геннадию - и принадлежит идея привлечения к участию в так называемом следственном эксперименте опытных, мастеров-самбистов, спортсменов, отлично разбирающихся в позициях разного рода схваток и единоборств.

Под следственным экспериментом юристы понимают действия, производимые для проверки того или иного факта или версии по делу путем постановки соответствующих опытов. В ходе его проверяется истинность обстоятельств, о которых рассказывали свидетели, обвиняемые, потерпевшие. Главное требование любого следственного эксперимента - максимально точное воспроизведение фактов и событий в условиях, близких к действительности. Нередко экспериментальный метод успешно используется и судебными медиками.

2

Не менее недели у нас с Егоровым ушло на подготовку. Вначале переговоры с заслуженным тренером страны Евгением Васильевичем Чичваркиным, воспитавшим многих владимирских спортсменов. Поняв задачу,

по

он увлекся, я бы сказал, кровно заинтересовался в установлении истины, и подключил к делу своих учеников - Ф. Зезюлина и А. Гадалова, преподававших самбо в юридическом институте. Те из курсантов отобрали четырех статистов соответствующего роста и сложения, по числу участников инцидента, подробно разъяснили ребятам их задачи, провели несколько подготовительных тренировок. К намеченному времени, 19 февраля, в зале собрались все участники эксперимента, спецмашина подвезла Ю. Саманова и В. Алексеева. Присутствуют также эксперты-криминалисты областного УВД с видеотехникой и фотоаппаратурой.

Вернемся к событиям почти пятилетней давности. Судебно-медицинский эксперт района Борис Михайлович Касаткин (к слову, мой близкий друг, прекрасный врач и человек, рано ушедший из жизни), производя вскрытие трупа Н. Казанцева, установил, что ножевая рана располагалась на груди слева в 6-м межреберьи по средне-ключичной линии, была длиной свыше пяти сантиметров, а раневой канал шел справа налево, сверху вниз, пересекая хрящ ребра и заканчиваясь в мышце сердца.

Казалось бы, свидетелей пьяной драки и конфликта было достаточно. Но все они давали разные показания. Г. Егоров особое внимание уделил версиям Саманова и Алексеева, поскольку убийцей был все-таки один из них.

Итак, Саманов преследует убегающего Казанцева. Далее свои действия он описывает так: «...Антипов догнал Казанцева, сбил его с ног. Тот поднялся, его стали удерживать парни и девки. У меня слетела фуражка, я отошел, стал ее подбирать. Когда повернулся, увидел, что Алексеев отдернул руку от бока Казанцева, в каждой руке у него было по ножу. Какой рукой он ударил Казанцева и куда дел нож я, не знаю. Когда Казанцев упал, Алексеев сказал, что надо идти отсюда, сейчас приедет милиция...»

По иному рисует картину происходящего Алексеев: «...После того, как сбитый Антиповым Казанцев поднялся, он одной рукой схватил его, другой - подбежавшего Саманова. Все стояли полусогнутые, схватив друг друга за плечи. Я стал их растаскивать руками. Вдруг вижу, как Саманов нанес удар Казанцеву рукой в левую часть груди, правое плечо его резко опустилось вниз, как бывает при ударе. Продолжая их растаскивать, встаю между Самановым и Казанцевым. Когда коснулся груди последнего, почувствовал тепло. Казанцев отбежал в сторону и упал. На руке у себя я увидел кровь. Подумав, что сейчас продолжится драка, я вынул из кармана нож, разложил его. Но драка не состоялась, я положил нож в карман, и мы ушли».

Следственный эксперимент начался ровно в десять часов утра при хорошем освещении. День выдался ясным, и яркое солнце щедро било в широкие окна просторного спортзала. Каждый из четырех курсантов-статистов получил порядковый номер и исполнял свою роль - того или иного лица, участвовавшего в драме.

В зал приглашается Алексеев, которому разъяснено, кто из статистов под какой фамилией выступает. Сам он занимает место курсанта под номером три и, уточняя позицию, самостоятельно расставляет статистов соответственно своим показаниям, данным в ходе следствия.

После Алексеева, который покинул место эксперимента, в зал входит Саманов. Заметно, что он волнуется: лицо потное, покрасневшее, в руке смятый носовой платок. Поскольку у него второй номер, он подменяет соответствующего курсанта, потом опять-таки лично расставляет участников.

Хотя производством эксперимента руководит следователь, остальные его участники тоже в работе. Е. Чичваркин вместе с Ф. Зезюлиным и А. Гадаловым активно помогают ему в воссоздании сложных вариантов позиций, четко их фиксируют. Я, судмедэксперт, наблюдаю, как макет ножа, поочередно побывавший в руках Саманова и Алексеева, прикладывается к телу статиста под номером 1, исполняющего роль Казанцева. Тут важно все до мелочей: место предполагаемого удара, направление условного раневого канала, положение обуха и лезвия ножа, прочие детали, известные по данным вскрытия трупа Казанцева.

Динамика разворачивающегося на наших глазах действия сходна с театральной репетицией, в которой главное действующее лицо - режиссер спектакля - следователь прокуратуры. Особенно акцентируется финальный эпизод, связанный с ударом предполагаемого ножа. Беспристрастный объектив видеокамеры фиксирует во всех деталях происходящее. Уже отснято не менее двух кассет, по продолжительности как раз целый полнометражный фильм. Впоследствии, вместе с другими доказательствами по делу, он будет представлен суду.

В ходе эксперимента ведется протокол, а по завершении все участники, включая статистов, подписывают этот документ. Именно на основании объективных данных этого криминально-спортивного спектакля, который, полагаю, навсегда остался в памяти участвовавших в нем «актеров», и были сделаны выводы ситуационной экспертизы.

Текст ее завершающего раздела приведу без изменений с незначительными сокращениями: «1. Учитывая взаиморасположение участников инцидента считаем, что при моделировании поз потерпевшего (Казанцева) и нападающего (Алексеева) в данной ситуации нанесение ножевого удара

Алексеевым исключается по следующим обстоятельствам: ранение Казанцеву было нанесено в область грудной клетки слева на уровне 6-го межреберья по среднеключичной линии, с полным пересечением хряща ребра, восходящим направлением раневого канала и ранением сердца. При такой локализации повреждений и позе Алексеева (слева и сбоку от потерпевшего) он мог нанести удар лишь левой рукой, однако Алексей не левша, тогда как ранение причинено со значительной силой - полностью рассечен хрящ ребра в результате сильного целенаправленного удара. Если же допустить, что нож находился в правой руке Алексеева, то при положении, воспроизведенном в ходе эксперимента, ранение должно было располагаться гораздо левее (на боковой поверхности грудной клетки), иным было бы и направление раневого канала в теле Казанцева, и с учетом использования складного фабричного ножа Алексеева, длиной 9,6 см, клинок бы не достиг сердца.

2. Изучив материалы дела и результаты следственного эксперимента, полагаем, что при настоящем инциденте удар ножом потерпевшему Казанцеву мог быть нанесен Самановым.

3. Исходя из материалов дела, положения участников инцидента, показаний свидетелей, а также результатов судебно-биологической и медико-криминалистической экспертиз, полагаем, что Алексей в момент контакта его левой руки с раной на груди Казанцева мог испачкать ее кровью потерпевшего».

4

Месяц спустя состоялся суд, который принял во внимание результаты следственного эксперимента и ситуационной экспертизы. В качестве экспертов на нем выступили и мы с Евгением Васильевичем, при этом каждый обосновал свою точку зрения, отразил ее в общем, подписанном нами, заключении, легшем в основу приговора. Саманова осудили на длительный срок, Алексева от ответственности освободили.

Несколько позднее мне довелось рассказать обо всей этой истории на представительном научном обществе судебных медиков и криминалистов в Нижнем Новгороде, значительный интерес вызвала демонстрация видеофильма. Мнение коллег оказалось единодушным и весьма положительным: такие тщательно подготовленные эксперименты с участием спортсменов и тренеров имеют право на существование.

А с доброжелательным, справедливым и знающим свое дело человеком - Е.В. Чичваркиным - мне впоследствии опять пришлось столкнуться в зале суда по другому уголовному делу. Но это уже тема для иного, пожалуй, не менее обстоятельного, разговора.

*Адвокат бога или адвокат
дьявола: за кулисами
одного процесса*

Практика судебно-медицинского эксперта богата событиями, когда дело, совершенно независимо от него, приобретает необычный ракурс, поворот, грань. И тогда даже заведомый криминал, под другим углом зрения, представляется иным, чем ранее обусловленными обстоятельствами. Так вдруг, по-новому ярко, может предстать малознакомая комната, в которой когда-то бывал, но не запечатлел в памяти. Стоит лишь включить свет. Можно, однако, четко и в деталях все разглядеть самому, даже если свет включит кто-то иной, особенно заинтересованный человек. Тут как раз такая ситуация, с внешними и внутренними атрибутами одного, в общем-то очевидного преступления.

Я мог бы начать и попроще, строго, как в перерывах суда, мы вчетвером - прокурор, судмедэксперт и два адвоката оказались на одной лестничной площадке. Есть такие лестницы почти в любом из казенных судебных зданий. Обычно они отдалены от залов заседаний, где кипят страста, малопосещаемы озабоченными свидетелями, пыльные и какие-то глухие. То, что в обиходе называют укромным уголком. Выше таких закоулков бывает только чердак. Чаше всего в них курят и переводят дыхание участники процесса, стоит в углу традиционная урна для окурков,

пустая с утра и полная к вечеру. И не всегда здесь говорят обязательно о суде, мало ли иных, отвлеченных тем. Так было и на сей раз.

Но вначале о том, что же все-таки случилось. И почему в течение целой недели я входил в здание суда, посещая для перекуров эту отдаленную от посторонних взоров лестницу. Выше ее были только крыша да низкое зимнее небо.

1

За год до суда и за неделю до Нового года морозным субботним днем мне довелось исследовать труп некой Татьяны Беловой, женщины 36 лет, доставленной накануне с места происшествия (почти все фамилии авторами материала изменены). Помнится, что едва вошел в здание морга, как раздался телефонный звонок. На проводе оказался дежурный судмедэксперт Андрей Сопнев, выезжавший в составе опергруппы на место происшествия. -

- Присмотритесь повнимательнее к потерпевшей, - проинформировал он меня. - Эту Белову били долго, упорно и основательно. Наверняка не один день. Смерть, похоже, наступила не сразу, где-то ночью, это я по температуре тела определил. В самой квартире полный беспорядок, не жилье, а какой-то притон...

Мы еще вернемся к последнему слову, произнесенному Андреем. Пока же меня ждало тело покойной. Вместе с лаборантом Наташей Урусовой и столь же неразлучной подружкой экспертов - пишущей машинкой, пошли в секционную, где отработали несколько долгих часов.

Уже при наружном осмотре бросились в глаза множественные кровоподтеки и ссадины на лице, груди, животе, верхних и нижних конечностях Беловой. Всего насчитал таких повреждений около пятидесяти, погибшая была буквально «разрисована» с ног до головы. Какая-то ужасная мозаика - нечто вроде того, что мы видим в фильмах ужасов, натуралистичных и крутых боевиках, либо при беглом взгляде на отпетого уголовника, обезобразившего кожу подробными, занимающими большую площадь, татуировками. Часть кровоподтеков представлялась более ранней по сравнению с остальными, свидетельствовала о длительном избиении. И еще первое, что пришло в голову из прежнего опыта: такое «художество» вряд ли мог сотворить один человек.

Это мнение подтвердилось в дальнейшем. Пока же на вскрытии была установлена непосредственная и комбинированная причина смерти: тупая травма головы с кровоизлияниями в мозг, травма груди и живота с множественными переломами ребер, разрывами печени, массивным внутренним кровотечением. Согласно действующему

уголовному законодательству - это статья 111-ая УК РФ: тяжкий вред здоровью, опасный для жизни и приведший к смерти. Еще более двух недель ушло на гистологическое (микроскопическое) исследование поврежденных органов, подтвердившее наше с Андреем Сопневым предположение о длительности жестокого избиения, продолжавшегося не один день...

Такие преступления, на бытовой почве, совершаемые, как правило, в нетрезвом состоянии, раскрываются довольно быстро. Не то, что нынешние новомодные заказные убийства с использованием огнестрельного оружия, где киллеры-профессионалы, совершив свое черное дело, буквально исчезают, проваливаются сквозь землю, обрекая сыщиков и уголовный розыск на длительные, часто безуспешные поиски.

Тут исполнителей вычислили быстро, в каких-нибудь пару дней. Уже к 26 декабря тридцатичетырехлетний Матвей Перевалов и двадцативосьмилетний Николай Рябчиков были взяты под стражу. Далеко не юноши, повидавшие виды и ранее судимые, оба в ходе следствия, продолжавшегося почти год, не раз меняли свои показания. Да, были в той квартире на Михайловской. Да, били, но всего 1-2 удара, и то не сильно, так - пощечины, пустяки на почве ссоры. Да - пили, но не били, кроме тех пощечин, просто уходили, приходили. И сама Белова - далеко не ангел. Нигде не работала, стащила часы Рябчикова, пропивала и продавала чужие вещи, лечилась от алкоголизма.

Довольно быстро нашлись и свидетели. Дом-то не частный, многоквартирный. К тому же, соседи и те, кто приходил на Михайловскую, знали, что в квартире, где избивали Белову, всегда, в любое время дня и ночи, можно выпить и закусить. Одним словом - притон.

Давненько, точнее 15 лет назад, будучи молодым судмедэкспертом и совсем юным журналистом, я написал судебный очерк «Квартира номер семь», опубликованный в журнале «Человек и закон». Там седьмая квартира, здесь - шестьдесят восьмая, но общего хоть отбавляй - постоянные пьянки, проходящие и уходящие нетрезвые люди, драки, ссоры и конечный трагический финал, связанный со смертью.

Приведу короткий отрывок из того материала: «В прокуренном полумраке квартиры веселится подвыпившая компания. Одни приходят, другие - уходят. Время от времени выкрики нетрезвых людей перемежаются бранью. Каждого вновь пришедшего отсылают за спиртным. Позднее в судебном приговоре прозвучат слова, которые, возможно, шокируют кое-кого из читателей: «притон», «пьяные оргии». Но из песни слова не выкинешь. Тем более из приговора.

Стихийно возникает драка. Кто-то прекращает ее, разнимая дерущихся. Но атмосфера такова, что всякое может случиться. Позднее в книге по судебной медицине я прочту такие слова: «При опьянении происходит значительное нарушение процессов мышления, критической способности, часто возникает возбуждение, ослабляется самоконтроль. Пьяные лица легко затевают драки, совершают насилия, склонны к агрессивности...»

Налицо притонная преступность - феномен, начавшийся в эпоху развитого социализма, не искорененный и поныне, в наше время, на заре нового столетия.

Да и притоны наши... Что скрывать, они значительно отличаются от этого же социума, существующего на Западе и знакомого нам по зарубежным романам, детективам и кинофильмам. И если заблудший юноша в поисках сомнительных приключений попадет в это куртуазное заведение, его отнюдь не встретит господин с цветком в петлице или привлекательная домашняя мадам «*a la femme*» из «Дневной красавицы» Луиса Бонюэля.

Между тем, казалось бы, ясное и абсолютно доказанное дело по 111-й продвигалось к финишному приговору долго и мучительно. Еще летом, точнее 4-го июля, меня вызвали в качестве эксперта в суд, потом процесс отложили до осени, так он и докатился до декабря. Прошел ровно год.

Присутствие судмедэксперта на суде - вещь частая и весьма необходимая. Вызывают нас обычно по убийствам, тяжким телесным повреждениям, изнасилованиям, прочему криминалу, когда участникам процесса надо разобраться в ряде медицинских и криминалистических вопросов по тому или иному делу. Посему всегда готовишься, читаешь и перечитываешь акт, иногда запасаясь дополнительной литературой. Не раз и не два экспертные заключения подвергались массивной атаке защиты. Что ж, мы не в обиде, это нелегкий адвокатский хлеб, и их, защитников, можно понять.

И вот, наконец, декабрь. Зачитывают обвинительное заключение, начинают допросы подсудимых, свидетелей. Все как-то медленно, тягуче, с массой юридических ямок, рытвин и подвохов. Узнаю, что обвиняемые не столь и плохи, фактически безобидны, из тех, кто на человека и руку не поднимет. Защита прочно стоит на своих позициях, отвергая показания свидетелей и данные предварительного расследования.

Я еще не начал читать свое заключение о причине смерти и повреждениях, причиненных Беловой, как оба адвоката заявили отвод эксперту. Такое бывает крайне редко, и в моей многолетней практике еще не случалось. Защиту Перевалова и Рябчикова осуществляли женщины-адвокаты, одна опытная, со стажем, другая - гораздо мо-

доже, часто слово в слово, с различными вариациями, повторявшая доводы коллеги.

Свою позицию о моей отставке адвокатессы объяснили тем, что, вскрывая труп Беловой, эксперт руководствовался постановлением следователя прокуратуры, вынесенным спустя неделю после вскрытия, т.е. таким образом была нарушена важная 184-ая статья Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Формально они были, конечно, нравы! Труп исследовался 23 декабря, а постановление следователь вынес 30-го числа. Но при поступлении тела Беловой в морг имелось направление судмедэксперта и понятых. Что касается той «мертвой», скажем так, для адвокатов недели, просроченной даты постановления, то, как следовало из заключения, я закончил его уже в новом году, после 10 января, когда были получены важные результаты микроскопических исследований. В общем, если следовать логике защиты, имела значение дата и только дата. Все остальное - и зверское длительное, в течение двух дней избивание Беловой, и показания свидетелей, их очные ставки с обвиняемыми - во внимание принимать не следовало.

В заявлении об отводе врача, исследовавшего труп, трозвучали фразы, что «эксперт прямо или косвенно заинтересован в деле», «имеет место грубая ошибка, с выходом за рамки полномочий», «необходимы эксгумация и дополнительная экспертиза», наконец - «эксперт в данном случае не служит истине, а подтверждает свою репутацию». Обвинения, что и говорить, серьезные, хотя излишне эмоциональные, бездоказательные. Будто судмедэксперт лично выдумал эти ссадины, раны, кровоподтеки и переломы. И вся юридическая солянка ради двух целей: затянуть процесс на неопределенный срок, добившись дополнительного расследования, и тех слов, что еще до экспертного заключения на суде прозвучали из уст более опытного адвоката: «Желательно изменить меру наказания, не связывая ее с изоляцией обвиняемых от общества».

А как же труп, на котором около пятидесяти ударов в разные части тела - голову, лицо, грудь, живот? Это не так уж важно, скорее, вторично. Прошло четыре долгих дня в суде, с полным отрывом от работы. В медико-криминалистическом отделении накапливалась очередь сегодняшних срочных экспертиз, по свежим, только совершенным убийствам (Александрово, Вязники, Владимир). Лишь на пятый день около полудня дошла, наконец, очередь до меня. И дело тут не в стороне обвинения. Оба адвоката с завидным упорством, непогрешимостью и металлом в голосе, как футболисты в решающей кубковой игре, перекачивали друг другу «мяч», уводя

«его» (то есть суть дела) от остального состава суда. Поначалу мне задали около двадцати вопросов, после их оглашения последовал еще десяток, хотя обычно защита задает все их интересующее сразу. Такая тактика сделала процесс резиновым, растянула его. Ведь только на изложение ответов ушло почти два рабочих дня.

2

К той крылатой известной фразе «Бывают преступления и преступления» хочу добавить и свое изречение: «Бывают адвокаты и адвокаты». Дабы не прослыть голословным, в обоснование такого тезиса, мне пришлось заглянуть в свою юридическую библиотеку.

Известный русский юрист Петр Сергеевич Пороховщиков (псевдоним П. Сергеич) в монографии «Искусство речи на суде» пишет следующее: «Что значит «защитник»? Простое слово с определенным значением. Судебная действительность, однако, расширила его смысл. Одни вместо «защитники» говорят - «потатчики», другие - укрыватели. Каюсь, мне не раз доводилось говорить: «губители подсудимых». Сначала набрасываются на прокурора и следствие, доказывая, что решительно ничего не установлено: ни самого преступления, ни подробностей его. Прокурор выиграл карточный домик, коснитесь его слегка, чуть-чуть, и он разлетится...

Если подсудимый лжет, надо сказать несколько слов в его оправдание. Но это заступничество не может загладить неприятного впечатления. Если он лжет целиком или хотя бы на половину, у него не один противник, а целых восемнадцать: обвинитель, трое судей и четырнадцать присяжных. Повторяю, скажите ему, чтобы он не лгал.

В своей книге П. Сергеич умело и умно цитирует своего оппонента, другого юриста, профессора Л. Владимирова с прямо противоположным мнением: «Будьте постоянно и неуклонно несправедливы к противнику. Если ваш противник говорит, что дважды два - четыре, то ввиду невозможности опровергнуть это положение молчите, но не говорите: мой противник прав, что дважды два - четыре... Рвите речь противника в клочья, и клочья эти с хохотом бросайте на ветер. Противник должен быть уничтожен без остатка. Будьте беспощадны. Придирайтесь к слову, к описи, к ошибкам в слове. Чем несправедливее, пристрастнее вы будете к противнику, чем больше страсти, злобы, иронии будет в вашей речи, тем больше вы будете нравиться. Но все сказанное должно быть допустимо под одним условием: все это должно быть художественно...»

Смею утверждать, что, цитируя Владимирова, П. Сергеич угодил прямо «в десятку»: на недавнем, памятном не только для меня, суде почти все так и обстояло. И художественности, нагнетания страстей было предостаточно. Адвокатессы временами смотрелись весьма импозантно, как умелые актрисы в театральном бенефисе, и в каждой сцене, считайте каждый день, по-новому оригинально.

Постепенно отношение защиты к происходящему, весь этот фарс, передается и обвиняемым. Они на глазах наглеют, чувствуя себя действительно «невиновными», тоже заявляют об отводах всем и вся, задают эпатажные вопросы, один глупее другого. Тот, что повыше и моложе, - Перевалов, прямо глядя мне в лицо и не отводя взора, спрашивает, например: «А вы, гражданин эксперт, сколько раз бывали в судах? Наверное, тут впервые...»

Что ж, предельно пустой вопрос, возможно, и в адвокатской редакции. Надо ответить. Говорю, бормочу о том, что в судах судмедэксперты бывают часто, неоднократно, и за долгую службу в судебной медицине эдак несколько сот раз, наверное, наберется... Но это все равно, как утверждать, что небо синее, трава зеленая, а день сменяется ночью. Чувствую себя неловко, будто и сам говорю нечто глуповатое, и ^впопад.

Есть у Анатолия Федоровича Кони, выдающегося отечественного юриста, примечательная статья - «О допущении женщин в адвокатуру». Написанная в 1913 году по поводу развернувшейся тогда дискуссии как в Государственной думе, так и Госсовете России, размышляя, А. Кони пишет: «Мы боялись, и лично я в особенности, мы боялись допущения в число частных поверенных юридически необразованных, практически не подготовленных и неразвитых женщин. Боялись этого именно потому, что желали, чтобы в будущем женщина приобрела достойное положение в адвокатуре. А это положение разрушилось бы или стало очень спорным, если бы ему предшествовало допущение в адвокатуру таких женщин, которые внесли бы невоспитанность и невежество в ведение дела и вызвали бы не только нарекания со стороны людей, доверившихся им, но и ряд неприятных столкновений с судьями, которых поражали бы их грубые приемы».

И далее, весьма аргументированно и оптимистично: «Я думаю, что женщина-адвокат внесет действительно некоторое повышение нравов в адвокатуру не в том смысле, чтобы она внесла высоконравственные принципы в адвокатскую среду: если, как настойчиво утверждают здесь, в адвокатской среде их нет, тогда и внести их женщина не сможет, но я думаю, что там, где они есть, она их своим присутствием поддержит и упрочит, ибо очень часто женщина укрепляет человека в хороших намерениях».

Наверное, полностью стоит согласиться с мнением маэстро юриспруденции, что женщина-адвокат, равно, впрочем, как и мужчина, призвана способствовать облагораживанию нравов общества, «укреплять человека в его хороших намерениях».

От исторических экскурсов в теорию адвокатуры самое время вернуться в сегодняшний день. Вот пространная интересная статья кандидата юридических наук Ю. Лубшева в одном из номеров журнала «Российская юстиция». Автор, опытный адвокат, приводит случай из своей практики по той же 111-й статье: «Участвуя в расследовании, а затем и судебном разбирательстве дела Ходырева, я обратил внимание на реальное наличие смягчающих факторов в самом деянии и ближайших к нему событиях. Это выразилось в том, что сразу же после драки с приятелем, закончившейся ножевым ранением последнего, Ходырев пришел домой сильно встревоженный, подробно рассказал родителям о происшедшем, на их предложение умыться и ехать с ними на дачу он не только ответил отказом, но и сразу же побежал разыскивать потерпевшего по больницам, не найдя его, пришел в милицию и рассказал о случившемся.

Поскольку Ходырев был сильно возбужден и постоянно твердил о только что совершенном убийстве друга, дежурный следователь сначала задержал его, а затем и арестовал по мотивам тяжести содеянного. Дело осложнилось длительностью лечения, требованиями родителей потерпевшего «сурово наказать жестокого преступника», их утверждении о спокойном нраве сына и невозможности драки между ребятами, беспричинности ножевого ранения, полной психологической подавленностью обвиняемого, нежеланием его защищаться от обвинения, безразличием к своей участи, готовностью его родителей согласиться с любым, даже завышенным, обвинением сына.

На суде потерпевший признал, что, действительно, не подумав, цинично обозвал Ходырева, не предполагая, что тот обидится и даст пощечину, после которой потерпевший два-три раза сильно ударит кулаком по лицу обвиняемого. Потасовка перешла в драку, более слабый Ходырев достал нож и ударил им потерпевшего несколько раз в грудь и живот. Получив в суде названные доказательства, я в защитной речи просил суд о переквалификации содеянного с ч. 1 ст. 111 на ст. 107 УК. Суд согласился с моими доводами, приговорил виновного по ст. 107 УК к 14 месяцам лишения свободы и освободил его из-под стражи ввиду нахождения в СИЗО в течение 14 месяцев».

Вот такой случай. Тоже 111-ая, но, как нынче принято говорить, - почувствуйте разницу. В процессе по делу о смерти Беловой полное

неприятие доказанных фактов, здесь - чистосердечное признание обвиняемого, его раскаяние и страдания о содеянном, что и позволило суду переквалифицировать статью на более мягкую - совершение случившегося в состоянии аффекта, сильного душевного волнения.

От теоретических экскурсов в юриспруденцию вернемся, однако, в здание суда. Пройдем на ту отдаленную прокурорскую лестницу, о которой упомянул вначале.

...Итак, мы с прокурором курили в перерыве, минут на двадцать отключившись от процесса. Помню, обменивались какими-то общими новостями: что-то о книгах, что-то о политике, немного о футболе. Тогда-то к нам снизу и тоже с сигаретами присоединились адвокаты. Я не утверждаю, что они подошли сознательно, специально, возможно, им тоже просто потребовалось сомнительная никотиновая разрядка.

Минута, другая прошли по-деловому. Все дружно курят, воцарилось неловкое молчание. И тут та, что постарше, со стажем, изящно обернувшись, сказала прокурору:

- В конце-концов, Виталий Андреевич, эта Белова - ангел что ли? Алкоголичка, воровка... Ну били, ну - убили. Там все едино, одним словом - притон. Наши же подзащитные еще молоды, им жить и жить, возможно, образумятся. Они даже в чем-то полезны, смягчитесь, откажитесь от обвинения. Говорят, что даже волки в лесу делают нужное дело, как бы санитары природы. Гнилую траву с поля вон. Вот эти двое тоже вроде санитаров для общества, подобных омерзительных притонов...

Прокурор, как-то криво усмехнувшись, бросив недокуренную сигарету в урну, начал спускаться вниз. Я с десяток секунд в полном смятении, нечто вроде психологического нокдауна. Придя в себя, произнес несколько фраз, за точность их не ручаюсь, но смысл был приблизительно таков: «А как же справедливость, неотвратимость наказания? И зачем тогда этот суд, экспертизы, показания и, извините, ректальная температура, чтобы установить точное время, когда наступила смерть Беловой. Что, общество может таким образом, фактически закрывая глаза, бороться со своими пороками и язвами? И когда оно - насилие - шло на пользу, ведь жизнью человека не дозволено распоряжаться никому, пусть жертва даже не из лучших обитателей планеты...»

Впрочем, последние слова я автоматически отстреливал впустую, в обшарпанные казенные стены. Адвокаты ушли, попросту говоря, смылись. Лестничная площадка опустела. И лишь едва уловимый аромат духов напоминал о происшедшем поединке.

Сказать, что целый день ходил под впечатлением тех слов, значит ничего не сказать. Они и по сей день, когда вступил в силу приговор, странно траурной мелодией звучат во мне, не дают покоя. Ну представим себе такой, «адвокатский» вариант: двое парней два дня подряд избивают женщину, добивают в конце-концов до смерти и после суда обретают свободу. Чем они займется потом? Версий можно сочинить множество, однако предложу наиболее реальную, из жизни. После непродолжительного отрезвления, возможно, и без оно, они угодят в сходную ситуацию, одев на уголовное прошлое ослепительно белые халаты «санитаров». Только их очередной жертвой может стать не падшая, опустившаяся Белова, а любой из нас - тот, кто слабее этих жестоких и агрессивных молодых волков. За примерами ходить не надо - их достаточно помнят юристы, сотрудники милиции, судмедэксперты, адвокаты.

Иначе профессия последних, верно, одна из древнейших, перестала бы существовать. Но, как говорили еще в древнем Риме: «Advocatus clei, advocatus diaboli» - «Можно быть адвокатом Бога и адвокатом дьявола». Первое для нашего больного и терроризированного общества куда предпочтительнее.

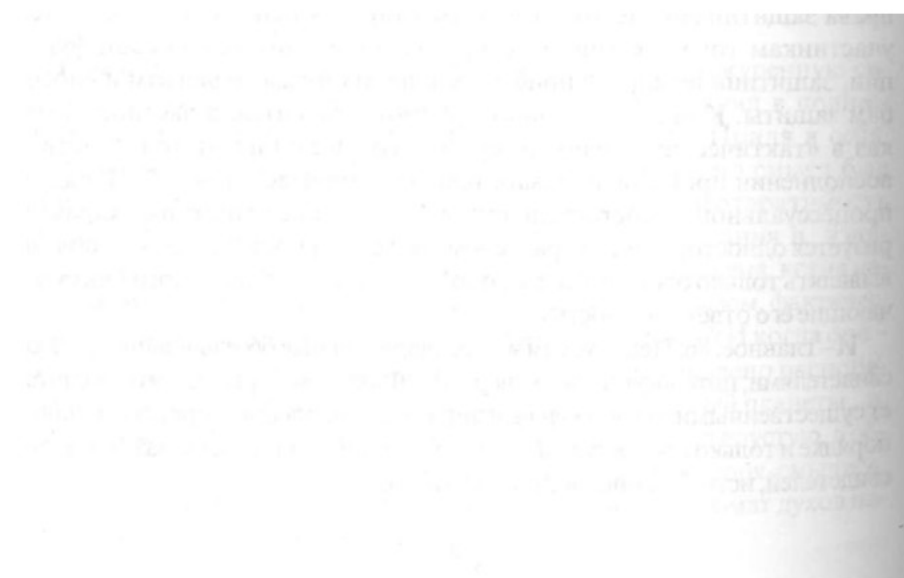
К слову сказать... Поскольку право изучать уголовно-процессуальный кодекс дано любому, я тоже решил освежить знания, обратившись к этой полезной книге.

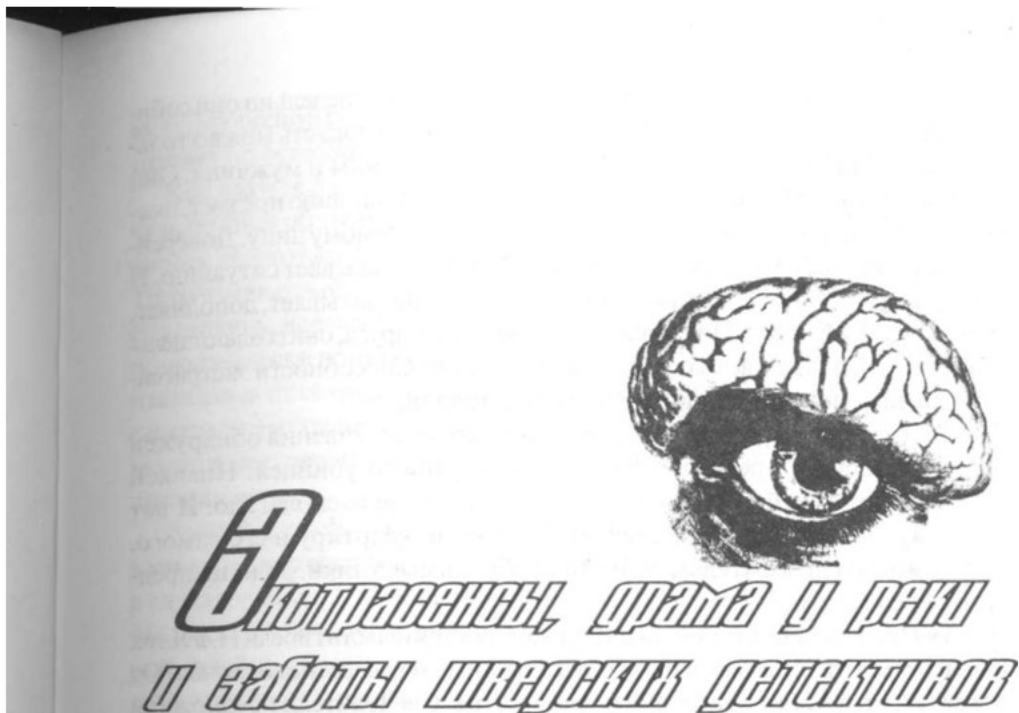
И нашел там достаточно солидную 51-ую статью: «Обязанности и права защитника». Некоторые комментарии к ней прямо адресуются участникам того «лестничного процесса»: «1. Выполняя свои функции, защитник не вправе прибегать к незаконным средствам и способам защиты. К числу подобных приемов относится, в частности, отказ в «тактических» целях до судебного заседания от ходатайств о восполнении пробелов предварительного производства... 3. Наряду с процессуальной самостоятельностью положение защитника характеризуется односторонним характером его деятельности: защитник обязан выявлять только обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность».

И - главное: «6. Недопустимы «предварительные беседы» защитника со свидетелями, потерпевшими, экспертами. Факты, которые защитник считает существенными, он должен выяснить в установленном процессуальном порядке и только процессуальными средствами - ходатайствовать о вызове свидетелей, истребовании документов и т.п.».

Вот такие мысли, навеянные не столь уж и сложным уголовным делом. Но что важно и хочу подчеркнуть. Памятуя о позиции защиты на суде и ВНЕ его, я ни в коей мере не хотел бросить даже подобие тени на представителей необходимой и славной профессии. В нашем же Владимире трудятся не одно десятилетие такие асы адвокатуры, как Н.Н. Атабеков, Д.И. Мохарев, Л.В. Кулакова, А.С. Плоткин из Коврова, многие другие, в биографиях которых немало заслуженных юридических побед. Защитник - безусловно, ключевая фигура любого процесса, особенно криминального. Именно из этих соображений, с думами об адвокатах, с которыми доводилось сталкиваться в разные годы и при разнообразных обстоятельствах, писал я этот материал.

Казалось бы, к чему? Позиция обвинения поддержана судом - «санитары» осуждены. Но была же, была за кулисами процесса та, устремленная ввысь, прокуренная глухая лестница. Хранящая профессиональную драму и тайну поединка, с едва уловимым чувственным ароматом тонких французских духов.

Так называемые аналитические способности нашего ума малодоступны анализу. Мы судим о них только по результатам. Подобно тому, как атлет гордится своей силой и ловкостью, так и аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать.

Эдгар По

Сейчас слово «экстрасенс» стало весьма модным и популярным. Не вдаваясь в полемику, частично соглашусь, что в общей медицине, испытывающей острейший медикаментозный голод, при почти полном отсутствии врачей такой нужной специальности, как психотерапевты (в США их десятки тысяч), нетрадиционные методы лечения могут помочь страждущим людям. Но вот в уважаемом издании вижу статью журналиста С. Панасенко с броским заголовком «Экстрасенсы находят убийц». Ввиду редкости публикации, приведу выдержки из нее, дабы затем вместе поразмышлять над прочитанным: «Раскрыть настоящие имена этих людей - значит подвергнуть их риску, найдутся охотники заставить их замолчать. Ведь свой редчайший дар ясновидения они поставили на службу опасному, но необходимому ремес-

лу уголовного сыска... Вот уже три года, как почти еженедельно они собираются в старинном особняке в центре Москвы, куда попасть можно только по специальным пропускам. Их трое: две женщины и мужчина. Они садятся вокруг стола, на который выкладывается какой-либо предмет, имеющий отношение к разыскиваемому или подозреваемому лицу. Доверенный человек, постоянно работающий с группой, описывает ситуацию. И они приступают к делу. Один начинает, другой подхватывает, дополняет, подключается третий... Поправляя, перебивая друг друга, они создают цельный образ. А дальше все зависит от вдохновения. Способности экстрасенсов-криминалистов не знают границ и расстояний.

... 1996 год. Совершено убийство. На месте преступления обнаружен обрывок письма, предположительно написанного убийцей. Никакой иной информацией об этом человеке следствие не располагало. И вот по этому клочку бумаги ясновидящие указали квартиру и его самого. Это помогло следователям собрать необходимые улики. Убийца предстал перед судом.

... 1997 год. Зашло в тупик расследование обстоятельств гибели Н. в Ялте. Была ли смерть насильственной или результатом несчастного случая? От ответа на этот вопрос зависело очень многое. Следователи и (редложили решить эту задачу экстрасенсам. Им был предоставлен череп покойного, и ясновидцы дали однозначный ответ: причина смерти - неосторожность при езде на велосипеде по набережной, убийство исключалось. «Сверх программы» назвали также возраст погибшего, описали его внешность и основные детали биографии. Следствие подтвердило каждое слово...»

Сознательно цитирую из заметки два случая из десятка, выбрав те, которые имели отношение к насильственной смерти. Впрочем, и экспертам не чуждо чувство юмора, а посему читать весьма забавно. Вот в первом эпизоде по клочку бумаги «вышли» на подозреваемого. Казалось бы, достижение! Но об этом мы читали еще в детстве у Конан Дойля, потом, став старше, у Агаты Кристи. Только из собственной скромной практики могу припомнить несколько сходных случаев, когда по клочкам текста, изъятым с мест происшествий и даже при вскрытиях! (бумажные пыжи при огнестрельных ранениях), удавалось получить конкретную информацию о предполагаемых преступлениях.

Анализировать второй случай уж совсем неудобно. Ведь давным-давно, без «ясновидцев», разработаны точные методы разграничения повреждений на черепе в результате дорожно-транспортных происшествий (здесь неосторожная езда на велосипеде) от убийств, которыми пользуются повсеместно судмедэксперты России. Что касается установления возраста и внешности человека по черепу, то об этих довольно сложных исследова-

ниях, проводимых экспертами высокой квалификации, прошедшими подготовку по остеологии, рассказывается на страницах этой книги.

Как раз в те дни, когда появилась заметка об экстрасенсах в «Труде», чуть позднее об этом же в «Комсомольской правде», в нашей области случилось несколько убийств, расследования которых не дали результатов. Тогда-то опытный искушенный оперативник из уголовного розыска собрался в столицу, надеясь встретиться с кем-то из «волшебников». Наивная, но по-человечески понятная его попытка обернулась неудачей: экстрасенсы отказались от сотрудничества. Зато когда он обратился к С.З. Гуртовой, опытнейшему судмедэксперту из Москвы, она и ее коллеги-биологи помогли в двух эпизодах по следам крови на одежде установить истинных преступников.

Вернемся от фантазий к действительности. Ранее рассказывалось о значении для следствия вопроса давности наступления смерти. Особенно в случаях убийств, фатального исхода в «слепом» промежутке времени, без свидетелей и очевидцев. Хотя к настоящему времени в отечественной судебно-медицинской литературе насчитываются сотни работ по этой актуальной проблеме, защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций, но в целом эксперты-практики не имеют надежного и простого способа установить реальные сроки этого биологического явления. Не все зависит от опыта и квалификации врача при крайней скудности технического оснащения медиков.

Вот что сказано на страницах «Медицинской газеты» в диалоге между бывшим начальником Московского городского бюро судмедэкспертизы, кандидатом медицинских наук Е.Ю. Дедюевой и начальником отдела МУРа по раскрытию умышленных убийств ВТ. Бобряшовым, отвечающих на вопросы корреспондента: «В. Бобряшов: - С судебной медициной мы действительно работаем рука об руку, и зачастую быстрота раскрытия того или иного убийства зависит от грамотной и качественной первоначальной судебно-медицинской экспертизы. Особенно важно для нас правильное установление сроков наступления смерти. К сожалению, в последнее время имелось несколько случаев, когда судебные медики допускали серьезные ошибки. Например, только в этом году было два убийства на территории Красногвардейского и Киевского районов, когда при обнаружении трупов судебно-медицинская экспертиза определяла срок смерти так: «не более трех суток».

Мы же, раскрыв в дальнейшем эти преступления, выяснили, что смерть наступила три и во втором случае - четыре недели назад. Не хотелось бы

упрекать наших коллег в некомпетентности и низком *п р о*, схионалчзме, но, как говорится, факт остается фактом...

Е. Дедюева: - Упрек принят. Установление сроков смерти действительно является самым слабым звеном судебно-медицинской экспертизы. Но я не стала бы связывать это с некомпетентностью наших сотрудников. Большинство из них являются достаточно квалифицированными специалистами. Но как мы оснащены? Какие технические средства помогают нам правильно определять давность смерти? Палец, ухо, глаз и нос - вот основные наши помощники, а ведь на дворе конец XX века, века компьютеров. Наше бюро одно из крупнейших в стране, но даже у нас до сих пор нет ни одного специального прибора для фиксации трупных изменений - мы определяем давность смерти лишь с помощью обычного градусника и секундомера! Удивляться тут нечему - подобных приборов вообще нет в перечне тех изделий, которые ежегодно предлагает нам «Медтехника». И это при том, что наши коллеги В.В. Билкун, Л.И. Новиков несколько лет назад своими силами сконструировали такие приборы. Мы бы с удовольствием воспользовались ими, но все попытки добиться их промышленного выпуска терпят крах».

Каким же контрастом с положением дел у нас выглядит сообщение о создании такого прибора в Англии в заметке «Когда произошло убийство?», напечатанной в еженедельнике «За рубежом»: «Точность ответа экспертов-медиков на этот вопрос повысилась теперь более чем на порядок благодаря новой разработке Уэльского университета. Прибор размером с сигаретную коробку использует прежний принцип: измеряет скорость остывания трупа. Однако четыре термопары в сочетании с микропроцессором, размещенные в разных точках тела, определяют точный момент смерти с ошибкой всего на полчаса, - рассказал Бернанд Райт, патолог министерства внутренних дел, проводивший «полевые» испытания устройства. - При существующем методе с погружением в тело умершего обычного термометра эксперт может ошибиться на целых восемь часов. Через несколько минут после начала измерений прибор печатает готовый ответ».

При таком приборе экстрасенсы экспертам не нужны. И все-таки разные в судебной медицине встречаются случаи, разные ситуации. Иной раз в экспертной практике происходит такое, чего в самом захватывающем детективе не прочтешь и в запутанном кинобоевике не увидишь. Это не удивительно, ведь жизнь - самый талантливый автор. Она преподносит сюрпризы, не рожденные вымыслом и воображением писателя, режиссера или драматурга, а, наоборот, взятые, казалось бы, из самого обыденного, что нас окружает, но от этого не менее загадочные и увлекательные.

Эту историю рассказал мне доктор медицинских наук В. А. Козин. А произошла она в Ивановской области на берегу тихой речушки Ухтохма.

Но прежде все-таки о детективе. Есть у признанного мастера этого жанра Гилберта Кита Честертона исключительно увлекательная новелла «Три орудия смерти». В ней рассказывается о предполагаемом преступлении - убийстве хозяина особняка в местечке Хэмстем Ароне Армстронге. Но кто преступник? Честертон последовательно и не спеша выдвигает на этот счет несколько версий. Поначалу подозревается слуга Армстронга - Магнус. Но он, отвергая выдвинутые обвинения, утверждает, что убила отца его дочь Элис. На следующей странице возникает новый подозреваемый - секретарь Армстронга Натри Ройс, который прямо заявляет, что он в нетрезвом состоянии застрелил своего хозяина.

Во время всего этого на месте происшествия появляется отец Браун. Он, хотя и в сане священника, является у Честертона именно тем провидцем, криминалистом, следователем, экспертом, и все это - в одном лице, которыми так богат зарубежный детектив. Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, адвокат Перри Мейсон, инспектор Мегре - отец Браун им равный, не затеряется среди них. Внимательно осмотрев особняк и тело погибшего, он говорит: «- Послушайте, право же, это ни в какие ворота не лезет, согласитесь сами. Сначала вы заявили, что не нашли оружия. Теперь же мы находим его в избытке, вот нож, которым можно зарезать, вот веревка, которой можно удавить, и вот револьвер, а в конечном итоге старик разбился, выпав из окна... Эти ужасные орудия служили своеобразному милосердию. Их употребили отнюдь не для того, чтобы убить сэра Арона, а для того, чтобы его спасти.

Потом объяснив, что Армстронг был хроническим алкоголиком и, наконец, впал в депрессию, пояснил: - Он безумно жаждал смерти и с редкой изобретательностью, свойственной одержимым людям, разбросал вокруг себя смерть в различных обликах: петлю-удавку, револьвер своего друга и нож. Ройс вошел сюда и действовал немедленно.

Он швырнул нож на ковер, схватил револьвер и, не имея времени его разрядить, выпустил все пули одна за другой прямо в пол. Тут самоубийца метнулся к окну. Спаситель кинулся за ним с веревкой и попытался связать его по рукам и ногам. Тут-то вбежала несчастная девушка и, не понимая, из-за чего происходит борьба, попыталась освободить отца. Сперва она только полоснула ножом по пальцам бедняги Ройса, отсюда и следы крови на лезвии. Перед тем, как упасть без чувств, бедняжка успела перерезать веревку и освободить отца, он выпрыгнул вот в это окно и низвергся в вечность...»

Но вернемся к случаю В. Козина. Я решил изложить его для читателя более подробно, ибо, признаться, ничего подобного в судебно-медицинс-

кой практике мне не встретилось, а название рассказа Честертон - «Три орудия смерти» странным образом сопоставимо с историей, происшедшей в наши дни. Тут тоже несколько орудий, тоже смерть, а что касается убийцы...

Однако обо всем по порядку. Как следует из постановления следователя прокуратуры, «22 июля 1996 г. около 15 часов в милицию поступило сообщение о том, что в лесу, на левом берегу реки Ухтохмы, в трех метрах от туристической палатки голубого цвета, были обнаружены трупы двух молодых людей - В. и Ч. с признаками насильственной смерти. Неподалеку от них, в бессознательном состоянии с ножевыми ранами находился гражданин К. ...Расследованием и допросами К. установлено, что 19 июля трое друзей - К., В. и Ч. на поезде Иваново-Юрьев-Польский, сойдя на станции Оболсуново, пришли около 20 часов в лесной массив на берегу реки Ухтохма. Разбив палатку, они распили три бутылки водки, а затем по предварительной договоренности решили коллективно покончить жизнь самоубийством. Указанные лица боялись уголовной ответственности за избиение курсанта пожарно-технического училища, и в целях самоубийства после выпивки приняли около 170 таблеток элениума и беласпона. Проснувшись на следующее утро, то есть 20 июля, и поняв, что в результате употребления таблеток и спиртного покончить с собой не удалось, они решили вскрыть вены на руках. В этом принимали участие двое - В. и К., раны наносились ножом в области локтевых сгибов. Когда при остро наступившем наружном кровотечении им умереть не удалось, оба решили повеситься. Сделав из веревок для крепления палатки петли, В. и К., закрепив их на сучьях большой ели, повесились. Однако под тяжестью К. сломался сук, он остался жив, а В. скончался от асфиксии при повешении.

После этого Ч. сапожным ножом причиняет себе глубокую резаную рану шеи. Несмотря на сильное кровотечение, он еще жив. По его просьбе гр-н К. наносит ему удар сапожным ножом в правую половину шеи. От полученных повреждений вскоре Ч. скончался.

Оставшись один, К. этим же ножом наносит себе две колото-резаные раны в область сердца, пытаясь, как и его товарищи, покончить жизнь самоубийством. Однако сделать этого ему не удалось. Тогда он спустился от палатки к реке, выбросил нож в воду, а сам, потеряв сознание, упал на прибрежный песок. Вскоре он был обнаружен рыбаками и доставлен в больницу. Через два дня - 24 июля - при тралении реки Ухтохмы с помощью магнитного подъемника был извлечен сапожный нож с рукояткой, обмотанной изоляционной лентой...»

Комментарий Валерия Александровича Кодина:

- Когда я получил это постановление, то был потрясен. Вначале алкоголь и таблетки, близкие по действию к наркотикам, ввиду столь огромного количества, а потом две смерти - одна от повешения, другая - от ран шеи. Версии возникали самые различные, не исключалось, что оба молодых человека были убиты. На этом особенно настаивали родственники, кое-кто из уголовного розыска. Оставшийся в живых К. находился в больнице. Так как именно он и рассказал следователю эту историю, конечно же, с него в первую очередь не снимались подозрения в убийстве товарищей. Вскрывая труп Ч., я обратил внимание, что на шее его имелось два вида ран: наличие множественных дополнительных насечек по краям и у концов большой глубокой резаной раны по передней поверхности, с повреждением крупного кровеносного сосуда, свидетельствовало о том, что она могла быть причинена собственной рукой покойного, тогда как поверхностная колото-резаная рана мягких тканей справа, вероятнее всего, была нанесена посторонней рукой. Смерть же наступила от первой - резаной раны.

Я решил не спешить, проверить все возможные версии. Но прежде лично съездил на место происшествия, несколько раз беседовал с К., прослушал магнитофонные записи его допросов, провел кое-какие эксперименты. На все это ушло не менее месяца. В конце концов все удалось расставить по местам: К. рассказал следователю правду об этой казавшейся неправдоподобно-фантастической, криминальной феерии. Хотя в финале ее он, по просьбе Ч., и нанес ему поверхностную ножевую рану, но не она явилась непосредственной причиной смерти. Обвинения в убийстве товарищей с молодого человека были сняты...

Уже после упомянутых сообщений об экстрасенсах В.А. Козин обратил мое внимание на февральский номер «Известий» (1991, № 49) со статьей собкора газеты в Стокгольме М. Зубко под названием «Через пять лет после убийства Улофа Пальме». Вот что рассказал журналисту руководитель следственной группы, комиссар Ханс Ольвербу, полицейский с 25-летним стажем: «Мы по-прежнему верим, что сможем найти убийцу. Хотя, будучи реалистами, понимаем, что с течением времени искать его становится все труднее. Думаем, что имя убийцы находится где-то в той массе материалов, которые собрала за эти годы следственная группа. Всего нас-тех, кто работает над делом по убийству Пальме, 25 человек. У каждого свои задания. Разрабатываются, в частности, различные версии поиска преступника, имеются допросы свидетелей. Все члены группы - люди опытные, за плечами у них по 15-30 лет работы в полиции. Десять человек занимаются делом об убийстве с самого начала, то есть с 1966-го. Новые данные продолжают поступать, хотя с момента убийства прошло

пять лет. Мы все заносим в компьютеры. Сколько у нас данных? Могу сказать, что одних версий преступления насчитывается более 10 тысяч. Понятно, что фактов, связанных с расследованием, значительно больше...»

- Таков пример сугубо реального подхода к попытке раскрыть «преступление века», - говорит В. Ко дин. - И это при высочайшей квалификации шведских следователей, экспертов, полицейских, пользующихся заслуженным авторитетом у профессионалов сыска во всем мире, имеющих на вооружении великолепную криминалистическую технику. Казалось бы, чего проще - заплатить деньги, выписать экстрасенсов (хотя в Швеции, наверное, своих хватает), и - делу конец. Но нет, уже несколько лет ищут шведы, значит, надеются на успех.

В качестве резюме отмечу, что как пишет в своей статье М. Зубко, «идут письма и из всей России. Их авторы утверждают, что знают, кто покушался на Улофа Пальме...»

Недавно в переполненной электричке на Москву мне довелось услышать такой разговор:

- Теперь милиция не нужна, если кто пропадет, - авторитетно заявил представительный мужчина средних лет. - Экстрасенсы сообща, бригадой трудятся. Вот в газете пишут: «С помощью ясновидцев уже была обнаружена пенсионерка из Коврова, находившаяся в Муроме».

Сосед с гордостью:

- Да-а... Ну и чудеса у нас во Владимире, прямо как в сказке. С такими орлами мы далеко пойдем.

Некий скептик рядом:

- Гм, позвольте усомниться. В этой же газете, и что поразительно, на той же странице! - сообщение об убийстве военнослужащего. Написано, что милиция располагает данными о сбежавших преступниках, каких-то скрывшихся девушках. Но что-то ваши волшебники не торопятся найти убийц и свидетелей. Ерунда все это, господа...

Но перейдем от экспертной и криминалистической практики, газетных публикаций и обывательских рассуждений к мнениям специалистов. Я попросил прокомментировать их сведущих лиц из областного УВД - оперативных работников, сотрудников уголовного розыска, где, кстати, давно существует отдел по розыску пропавших. Припомнили там не один случай, когда близкие обращались к экстрасенсам. Так, в одном из эпизодов - по расследованию убийства Н. - «ясновидцы» высокого ранга из столицы указали несколько мест предполагаемого захоронения жертвы. Раскопки, однако, ни к чему не привели. В другом случае при пропаже ребенка три незнакомых друг другу экстрасенса назвали три совершенно разных места, где его следует искать.

При этом каждый настаивал на своей версии. Поиски, как и следовало ожидать, оказались безуспешными...

А посему остается, как в старые добрые времена, рассчитывать на знания и опыт специалистов-сыщиков, которым надлежит заниматься розыском, тем более, что все чаще это связано с преступлениями и убийствами. Уверен, что коллеги-судмедэксперты могли бы меня значительно дополнить, поделиться и своими наблюдениями. Но что-то о помощи или даже намеке на экстрасенсов не слышал ни от кого.

Когда-то известный русский поэт Иван Бунин написал такие строки:

Нет, мертвые не умерли для нас?
Есть старое шотландское преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
В полночный час к нам ходят на свиданье.

В этом пророческо-мистическом четверостишии печаль и скорбь о близких, возможно, и пропавших людях, но даже такой тонкий и пронизательный поэт, как Бунин, вряд ли взял бы на себя смелость утверждать невозможное.

**Ростов: 124-ая судебно-
медицинская лаборатория**

Когда поздней осенью 1996 году в Суздале состоялся 4-й Всероссийский съезд судебных медиков, посвященный альфе и омеге криминалистики - вопросам Идентификации (ИД), особый интерес вызвали сообщения военных экспертов из 124-й судебно-медицинской лаборатории Северо-Кавказского военного округа, что расположен в Ростове-на-Дону, - ее прошлого начальника - полковника А. Глинского и нынешнего - полковника В. Щербакова. Тогда-то и возникла у меня мысль лично побывать в Ростове, написать о работе, которую не по их воле пришлось исполнять судмедэкспертам в период Чеченской войны. Не столь давно эти планы удалось осуществить.

1. ДЛЯ РОСТОВСКИХ СУДМЕДЭКСПЕРТОВ ВОЙНА ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕНА

Судебно-медицинская лаборатория СКВО (Северо-Кавказского военного округа) занимает второй этаж скромного трехэтажного здания на тихой Лермонтовской улице, расположенной недалеко от центра. В расследованиях множества чрезвычайных ситуаций принимали участие судмедэксперты 124-й. Вот наиболее известные: события в Новочеркасске, Венгрии, Чехословакии, Западном Берлине, катастрофы в Новороссийске и

Каменск-Шахтинском, землетрясения в Ташкенте и Спитаке, военные конфликты в Северной Осетии, Грузии, Абхазии. Ныне - главная трагедия и боль России - Чечня.

При том труде, что экспертам приходится выполнять, места немного. Сложные приборы, криминалистическая и компьютерная техника занимают буквально каждый сантиметр небольших тесных помещений. На отдельных столах то, что мы называем вещественными доказательствами, - костные останки, черепа, огнестрельные и взрывные раны. К сегодняшнему дню все то, чем занимаются судебные медики, находится в Ростове. Есть в городе такой поселок - Военвед (расшифровывается просто - военное ведомство). Там на улице Оганова в охраняемых вагонах-рефрижераторах при температуре около минус 15 градусов хранятся останки российских ребят. Это все - описано, сфотографировано, запечатлено кино-, фото- и видеотехникой, систематизировано и введено в подробнейший компьютерный архив, находящийся на Лермонтовской. Поэтому, когда родственники погибших приезжают сюда в поисках родного человека, им не приходится ехать в ту мертвую зону - к рефрижераторам. Поначалу происходит знакомство с теми объектами, что скрупулезно собраны в архиве.

- Наше дело - идентификация, необходимая тяжелая и черновая работа, позволяющая родным опознать убитых, - просвещает меня В. Щербаков. - К середине 98-го через лабораторию прошло около 1 000 погибших, опознана почти половина - 460 человек. И это не очень хороший результат, многие чисто экспертные вопросы упираются в бетонную стену финансирования.

В разговор вступает полковник А. Глинский. Но прежде он тщательно проверил мои документы - журналистское и экспертное удостоверения. Тому есть объяснение: врачам иной раз попадает от начальства за излишнюю откровенность. В принципе, оно не против того, чтобы писали о том, чем здесь занимаются, но без излишнего нагнетания страстей, эдакой «невзоровщины».

- Совсем недавно, в декабре, у нас побывало двое журналистов из весьма популярного и уважаемого столичного издания, - говорит Александр Леонидович. - Буквально через несколько дней появился репортаж с фотоснимками и массой ненужных подробностей. Да, все так, как написано, но кому нужны детали такого рода, как «аура ужаса», «запах тления выворачивает наизнанку», «вон во дворе супчик варится» (это об обработке костей), «через час в простой кастрюле во дворе уже лежала голова», «Ростовский военный госпиталь - морг всяя Руси» и т.п.

Тогда-то всей командой (присоединился к нам и старейший судмедэксперт лаборатории Юрий Ермаков) решили, что писать я буду в основном об экспертном труде и методах ИД, не фокусируясь на том, что сродни фильмам ужасов и во множественном числе присутствовало у многих журналистов.

- Ведь есть и другой угол зрения - экспертный, научно-исследовательский, вот об этом и расскажи, - посоветовал Юрий Рубенович. - И этим ничуть не умалишь справедливое возмущение и тот труд, о котором пишет и вещает пресса и телевидение.

2. Чечня как стимул «прогресса» и развития мировой криминалистики

В обычных и криминальных ситуациях перед судмедэкспертами всегда ставится традиционный вопрос: отчего наступила смерть? В Чечне в этом не было необходимости. Сам вид мертвых тел, иногда обезображенных от взрывов, огня, пулевых ран, свидетельствовал о причине смерти. Наиболее актуальным и важным вопросом стала ИД погибших. После демонстрации редкого учебного фильма для эксперте! Владимир Щербаков продолжает свой рассказ:

- Мы использовали все, что могли: документы, знаки отличия, письма, фотографии, внешний вид солдат, если он был узнаваем. Таким путем удалось идентифицировать до половины пострадавших, а трупы, помеченные белой биркой - «белые», отправить на родину. К остальным, возьмем условно еще одну треть, - «желтым», необходимо было применить те методики, которые на сегодняшний день являются традиционными. Это следы перенесенных Травм, переломов, операций, рубцы, строение зубов, татуировки, то есть то, чем, собственно, и занимаются эксперты, если есть сравнительный материал - медицинские документы, рентгенограммы, любые записи и выписки. В некоторых случаях ИД «желтых» достигалась приглашением родных или сослуживцев.

Наш разговор прервался. В кабинет Щербакова вошла женщина средних лет, скромно одетая, обратилась к полковнику по имени-отчеству, видно, уже знакомая.

- Я просмотрела фотографии и видеозаписи, - сказала она. - Ваш доктор сравнил их с моими документами. У Коли два года назад были сломаны два ребра и малоберцовая кость после мотогонки, все совпадает.

- Что ж, Галина Сергеевна, я распоряжусь. Поезжайте на опознание. О результатах мне доложат, тогда и поговорим подробнее. - Женщина вышла, прикрыла дверь. Теперь ей предстоит путь туда - в военный городок. - Из-

под Тюмени, - кратко конкретизировал Щербаков. - У нас около недели. Тут, похоже, не просто совпадение.

После паузы и стакана крепкого чая, внесенного дежурным, полковник перешел к третьей группе, так называемой «красной», с самыми яркими опознавательными бирками. Сюда попали тела, чаще всего изуродованные и обезображенные взрывами или огнем, которые невозможно опознать без использования специальных методик. Как судмедэксперту-криминалисту мне понятен начальный этап ИД: установление по имеющимся костям пола, роста, возраста, расовых признаков. Но как быть дальше? Допустим, от погибшего осталась лишь часть туловища или только конечности...

И вот тут на помощь экспертам пришла наука. А. Глинский достал переплетенный увесистый том. Сверху надпись: «Научно-исследовательский институт нейрокибернетики им. А.Б. Когана Ростовского государственного университета», ниже название темы: «Разработка методов идентификации лиц визуально неопознаваемых трупов погибших военнослужащих». Читаю, смотрю, анализирую. По тексту - графики, фотографии, схемы. Об этом упоминалось на съезде в Суздале, было просмотрено в видеофильме, но вот главное, что вынесено из этого тома: российские судебные медики, скажем прямо и откровенно, не от хорошей жизни создали за каких-нибудь полтора года три новейшие методики ИД, не имеющие аналогов в мировой криминалистической науке.

Идея первого из методов, когда сравниваются прижизненные флюорограммы грудной клетки и рентгенограммы с ее посмертным изображением, принадлежит ученому из военно-медицинской академии Андрею Ковалеву. Известно, что всем призываемым солдатам делают снимки груди. И если часть ее сохранилась у погибшего, то на основании признаков сходства с посмертными рентгеноснимками - в строениях ребер, ключиц, грудины, лопаток - можно идентифицировать труп.

Пойдем дальше. Условия, когда от тела после разрыва снаряда или бомбы сохраняются только конечности, натолкнули известного судебного медика, крупнейшего отечественного ученого-остеолога, профессора В. Звягина на возможность ИД пострадавших по гребешковым узорам на руках и ногах в сравнении с такими же узорами у родителей (так называемая дерматоглифика).

- Идея Виктора Николаевича оказалась настолько плодотворной, - утверждает В. Щербаков, - что по ней нам удалось идентифицировать до 16 процентов пострадавших с травмами конечностей.

Наконец третья методика, когда от погибшего почти ничего не осталось, но сохранены голова и череп, принадлежит самому Щербакову.

- Конечно, в подобных случаях, - рассуждает он, - я могу поступить так, как делали все эксперты до меня, - убрать мягкие ткани лица и, имея фотографию, использовать метод фотосовмещения по М.М. Герасимову. Но... - Владимир Владимирович нервно постучал пальцами по столу, - это дополнительная травма для родных. Им хоть что-то надо отдать. Посему в подобных случаях мы делаем посмертную рентгенограмму черепа и вводим 16 классических опознавательных точек на ней вместе с прижизненной фотографией в компьютерное устройство. Остальное сделает машина, при положительном результате ИД сама выдаст результат.

.. Останки тела с уцелевшим погоном старшего лейтенанта обнаружили после взрыва в новогоднюю ночь-1995. Сохранилась верхняя половина грудной клетки да руки, висевшие на частично обгоревших тканях. Когда приехала мать неизвестного ст. лейтенанта, эксперты поначалу использовали методику В. Звягина. Найдя признаки сходства в гребешковых узорах кистей рук, разыскали флюорограмму на офицера Вячеслава Р., после исследования которой дали категоричное заключение об ИД останков погибшего.

В нашей беседе Владимир Щербаков затронул вопрос и о геномной дактилоскопии - наиболее эффективном методе ИД, ныне внедренном в практику во всех цивилизованных странах мира. Ростовчане с помощью Москвы, ввиду крайне дорогостоящего оборудования и сывороток, использовали его лишь в единичных, наиболее сложных случаях. Для сравнения можно отметить, что при аварии самолета на Шпицбергене геномная дактилоскопия использовалась норвежцами более чем в 50% случаев ИД тел погибших пассажиров и пилотов. Мой комментарий: позднее, просмотрев еще раз записи, научные статьи, видеосъемки и фотографии, подумалось, что чеченская кампания резко, буквально за считанные месяцы, продвинула вперед всю экспертно-криминалистическую науку, вписав в нее новые «славные» страницы. Но кому нужна такая наука? И какой ценой за это заплачено. Наверное, не покривлю душой, если предположу, что те же мои коллеги - В. Звягин, В. Щербаков и А. Комаров - отдали бы свои достижения, лишь бы не было этой войны. Ведь судмедэксперты психологически люди очень ранимые, куда менее защищенные, чем принято думать иным обывателям, в том числе и толстокожим, уверенным в собственной правоте и непогрешимости политикам и экстремистам.

3. Две войны и медицина: попытка сравнения

Как судмедэксперт я понимаю своих ростовских коллег, разделяю их тяготы и боль. Судите сами - свыше 10 часов в морге или лаборатории,

почти без перерывов, изо дня в день. **И** вдруг, как фальшивая неправильная йота, какой-то допотопный, неисправный, как в развалившемся колхозе, автомобиль. Между тем, поток тел может и возрасти.

Одно небольшое отступление. Несколько лет назад мне довелось побывать в Центральном архиве военно-медицинских документов, находящемся в Санкт-Петербурге. Здесь собрано свыше 20 млн. историй болезней, 32 млн. операционных и перевязочных журналов, талонов учета раненых, списки умерших в госпиталях, масса других документов. Необходимо было ознакомиться с меддокументацией на имя Юрия Николаевича Попова, 1921 года рождения, получившего ранение в голову под Сталинградом. Через полчаса принесли толстую пачку карточек. Каждая на Попова Ю.Н. По году рождения, номеру госпиталя устанавливаем нужного человека. Два часа спустя я читал историю болезни, написанную выцветшими от времени чернилами на обратной стороне пожелтевших фрошовых плакатов.

Вспомнилась еще и переполненная приемная при архиве, где перебивало множество людей, обращающихся сюда в наиболее сложных случаях. Приходят не только за документами о фактах ранений и увечий. И спустя десятилетия люди ищут могилы сыновей, отцов, братьев. Нечто подобное довелось наблюдать в 124-й. При самоотверженной работе военных медиков Санкт-Петербурга и Ростова просматривается существенная разница. Та война, Великая Отечественная, всенародная, стала не только болью, но и вечной славой России, а нынешняя - Чеченская? **И** кто ответит за мальчишек, безвинно погибших во имя чьих-то амбиций, денег, интриг?

В военно-медицинской лаборатории СКВО я пробыл три полных рабочих дня. Когда обо всем увиденном и услышанном говорить стало невмогуту, А. Глинский достал альбом, папки с фотографиями. За чаем и рюмкой коньяка офицеры расслабились, ударились в воспоминания. На снимках вижу молодыми военных судебных медиков, позднее ставших видными людьми нашей профессии. Строгий академик М. И. Авдеев, красавец, с улыбкой голливудского актера, Лев Бедрин, нынешний главный судмедэксперт России Виталий Томилин, даже с кортиком, в парадной форме морского офицера, азартный и непосредственный Юра Капитонов, с которым мы целую неделю прожили в Липецке в одном гостиничном номере.

Среди десятков фотографий три запомнились особо. Жириновский, Зюганов, бывший министр здравоохранения, генерал-полковник Нечаев. Оказывается, они тоже бывали тут, возможно, сидели за этим же столом.

- Приехали, посмотрели, выступили, наобещали и уехали, - коротко сказал о них кто-то из присутствующих. - А ведь какие деньги гребут под свои интересы. Миллиарды! Хоть бы малую толику сюда, под те рефрижераторы, что в военном городке, или бы подарили новую машину.

И тут внезапно я ощутил чувство гордости. Ведь сижу рядом с героями. Да будут не по-ханжески и правильно восприняты эти высокие слова. Именно они - военные медики - хирурги, анестезиологи, травматологи, камбустиологи (те, кто занимается ожогами), мои коллеги эксперты, оказались наиболее честными, выполнившими сполна врачебный и человеческий долг в бесчестной, позорной и никому не нужной войне.

Вот главное, что я вынес из этой поездки в Ростов и пребывания в 124-й лаборатории.

Когда наука достигает какой-либо вершины, с нее открывается обширная перспектива дальнейшего пути, открываются новые дороги, по которым наука поедет дальше.

С.И. Вавилов

В заключительной главе я постараюсь остановиться на некоторых сегодняшних задачах и взглянуть в будущее судебной медицины. Ведь не только преступлениями, осмотрами мест происшествий да трупами занимаются эксперты. Они гораздо ближе к живым, чем кажется на первый взгляд, защищают и их интересы, переполнены и их болью. Не секрет, что после преступлений, связанных с насилием, родные и близкие потерпевших, их друзья, сослуживцы ждут справедливого решения суда, надеются на торжество закона над силами жестокости и зла.

Как в любой врачебной профессии, у судебной медицины есть и подводная часть айсберга, скрытая от многих. Просматриваются научные, практические и этические проблемы, о которых тоже нельзя умолчать в наше беспокойное время.

1. Выстрел из форточки

Чтобы не отстать от времени, судебному медику надо следить за достижениями многих наук. Помимо чисто медицинских, еще и химии, физики, антропологии, баллистики, криминалистики и др. В самом деле, не прочитай эксперт вовремя последний журнал или сборник по своей специальности, пропусти сообщение о внедрении нового метода - и преступник получит возможность уйти от справедливого наказания.

.. Случилось это зимним вечером в большом микрорайоне города. Молодой отец, укладывая малыша спать, наклонился над кроватью и в ту же секунду услышал громкий отрывистый щелчок. Приглядевшись, он заметил на стеклах двойных оконных рам аккуратные круглые отверстия и свежий след отбитой штукатурки над кроватью, где только что стоял. Лишь по счастливой случайности он остался живым, то был выстрел, и стреляли откуда-то напротив. Вместе с опер-группой милиции на место происшествия выехал судмедэксперт Владимир Трисницкий. Когда распахнули окно, то с высоты пятого этажа увидели с десяток многоэтажных домов, освещенных яркими вечерними огнями. Где, в каком из них искать преступника? Между тем, В. Трисницкий, давно и успешно использующий лазерную технику в сложных запутанных случаях, раскрыв небольшой чемодан, в считанные секунды смонтировал какой-то прибор. Узкий голубовато-зеленый луч лазера, отразившись от рикошета на стекле (там застряла пуля), точно вошел в отверстия на стеклах и, уйдя в пространство, уперся в форточку крайнего дома, расположенного метрах в трехстах напротив. По радиации сообщили патрульным машинам координаты квартиры, где вскоре задержали пьяного мужчину, пытавшегося спрятать охотничий карабин. Преступление оказалось раскрытым всего за один час.

Другой эпизод произошел в глухой сельской местности. Труп пожилого мужчины - хозяина дома обнаружили с огнестрельным ранением в области груди за плотно прикрытой дверью. Подозреваемый Т., ранее судимый, утверждал, что стрелял из пистолета не в него, а в собаку, находившуюся во дворе. Дверь оказалась неповрежденной, тогда как на калитке имелось круглой формы пулевое отверстие. Осмотрев его, В. Трисницкий со следователем предположительно нашли во дворе место, откуда мог быть произведен выстрел. Оно находилось за штакетником и дровами, где на влажном грунте был замечен неясный слабозаметный след чьей-то ноги. Отсюда на отверстие в калитке направили луч лазера, который дошел до крыльца сарая, где неподалеку от скола на камне обнаружили деформированную пулю, отлетевшую от него под острым углом. Определив направление полета пули до удара о камень, эксперт установил местонахождение потер-

певшего. Высота поражения не соответствовала животному, а, наоборот, точно укладывалась в рост стоящего человека. Расследованием было установлено, что после выстрела Т. раненый хозяин успел пройти с десяток шагов и вошел в коридор, притворив за собой дверь. В этом случае, несмотря на ранение сердца, смерть наступила не сразу, а спустя небольшой, крайне ограниченный промежуток времени...

Конечно, традиционно сильные бюро судебно-медицинской экспертизы существуют в крупных городах. Но и на периферии тоже есть знающие инициативные эксперты, настоящие энтузиасты своей профессии. Таков и Владимир Григорьевич Трисницкий из Тувы, первый среди судебных медиков, по-настоящему широко использующий сложную лазерную технику для раскрытия преступлений.

2. Ген удостоверяет личность

Сравнительно недавно на двух представительных коллегиях обсуждались вопросы о путях развития и совершенствования судебно-медицинской экспертизы. Отмечено, что объемы работ, выполняемых нашей службой, постоянно возрастают, реагируя, как шкала чувствительного прибора, на рост преступности в стране. Ведь в установлении истины по трагедиям Чернобыля и Арзамаса, Свердловска и Уфы тоже принимали участие судебные медики.

На коллегиях много говорилось о принципиально новой методике идентификации личности человека - генной дактилоскопии, позволяющей выйти на мировой уровень исследований. Представляю Светлану Владимировну Гуртову - заведующую биологическим отделением Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы МЗ РФ. Она опытный судмедэксперт, талантливый ученый, обаятельный интересный собеседник. Прошу ее рассказать о сущности этого метода, ведь именно Гуртовой принадлежит первый опыт по его внедрению в судебно-медицинскую практику в нашей стране.

-Дактилоскопия - понятие криминалистическое, - начала С. Гуртова, - и основана она на установлении личности человека по отпечаткам пальцев. Говоря о генной дактилоскопии, уместно взять это слово в кавычки, но суть остается прежней. При использовании метода идентификация личности становится возможной на основании исследования ДНК человека (дезоксирибонуклеиновой кислоты) - вещества белкового происхождения, находящегося в хромосомах любых живых клеток организма и хранящего информацию о наследственных признаках конкретного лица. Открытие метода принадлежит молодому профессору из Лондона Элику Джеффри-

су. В 1905 г. он обосновал его суть, а в конце 1967 г. британский уголовный суд впервые в мировой истории принял в качестве бесспорного доказательства генетическое «удостоверение личности» по делу о тяжком преступлении. Замечу, вероятность совпадения хромосомных кодов двух человек невозможна, она ниже одной 30-миллиардной...

Здесь, в биологическом отделении, я увидел экспертизу по сложному уголовному делу, впервые выполненную в нашей стране по новому методу. В одной из областей России летом почти одновременно были обнаружены в разных местах тела двух убитых женщин с признаками изнасилования. Первичные исследования предполагали наличие двух преступников. Повторные экспертизы вещественных доказательств (образцов крови, спермы, других выделений) подозреваемых и потерпевших в бюро РФ с участием сотрудников Института молекулярной биологии Академии наук, проведенные через шесть месяцев после случившегося, позволили методом геной дактилоскопии установить причастность лишь одного лица к обоим преступлениям.

На рабочем столе Гуртовой лежало официальное отношение прокуратуры и Верховного суда РФ за подписями главных лиц Министру здравоохранения России. В нем, в частности, говорилось: «Правоохранительные органы ходатайствуют об организации центра генетической идентификации на базе бюро Главной судебно-медицинской экспертизы. В настоящее время генетические методы в практике работы используются крайне редко. Внедрение нового метода позволит значительно расширить возможности судебных медиков: открывается перспектива идентификации конкретных лиц по биологическим следам, создаются возможности установления отцовства, возможность уверенного отнесения обнаруженных частей тела человека к одному или нескольким трупам при опознаниях неизвестных лиц (имеются в виду убийства, авиакатастрофы, стихийные бедствия)... Указанный метод позволит отказаться от многих трудоемких и малоэффективных методик, дорогостоящих сывороток и реагентов».

Существенно поможет геной дактилоскопия - вероятности теперь не существует, выводы могут быть лишь положительными или отрицательными - в сложных случаях по гражданским делам - экспертизах спорного отцовства и попытках подмены детей. В феврале 1991 г. газета «Известия», за подписями 16 юристов из Уральской области, опубликовала письмо под заголовком «Дело о подмене ребенка», в котором говорится: «... В родильном доме г. Уральска подменили детей. Ошибка вскрылась, обернувшись страшной трагедией для нескольких семей. История эта вышла за многие местные и центральные газеты. Семья Гостюшкиных обнаружила подмену сразу, но больше двух лет добивалась возвращения собствен-

лого ребенка, который воспитывался в семье Ромазановых, - те категорически отказывались от экспертизы. Гостюшкины прошли ее в одностороннем порядке. Решением следственных органов была взята кровь на экспертизу и у девочки Лауры, носившей фамилию Ромазанова. НИИ судебной медицины Минздрава РФ и Институт молекулярной биологии АН, которые проводили исследование на генетическом уровне, а также Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ пришли к однозначному выводу: девочка-казашка Рита, которую дали Гостюшкиным в родильном доме, - не их дочь, родным по крови ребенком является Лаура, родившаяся почти одновременно с Ритой.

Только после тщательной проверки доводов Гостюшкиных и установления факта подмены детей, лишь на основании неопровержимых доказательств суд вынес решение отобрать девочку Лауру у Ромазановых и вернуть ее истинным родителям - Гостюшкиным. Теперь пострадавшей стороной оказались Ромазановы. Да, это горе. Но логично было бы ожидать стремления родителей отыскать своего ребенка. Однако Ромазановы ни о каком другом ребенке и слышать не хотят - они требуют только дочь Гостюшкиных. Сейчас найдена девочка, которая, по установленным данным, может оказаться дочерью Ромазановых, но для этого подтверждения необходима экспертиза, от которой Ромазановы категорически отказываются».

Авторы письма утверждают, что вмешательство журналистов из еженедельника «Семья» и их некомпетентность нагнетают ненужные страсти, при этом делается расчет на эмоции, а не на установление истины. Так, журналист пишет о гражданском деле, даже не побывав на суде, не побеседовав ни с кем из юристов, выслушав лишь одну из сторон и полностью отвергая (в угоду своему материалу?) авторитетнейшие заключения судебно-биологических экспертиз.

Что касается детей... И какие только случаи ни подсовывает нам жизнь. Вот эпизод из практики судмедэксперта нашего бюро А.И. Кузьмина.

- Однажды, погожим летним утром, -рассказывает Аркадий Иванович, - неподалеку от большого женского общежития кто-то из ранних прохожих обнаружил новорожденного младенца, завернутого в теплый халат. Маленькое существо отправили на завтрак в роддом, а делом занялась милиция. Спустя некоторое время «вышли» на девушку, которая призналась: «Да, я действительно родила ребенка неделю назад, но он родился мертвым, поэтому никому не сказала об этом, закопала его в лесу». Иду я в лес, - продолжает Кузьмин, - выкапываем трупик, исследуем его,

делаем необходимые микроскопические анализы и вскоре выдаем следствию результат: девушка сказала правду, ребенок действительно родился мертвым. Настойчивый участковый устанавливает через день вторую подозреваемую. Та разводит руками: «Был у меня выкидыш в начале прошлого месяца, произошло это в деревне, у родителей». Проверили, и тут не ложь, ребенок родился недоношенным, явно нежизнеспособным. Наконец появилась третья претендентка, та тоже отнекивалась, но по всем признакам именно она-мамаша. Узнав, что ребенок жив, все-таки согласилась его покормить. Подвезла ее милиция в роддом, и на этом дело... закрылось. Юная мать так прикипела к новорожденной, что после второго кормления заявила: «Моя это доченька, мой ребенок! Никому не отдам!»

Да, если бы все дела по детям, семейным драмам имели такой счастливый конец. А пока, возвращаясь к методике геной дактилоскопии, замечу, что сейчас эксперты-биологи испытывают немалые трудности. За год в Москве может быть проведено около 150 экспертиз по гражданским делам, тогда как очередность их уже перевалила за тысячу.

- Без новой импортной аппаратуры трудно рассчитывать на открытие подобных лабораторий даже в наиболее крупных бюро, - признается Светлана Владимировна. - Заинтересовался нами года два назад один популярный и преуспевающий писатель-детективщик, обещал помочь, но что-то быстро поостыл. А ведь используя мы эту методику, будь она известна ранее, скажем, по нашумевшему делу «дяди Фишера», ростовского маньяка-садиста Чикатило, количество жертв могло быть куда меньше. Хотите, отвлеку вас от криминалистики? К нам недавно обратились ученые, высказавшие любопытнейшую гипотезу о том, что где-то во Франции живут люди, древние соплеменники которых обитали в России. Генная дактилоскопия могла бы многое прояснить в этом отношении, но когда нам заниматься проверкой этой версии? Скрепя сердце отослала их в Институт молекулярной биологии Академии наук...

Вот так, иной раз на голом энтузиазме, работают не только в Москве, но и в большинстве регионов России судмедэксперты биологических отделений. А ведь возможности их весьма широки. На месте происшествия или орудия травмы обнаружен волос или несколько волосков - это серьезная улика. Ведь в волосе, как в зеркале, отражаются изменения, происходящие в организме. Поэтому как объект исследований он представляет интерес для косметологов и генетиков, антропологов и судебных медиков. Под рубрикой «О новых методах в судебной медицине» вот о каком случае сообщает «Медицинская газета»: «В одном из населенных пунктов Тамбовской области неизвестный проник в дом гр-ки В., ранил ее, ударом топора по голове убил сына. После этого скрылся, оставив на месте происшествия

фуражку военного образца. При осмотре на подкладке были обнаружены три отживших волоса с головы человека. Эти волосы сравнивались с волосами подозреваемых в преступлении. Лишь волосы одного из них по большинству морфологических признаков совпали с волосами с фуражки. Кроме того, на каждом из трех волос было выявлено болезненное изменение, свойственное волосам с головы гр. Ю. Подозреваемый Ю., ознакомившись с результатами судебно-медицинской экспертизы, признался в совершении преступления, хотя прежде отрицал его категорически».

Или такой, в чем-то и курьезный эпизод из практики нашего биологического отделения. При совершении кражи в сельском магазине преступник заметил лежавшую на подоконнике старенькую электробритву. Вероятно, он располагал временем, ибо между «делом» решил побриться, что и проделал в том же магазине. При осмотре места происшествия электробритва была изъята и направлена в судебно-медицинскую лабораторию. К тому времени был задержан и некий С, подозреваемый в краже. Сравнительное исследование волос С. и мельчайших фрагментов волос, найденных в электробритве, установило их полную идентичность, что и нашло отражение в экспертном заключении. Наши женщины долго вспоминали этот случай, не без юмора предположив, что, вероятно, преступник, внешне вполне симпатичный молодой человек, торопился на свидание и при этом хотел хорошо выглядеть...

Чувство юмора не мешает, однако, трудиться судмедэкспертам-биологам с подлинным энтузиазмом. В криминалистическом отделе Владимирского УВД был разработан аэрозольный полимер, позволяющий копировать мельчайшие следы с мест происшествий. Такая прочная пленка передает любые детали с различных объектов - пола, стен, обоев, поверхностей пуль, гильз, плоскостей разрубов и разрезов и т.п., в том числе великолепно копирует следы крови, без изменения их формы и групповых свойств, что особенно важно по делам об убийствах.

Рассказывает один из изобретателей пленки подполковник В. Кузнецов:

- Многие владимирцы, наверное, помнят об убийстве на телефонной станции, произошедшем несколько лет назад. При осмотре места происшествия на пестром цветном линолеуме остался слабовидимый след мужского ботинка, окрашенный кровью. Он был откопирован с помощью аэрозольной пленки. Детали оказались настолько четкими, что в дальнейшем преступник был быстро установлен.

В другом случае, когда был нанесен удар ножом молодому человеку в клубе тракторного завода, мы сияли с пола в фойе множество различных следов обуви. Они помогли установить в конце-концов конкретного убий-

цу и, наоборот, исключить ряд лиц, не имеющих отношения к этой трагедии. Замечу, что метод высокоэффективен при нарастающем за последнее время потоке квартирных краж. Не буду раскрывать все наши секреты, но не столь давно он отлично сработал при хищении дорогой импортной видеоаппаратуры, прочих ценностей на большую сумму денег.

3. Экспертиза высшего разряда

В рамках правовой реформы неизмеримо возрастает значение объективных доказательств по каждому конкретному делу, в том числе и судебно-медицинской экспертизы. Обеспечение презумпции невиновности, когда ни один гражданин России не может быть признан виновным без приговора суда, накладывает на экспертов особую ответственность. Именно поэтому максимальное использование научно обоснованных методов позволяет получить ответы на вопросы, интересующие правосудие.

Среди судебных медиков, оказывающих существенную помощь органам правопорядка, часто звучит фамилия кандидата медицинских наук С.С. Абрамова. Поскольку у нас в судебной медицине одно направление - криминалистическое, я давно знаю Сергея Сергеевича. Его экспертизы отличаются особым классом точности и, если перейти к трудовым меркам, выполнены на уровне высшего разряда.

Так, некий Т. пробыл в колонии строгого режима долгих 1,5 года и был освобожден после повторной экспертизы, проведенной в Москве. Это случилось поздним вечером, когда Т. увидел, как внезапно на пустынной улице возникла драка. Послышался звук разбитой бутылки, женский крик, в считанные секунды участники инцидента скрылись, а на мостовой остался человек с тяжелыми ранениями. Т. поспешил на помощь к пострадавшему И., потом бросился к ближайшему телефону. Вскоре подъехали скорая помощь и милиция. При проверке автомашины Т. в багажнике обнаружили нож с отломанным наполовину клинком. Наутро стало известно, что И. скончался в больнице, а две недели спустя местные эксперты дали заключение о нанесении ему ранений клинком, обнаруженным в багажнике. Т. предъявили обвинение в убийстве, и приговором суда он был осужден на длительный срок лишения свободы. После настойчивых жалоб близких дело направили на доследование с назначением повторной экспертизы. В ходе ее С. Абрамов выполнил множество экспериментов с представленным ножом; вывод эксперта был категоричен: нет, это не тот нож, которым убит И. Результаты экспертизы явились основанием к освобождению Т., а несколько месяцев спустя следствием была, наконец, установлена виновница происшедшей драмы - бывшая сожительница убитого.

Имя С. Абрамова стало особенно популярным за последние два года, после исследования эксгумированных костных останков царской семьи. Сейчас опубликовано множество материалов на эту тему, сняты кинофильмы, написаны книги. Мне же хочется коротко, в самых общих чертах, рассказать об экспертизе мирового класса, к которой имеют прямое отношение российские судебные медики.

Известно, что расстрел Николая II, членов его семьи и некоторых приближенных был осуществлен в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Всего было убито 11 человек, которых тайно захоронили в окрестностях Екатеринбурга. С тех пор десятилетиями могила считалась утраченной безвозвратно. Тому были причины, чего стоит лишь «крылатая» сталинская фраза, произнесенная еще в 30-х годах: «О Романовых - ни слова». И все-таки предполагаемое место удалось отыскать уже в наши дни, 11 июля 1992 года была проведена эксгумация неизвестных останков, захороненных в общей могиле.

Практика судебной медицины свидетельствует, что из всех биологических объектов кости скелета, черепа наиболее эффективно и точно отображают особенности повреждений от острых и тупых орудий, огнестрельного оружия, они же достаточно успешно противостоят факторам окружающей среды. На эксгумированных костях девяти скелетов (останки двух трупов в могиле отсутствовали, предполагают, что тела были сожжены на следующий день после расстрела) в медико-криминалистическом отделении Екатеринбургского бюро эксперты обнаружили множественные огнестрельные повреждения, следы штыковых ударов, переломы костей черепа от тупых орудий, каковыми, наиболее вероятно, были винтовочные приклады. По входным огнестрельным ранениям на черепах и других костях устанавливались ориентировочно калибры разных образцов оружия, имевшихся на вооружении Красной Армии в тот период времени. Исследования были поручены Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы РФ и Екатеринбургскому бюро СМЭ, в состав представительной комиссии вошли видные и авторитетные судебные медики (С. Абрамов, С. Гуртовая, М. Иванов, В. Крюков, О. Филипчук и др.), ее возглавил Главный судебно-медицинский эксперт России Владислав Плаксип.

Наиболее сложный и доказательный раздел экспертизы довелось выполнить Сергею Абрамову. Поскольку черепа, изъятые с места захоронения, находились в Екатеринбурге, а часть приборов и оборудования в столице, ему пришлось в течение нескольких месяцев совершать чартерные авиарейсы из Москвы в Екатеринбург и обратно. Абрамов использовал уникальную медико-криминалистическую методику, основанную на сравнительном компьютерном исследовании прижизненных фотоснимков чле-

нов царской семьи с найденными черепами. Таких фотографий нашлось достаточно, большая часть была представлена архивом музея Октябрьской революции, имелись также достаточно качественные изображения Николая II и его семьи, некоторых приближенных лиц в многочисленных отечественных и зарубежных изданиях.

Суть метода состояла в том, что на черепе и фотоизображении, приведенных к одному масштабу и ракурсу, то есть повороту головы, размечались основные опознавательные точки лица - их около десятка основных и вспомогательных, затем изображения с помощью компьютера накладывались друг на друга и производилось сравнительное исследование с последующей оценкой результатов.

В результате удалось идентифицировать всех членов царской семьи (Николая II, императрицу Александру Федоровну, четырех дочерей - Анастасию, Марию, Татьяну и Ольгу, а также одного из приближенных - доктора Евгения Боткина). Не исключено, что два последних скелета принадлежат приближенным семьи - Демидовой и Харитонову. К сожалению, фотографиями, пригодными для сравнительного исследования на них, С. Абрамов не располагал.

Значительную часть работы по исследованию останков прс делали эксперты-биологи В качестве объектов с места захоронения в лабораторию поступили образцы костей каждого из скелетов, мелкие фрагменты костей неясного происхождения, частично сохранившиеся волосы. У каждого и? объектов определялась групповая принадлежность (совпадающая с группой крови), это способствовало систематизации костей, на заключительном этапе достаточно широко использовался метод геной дактилоскопии. Так была раскрыта одна из загадок XX столетия: спустя три четверти века после трагедии эксперты назвали вещи своими именами - убийство и преступление.

4. Приключения «знаменитого» скелета

Время от времени, чаще, чем в других медицинских науках, в судебной медицине происходят свои сенсации и открытия. Об экспертизе царской семьи уже упоминалось, но есть и другие примеры, когда судебные медики прорабатывают версии прошлого, выдвигаемые учеными-историками, литературоведами, археологами. В разные годы я писал о трагических обстоятельствах дуэли М. Ю. Лермонтова и перезахоронении праха его отца Юрия Петровича, тайне полярной экспедиции Р. Амундсена, о довоенных исследованиях врачей по факту гибели князя А. Боголюбского, творческой лаборатории А. П. Чехова. Но есть еще немало белых пятен и в нашей тра-

гической истории, и в нашей многострадальной культуре. Только за последнее время возникли новые версии о гибели С. Есенина, М. Горького, В. Маяковского, А. Фадеева, бригады судебно-медицинских экспертов были задействованы в Куропатах и иных точках страны, где из праха и тлена встают жертвы сталинских репрессий.

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана...

Эти пророческие слова Ивана Бунина подключают к поискам журналистов, и тогда в прессе возникает борьба мнений, сталкиваются между собой полярные, иной раз прямо противоположные точки зрения. Есть люди, которые относятся к этому очень критически, полагая, что незачем ворошить прошлое. Мне же кажется, что подобные «ревизии», переоценка исторических ценностей, если они строятся на убедительных и достоверных фактах, при общем прогрессе науки и ее постоянно обновляющихся возможностях имеют право на существование.

Читаю сенсационное газетное сообщение: всемирно известная «Джоконда» не что иное, как автопортрет Леонардо да Винчи. Такую гипотезу выдвинула американская художница и исследовательница Лилиан Шварц. Сообщается, что она сопоставила изображение Моны Лизы с известным автопортретом великого флорентийца. Используя перевернутое изображение автопортрета, она с помощью компьютера привела картины к единому масштабу таким образом, чтобы расстояние между зрачками на обоих портретах было одинаковым. В результате получилось зеркальное отражение одного и того же лица. В общем отмечается, что подобная подмена вполне соответствует складу характера и интересам великого живописца, ученого и изобретателя. Известно, в частности, что Леонардо да Винчи очень занимали различные оптические эффекты. Например, одна из его работ написана так, что прочесть ее можно только в зеркальном отражении. В общем-то Л. Шварц, добавив к своей гениальной догадке новейшую технику, использовала с помощью компьютера один из методов, который применяется в криминалистике и судебной медицине для идентификации личности неизвестного лица по имеющимся фотоснимкам.

Всякий раз, когда я захожу в институт судебной медицины к доктору медицинских наук В.Н. Звягину, меня ожидает нечто неожиданное, чрезвычайно интересное не только для эксперта, но и любого человека, интересующегося историей и культурой. В его небольшом кабинете с книгами по судебной медицине, антропологии и смежным наукам соседствуют реликвии, привезенные издалека, с мест необычных происшествий. Вот фотоснимки спутников Амундсена норвежцев Кнутсена и Тессема, буй, подаренный учеными-полярниками, репродукции с картин, изобра-

жающих Ивана Грозного, экспертиза по останкам В. Беринга, солидное досье с другими криминально-историческими загадками. Именно здесь я впервые услышал о гибели норвежцев у острова Диксон, увидел эту редкую экспертизу. Впрочем, кажется, и на сей раз Виктор Николаевич не собирается отходить от обычной традиции. Мы говорим о том, о сем, перемываем «косточки» нынешних нелегких проблем судебной медицины. Но вот он достает из папки несколько машинописных страниц, потом кратко поясняет:

- Тут данные по предполагаемым останкам Шандора Петефи. Не хочешь ли взглянуть?

На слове «предполагаемым» Звягин сделал акцент, впрочем, я уже понял, о чем он хочет сказать. Незадолго до этого в газете «Советская культура» появилась статья прокурора-криминалиста Б. Пискарева и журналиста Д. Алексеева «Легенды ненадежны», в которой высказывались обоснованные сомнения в том, что международная антропологическая экспедиция «Идентификация», состоящая из ученых Венгрии, США и СССР, действительно обнаружила захоронение венгерского поэта-революционера Шандора Петефи (1823-1849 гг.). Авторы статьи пишут: «Настораживает состав экспедиции: в ней были антропологи, но почему-то отсутствовали специалисты - не побоимся этого слова, с решающим в данном исследовании правом голоса - криминалисты и судебные медики, занимающиеся идентификацией личности человека по костным останкам не только в интересах правосудия, но и истории, о чем свидетельствует многолетний и успешный опыт науч]ю-исследовательского института судебной медицины». В последствии редакция газеты обращалась к ученым института с просьбой высказать свое мнение по вопросу об эксгумированных останках.

Не прошло и двух недель, как за подписями В.Н. Звягина и профессора А.П. Громова в «Советской культуре» появилась заметка «Начнем сначала». Судебные медики тоже полагали, что сомнения авторов предыдущей статьи вполне обоснованы. В. Звягин и А. Громов предостерегали горячие головы от ненужных сенсаций. Они ссылались при этом еще и на разрекламированное в прессе обнаружение «костей» казненных декабристов на Васильевском острове Санкт-Петербурга.

Согласно официальным данным Ш. Петефи погиб 31 июля 1849 года в сражении под Шегешваром. Но есть и «Баргузинская версия», долгое время считавшаяся легендой. По ней поэт якобы был захвачен в плен войсками генерала Паскевича, находился в ссылке в России, где и скончался в 1856 году в селе Баргузин (бывшая Бурятская АССР). 17 июля 1989 года международная экспедиция, руководимая Ф. Морваи, при раскопках северо-западной части старого баргузинского кладбища вскрыла «захоронение

номер семь». Согласно официальному сообщению останки принадлежали мужчине **30-35** лет, с отклонениями в два года в любую из сторон, длиной **165-166** см, южнославянского антропологического типа. На костях скелета были обнаружены следы травм и воспалительных процессов туберкулезного происхождения. Размеры и пропорции лица, установленные по черепу, совпадали с портретным изображением Петефи, имелись также особые приметы - «волчий зуб». Хромота на левую ногу, функционально более активная левая рука (левша), ассоциирующиеся с известным по литературным данным поэта.

Как рассказал **В. Звягин**, повторное исследование баргузинских останков производилось совместной международной комиссией судебных медиков и антропологов в январе 1990 года. И вот теперь уже действительно сенсация: скелет оказался женским! В свете полученных данных о половой принадлежности скелета председатель комиссии, директор института археологии АН, академик **В. Алексеев** сказал: «...При всем моем желании ни одного структурного признака я в скелете не увидел».

Уже через день под заголовком «Слухи и факты» на эти события откликнулась газета «Известия» (12.01.90 г.). В сообщении, в частности, говорилось: «Шумные итоги баргузинской экспедиции вызвали здоровый скептицизм как в Венгрии, России, так и в других странах. Инициатор экспедиции на бурятскую землю **Ф. Морваи** явно не доволен. Он очень уверовал в легенду, очень хочет найти могилу Петефи, что привлечет для «опознания» останков специалистов из Японии. Время покажет, насколько можно верить легендам».

-Хотя мы опровергли результаты баргузинской экспедиции не только по основному - половому, но и многим другим признакам, - подводит итоги **Виктор Николаевич**, - однако же было очень интересным продолжить поиски могилы поэта. Здесь у венгров широкое поле деятельности, и наиболее реальное место поисков костных останков **Шандора Петефи** нетрудно указать - братская могила воинов, погибших под Шегешваром...

5. Так жить нельзя

Когда-то, будучи еще молодым экспертом и начинающим журналистом, я занес в редакцию весьма уважаемого издания материал об убийстве, совершенном, как принято говорить на языке юридическом, при отягчающих обстоятельствах и с особой жестокостью. Скоро судебный очерк возвратили с приложением разгромной рецензии, обвинениями в натурализме и доводами о нехарактерности эпизода для нашей прекрасной действительности. Прошло несколько лет. Уже были напечатаны в том журнале три «безобид-

ных» материала, как вдруг, похоже, под влиянием очередной кампании, сотрудник, когда-то отвергший написанное, по-дружески сказал:

- Ну что ты, старик, все таскаешь нам статейки о кражах икон, подростках в подъезде да автоавариях в нетрезвом состоянии. Редакции надо что-нибудь пожестче, из донышка жизни. Неужели у вас, судебных медиков, нет примеров в этом отношении? Не можем мы, наконец, бороться с преступностью в белых перчатках!

Тогда-то вспомнился отвергнутый очерк. Разыскав его в груде бумаг, отослал в редакцию. Неделю спустя материал с пометкой зама главного редактора «срочно в ближайший номер» лег на стол ответственного секретаря и вскоре был напечатан. Речь тогда шла об опасном преступнике, своеобразном кровном брате таких, как иваново-московский Ионесян, александровский Саренпя или уголовник-рецидивист Стрекач из пронзительно-правдивого рассказа Виктора Астафьева «Людочка» («Новый мир», № 9, 1989 г.). То дело, завершившееся высшей мерой, вызвало огромную почту, целый поток читательских писем, и думается, если положить на чашу весов обвинения в натуралистичности, а на другую - необходимость подобных материалов в наше жестокое время, мало у кого возникнут сомнения, что они все-таки нужны.

Не столь давно, вскоре после публикации рассказа В. Астафьева, некий литературный критик выступил в одном из литературных еженедельников с пространной статьей «Юдоль скорби или свалка падали?» В чем-то автор прав: все-таки литература есть литература, и, конечно же, рассказ или повесть не следует путать с описанием места происшествия по факту трагической гибели той же Людочки и, увы, других, ей подобных. Однако критик не мог не знать, что и в настоящей литературе есть сильнотействующие средства, которыми пользовались отечественные и зарубежные писатели как прошлого, так и настоящего.

Примеров тому немало. О смерти от повреждений, асфиксии (при утоплении и удавлении), отравлениях, наконец, самоубийствах писали Н. Лесков («Интересные мужчины», «Очарованный странник»), И. Бунин («Дело корнета Елагина»), А. Куприн («Поединок»), Л. Толстой («Воскресенье»), О. де Бальзак («Красная гостиница»), Ф. Достоевский («Преступление и наказание»), А.П. Чехов («Драма на охоте») и многие другие.

В ряде произведений можно найти описание убийств, которые совершаются по разным причинам: с целью грабежа, устранения владельца или наследника имущества, на почве ревности, невежества, суеверий, мести...

Л.Н. Толстой, описывая в романе «Воскресенье» течение судебного процесса, указывает, что акт вскрытия был написан на четырех страницах и состоял из 27 пунктов. Часть пунктов наружного и внутреннего

осмотра трупа он приводит целиком. Можно сослаться и на А.П. Чехова, который в романе «Драма на охоте», имеющем подзаголовок «Из записок судебного следователя», мастерски, на уровне судебно-медицинского эксперта-профессионала, приводит данные исследования тела покойной, убитой при неизвестных обстоятельствах... Такими же примерами пользовался Э. По, описывая смерть Марии Роже, изнасилованной и задушенной («Тайна Марии Роже»).

Д. Лондон лично изучал проблему совершения самоубийств. Их он совершенно справедливо связывает с социальными и личностными конфликтами, имевшими место в Лондоне и других городах Англии («Люди бездны»), приводя ряд откровенно суровых примеров. Любопытно, что сам писатель, понимая важность проблемы, сознательно «ушел в люди» и прожил несколько недель в лондонских трущобах.

Нужно ли продолжать? Или, может быть, нынче времена стали лучше? А посему не для реабилитации В. Астафьева, в которой он вовсе не нуждается, повторим, что, выбирая сюжет, метод и средства выражения своего писательского и гражданского кредо, он опирается на опыт и традиции классиков, следуя правилу ведущему и стержневому во всех его произведениях-правде жизни. Весь вопрос в том, в какой мере использовать это сильнодействующее лекарство, как соотносить поиск крупниц добра и бездны зла в тех пропорциях, которые и делают творение автора не милицейским протоколом, а крепкой достоверной прозой. Вспоминаются пронзительные и верные, как попадание «в десятку», строки Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы, не ведая стыда...» Вот Людочка, этот чахлый беззащитный цветок, со своим миром, воспримем его, девочка из «угасающей деревни, домаявшая десять классов», едет устраиваться в город. Явление в общем-то обычное: и в прошлом, и нынче юные Д'Артаньяны будут стремиться в свои Парижи. Тут уж кому как повезет. Можно строить разные предположения, как бы сложилась судьба Людочки, не случись с ней то, что произошло в рассказе.

Но оборвалась жизнь... Свой реквием по ней В. Астафьев предваряет скорбными и точными строками: «Я никогда не видел ее, ту девушку. И уже не увижу. Я даже имени ее не знаю, но почему-то втемяшилось в голову - звали ее Людочкой. Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный... И зачем я помню это? За пятнадцать лет произошло столько событий, столько родилось и умерло своей смертью людей, столько погибло от злодейских рук, спилось, отравилось, сгорело, заблудилось, утонуло... зачем же история эта, тихо и отдельно ото всего, живет во мне и жжет мое сердце?», - как бы подводя нас к грядущей и страшной человеческой трагедии.

Отталкиваясь от собственной практики и практики своих коллег, мы могли бы привести десятки, сотни примеров, которые, в принципе, не исключали бы сюжеты для «Людочек». Действительность преподносит нам подробности не менее ужасающие.

...Многим ивановцам, наверное, запомнилось убийство милиционера, охранявшего городской банк. Поначалу расследование зашло в тупик, и лишь через несколько лет в результате огромной работы, проделанной уголовным розыском, убийца был установлен. Но более всего меня поразили мотивы и предыстория заранее задуманного и коварно осуществленного преступления. Убийца, бывший знакомым, более того - приятелем потерпевшего, в течение длительного времени посещал банк, коротал при неоднократных выпивках время на ночных дежурствах и, наконец, подделав ключи от сейфа, осуществил задуманное. На одну чашу весов легла человеческая жизнь, на другую - колоссальная сумма денег.

Представляется, что, пока существуют такие нелюди, как Стрекач, Саренпя и Захаров (материал «Костер»), литературные произведения, подобные «Людочке», жизненно необходимы. Сейчас информативность людей необычайно возросла. В газетах и журналах печатаются материалы по самым различным уголовным делам. И все-таки преступность растет, как неуправляемая снежная лавина. В чисто превентивном плане десятки судебных очерков все-таки «калифы на час», о них забывают за несколько дней, когда происходит нечто более потрясающее, тогда как настоящая литература неподвластна времени. Крепкой и жесткой, истинно национальной прозе В. Астафьева гарантирована долгая жизнь, не на неделю, месяц, на годы.

Примечательно, что А. П. Чехов еще в 1884 году предостерегал начинающих журналистов от ненужных сенсаций. В «Письмах к репортеру» он так пишет о скандальных происшествиях такого рода: «Милостивый государь Иван Данилыч! На этой неделе, как мне известно из газеты, было шесть больших и четыре маленьких пожара. Застрелился молодой человек от пламенной любви к одной девице, эта же девица, узнав о его смерти, помешалась в рассудке. Повесился дворник Гускин от неумеренного употребления, потонула вчерашнего числа лодка с двумя пассажирами и маленьким дитем, в «Аркадии» какому-то купцу прожгли на спине дыру и чуть ему шею не сломали, поймали четырех прилично одетых жуликов, и произошло кораблекрушение товарного поезда. Все мне известно, милостивый государь! Скольких разных благоприятных для вас случаев...»

Когда Александр Радищев более двухсот лет назад закончил «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.), в своем предисловии он указал на причины, побудившие его писать: «Я взглянул окрест меня - душа моя стра-

даниями человечества уязвлена стала». Фраза, знакомая всем, сегодня приобретает особую актуальность.

Не эти ли чувства побудили и Виктора Астафьева написать свою «Людочку»? Все-таки среди ряда проблем, затронутых писателем, одна представляется ведущей. Астафьев предупреждает: люди, будьте внимательны, не будьте равнодушными! Вот сейчас, сегодня, на ваших глазах рождается новый, социально опасный тип человека - преступника. И он не одинок в своих опасениях.

Такой же предельно честный художник - кинорежиссер Станислав Говорухин уже создал остро-публицистический и социальный фильм «Так жить нельзя». С экрана миллионам зрителей летят предостерегающие слова: «Самое страшное преступление режима - то, что создан новый тип человека. Нужно помнить, что семьдесят лет неправильного генетического кода нельзя исправить за пятилетку... Страна тюрем и лагерей. Кого ни спросишь в этой стране - сидел, кого ни вспомнишь - погиб». Это фильм-размышление, фильм-диалог, он пронизан страстностью, патриотичностью, личным отношением автора к животрепещущей государственной проблеме. И это роднит его с рассказом В. Астафьева.

И вот уже в одном из недавних номеров городской газеты вижу на первой странице под броским заголовком фотографию лица погибшего, над которым преступник надругался самым изощренным и античеловеческим способом. Здесь же интервью с должностным лицом, из которого следует, что подобного «преступления века» не случилось во Владимире, и вот, нате вам, установлен печальный рекорд (расчленение трупа, с отрезанной головой).

На следующие сутки в нашем учреждении была отпечатана целая пачка подобных снимков - свыше двадцати фотографий, теперь в чисто рабочем порядке, документирующих для следствия и суда совершенное преступление. Так что же - их все на первые страницы газет?

Многие издания в погоне за сенсацией готовы печатать хоть ежедневно как подробные натуралистические репортажи все увеличивающихся трагедий, так и подобные снимки. Часто обращаются к нам, судмедэкспертам. Иным кажется: ведь какой материал пропадает! Когда не столь давно в области начало выходить некое правовое издание, второй фразой зашедшего в наше отделение корреспондента после «здравствуйте» явилась настоятельная просьба о фотографиях трупов. В чем ему, к слову, было твердо отказано.

Другой пример. Когда в прошлом году произошла крупная авиакатастрофа под Ивановом, бригаде экспертов из Владимира через несколько часов довелось побывать на месте трагедии. Как очеви-

дец свершившегося читал все написанное об аварии, и в этом плане самым непрофессиональным материалом оказался очерк, напечатанный в областной газете. Журналистка, не бывшая на месте катастрофы, несколько дней спустя, со слов других и при помощи собственной фантазии, наворотила натуралистическую «солянку», состоящую из множества медицинских и анатомических подробностей, стремясь выжать слезу у читателя. Спрашивается: зачем?

Видит бог, я не против материалов на правовые темы. Скажу больше, обеими руками за, особенно сейчас, когда преступность жирует, набирает силу, выходит на улицы и врывается в дома. Сам пишу об этом. Но, дорогие коллеги-журналисты, давайте расскажем людям не о том, как нелюди издеваются над жертвами, оставив эти подробности юристам и врачам, а о том, как удалось раскрыть содеянное, нарисуем со всей мерой ответственности и таланта портреты преступников. А не жертв, которых, и это подлинно известно экспертам, становится все больше.

Вот мнение писателя Анатолия Алексина по подобным сюжетам: «Привыкание к жестокости (причем в крайних ее проявлениях), к несправедливости, которая губит судьбы людские, я бы назвал «спокойствием на крови». Постыдное качество! Но оно стало проявляться сплошь и рядом: о фактах, от которых должна стынуть в жилах кровь, сообщается, так сказать, в «общем ряду» событий, информационно, по соседству с фактами, кои особых волнений не вызывают. Приведу лишь один пример... Вот рассказывается по телевидению о самом потрясшем меня (пожалуй, на всю мою жизнь!) факте: отец изнасиловал свою восьмимесячную дочь. Еще раз хочу осознать: что же произошло? Каков масштаб преступления? Перед ним, уверен, содрогнулись бы инквизиторы. Но нет содроганий ни в голосах, ни на лицах тех, кто оповещает нас о сумасшедшем росте преступности. В великом романе «Преступление и наказание» история одного преступления стала поводом для глубочайшего психологического и художественного исследования. А здесь... Несколько равнодушных фраз или строк. Преступления, таким образом, подносятся как обыденность, а ведь за ними кровь, жизни, судьбы человеческие. Краткость - конечно, сестра таланта. Но, думается, не в этом случае».

И дабы покончить с этой печальной и деликатной темой, вспомним конец бессмертной трагедии Шекспира:

Пусть Гамлета поднимут на помост
Как воина четыре капитана,
Будь призван он, пример бы он явил

Высокоцарственный; и в час отхода
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нем. -
Возьмите прочь тела. - Подобный вид
Пристоен в поле, здесь он тяготит...

Воистину великий драматург и гуманист дает человечеству пример должного отношения к павшим на вечные времена...

6. Платит тот, кто заказывает музыку

ЕСЛИ оглянуться в недалекое прошлое, то, надо признаться, судебную медицину не баловали своим вниманием журналисты. В лучшем случае появлялись очерк или статья, в которых иногда упоминались судмедэксперты, участвовавшие в раскрытии преступлений. И вот за последние 2-3 года прорвало - на страницах газет, в центральной и местной прессе все чаще печатаются материалы о бедах и нуждах людей, посвятивших себя нашей профессии.

Дабы не утратить эти живительные ручейки, завел я досье, куда и откладываю все по этой теме. Вне зависимости от престижа и ранга изданий статьи, очерки, заметки свидетельствуют о неблагополучии, вызывают к помощи. Вот названия, говорящие сами за себя: «Здесь плохо и живым, и мертвым (в каких условиях работают судебно-медицинские эксперты)», «Разговоры, разговоры...» («Неделя»), «Всетам будем?» («Комсомольская правда»), «Не уроните судмедэксперта», «На птичьих правах», «Разложение, или Почему бастует морг» («Медицинская газета»), «Помни о смерти» («Труд») и т.д. Этот список при желании вполне можно было бы продолжить, добавив к публикациям в центральной прессе десятки выступлений журналистов из областных газет.

Можно привести множество выдержек, целых абзацев, истин, сходных с афоризмами, из хлестких статей, авторы которых кругом правы. Я же хочу остановиться пока на фрагменте из «Недели» (№ 2, 1990 г.), полагая, что в нем ухвачена суть наших небольших проблем: «Глубокой ночью пьяный водитель не справился с управлением, и машина перевернулась. Вызвать судебно-медицинского эксперта не было никакой возможности, и следователю пришлось заскочить в соседнюю больницу, чтобы взять с собой дежурного терапевта. О том, каково пришлось бедолаге-следователю на следующий день, история умалчивает. Известно только, что, придя утром в морг, тот обнаружил: один «труп», забко поеживаясь, слезает с секционного стола, а другой уже занял очередь к соседнему пивному ларьку.

Эта «иллюстрация» к докладу представителя прокуратуры РФ изрядно повеселила участников Всероссийского совещания судебных медиков, прошедшего в Суздале. Тема совещания - взаимодействие с правоохранительными органами. Нигде в мире нет такого положения, когда, существуя на средства одного ведомства (в данном случае Минздрава) и формально подчиняясь ему, подразделение (бюро судебно-медицинской экспертизы) работало бы исключительно в интересах другого ведомства - правоохранительного. Как говорить о полном взаимодействии? К кому взывать о материально-технической базе и денежном стимулировании, если медицина у нас и без того нищая, а правоохранительные органы выступают в роли заказчика, но не кредитора?.. Страшно, конечно, не тогда, когда «трупы» уходят из моргов. Страшно, когда уходят от наказания преступники, вовремя обезвредить которых помогла бы тщательно и в срок проведенная экспертиза».

Сознательно не цитирую больше выдержек. Вряд ли стоит будоражить чувства впечатлительных читателей, но если кто-то увлекается фильмами ужасов, уверен, куда более потрясающие картины можно увидеть и в наших моргах. Да что морги - в лабораториях многих бюро, где проводятся сложнейшие исследования, стоят дорогостоящие импортные приборы, которые трещат от нечеловеческих нагрузок и работают в невыносимых условиях - тесноте, без экологии защиты, вентиляции, а тут все яды, известные человечеству, от древнего мышьяка до современных самогонов.

...Нынешней зимой, когда морозы усилились, в судебно-медицинской лаборатории Владимирского областного бюро (а это здание надо бы отнести к памятникам архитектуры - оно еще дореволюционной постройки) в ночь с пятницы на субботу прорвало канализацию, рухнули потолки. Помещение оказалось без света и тепла, почти два выходных дня из разорванных батарей хлестала горячая вода. И ее потоки заливали шкафы, где хранятся вещественные доказательства - одежда потерпевших и обвиняемых, орудия травмы, в том числе и по расстрельным статьям. Наши биологи плакали, когда в перчатках разбирали мокрые вещи по добрым двум десяткам экспертиз - антигенные свойства крови, иные хрупкие наложения оказались полностью уничтоженными. Теперь ни одно исследование в самом современном медицинском учреждении всего мира не вернет утраченного правосудию. На следующий день к нам зашли два следователя, повздыхав, они составили соответствующие акты. На этом товарищеская «**взаимопомощь**» закончилась. Ремонт обветшалого здания занял около трех месяцев, и все время судмедэксперты лаборатории, а это в основ-

ном женщины, трудились при минусовой температуре, в ватных фуфайках, пуховых платках и валенках, постоянно протирая замерзшими пальцами туманную оптику микроскопов. Примечательно, что ни одно из ответственных лиц прокуратуры и МВД области не зашло в бюро, не поинтересовалось, чем можно помочь экспертам.

Существует такая справедливая пословица, известная всем: «Пусть платит тот, кто заказывает музыку». Наверное, кто-то усмотрит в ней нечто жаргонное, купеческо-кооперативное (последнее целиком относится к нашим временам). Если же отбросить ресторанный «шарм», она вполне применима к давней со времен революции проблеме односторонней связи нашей службы с правоохранительными органами. От судебных медиков требуют музыку, да еще и укоряют, если плохо «играют». Или, скажем, «флейта» или «барабан», то бишь те же довоенные микроскоп или фотоаппарат, не в порядке, им же ни доброго слова «спасибо», ни платы за труд, ни рачительной заботы о работниках-экспертах, как издавна велось на Руси, а ныне стало законом для всего цивилизованного мира.

Вот мнение опытнейшего нашего эксперта, начальника Кемеровского областного бюро, профессора А. Н. Кишиневского, высказанное на страницах журнала «Судебно-медицинская экспертиза»: «Посылки о бесплатности судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в связи с проведением их в соответствующих учреждениях здравоохранения, которое в нашей стране является бесплатным, некорректны, поскольку Конституция гарантирует гражданам квалифицированную медицинскую помощь. Медицинскую же экспертизу никак нельзя отнести к медицинской помощи. Полагаем, что взимание с органов предварительного следствия и суда экономически обоснованной платы позволило бы снизить государственные затраты на содержание экспертных учреждений, уменьшило бы количество необоснованно назначаемых экспертиз, что в итоге позволило бы повысить их качество и научную обоснованность».

шшшш

За годы работы нам пришлось встречаться с разными экспертами. В большинстве это люди знающие, глубоко эрудированные, влюбленные в свою профессию. Возраст и опыт для них не недвижимый капитал, а стимул к росту, поискам, маленьким открытиям, которыми так богата судебная медицина. Иначе и быть не может, ибо без известной доли фанатизма работать судебно-медицинским экспертом не имеет смысла. И уж совсем недопустимы в нашей специальности, впрочем, как и в любой другой, почивание на лаврах, уверенность в собственной непогрешимости. Крылатая фраза К.С. Станиславского: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве» - как нельзя лучше подходит для тех, кто посвятил себя судебной медицине.

...Как-то в середине 80-х годов нам пришлось выехать в район по сложному делу. В лесу, недалеко от шоссе, был обнаружен труп мужчины с огнестрельными ранениями. В потерпевшего стреляли сзади, о чем свидетельствовали входные отверстия в области спины. Сотрудники областного уголовного розыска, прокуратуры, криминалисты - всего около десятка человек - собрались у дверей секционной, где с минуты на минуту должно было начаться вскрытие. Прежде чем приступить к розыску преступника, предстояло выяснить ряд специальных вопросов, в том числе найти пули, которые могли остаться в теле. Эксперт района - молодой человек, совсем недавно окончивший медицинский институт, чувствуя важность происходящего, вел себя край-

не сдержанно и резко, дал понять окружающим товарищам, что именно он, и никто иной, хозяин в данной обстановке. Он грубо остановил эксперта-криминалиста, попытавшегося сфотографировать наружные повреждения, и в гробовом молчании начал вскрытие. Скажу сразу, технически оно не было безупречным. Но стоять в перчатках рядом с ним было неприятно не из-за профессиональных тонкостей. Одну пулю мы нашли быстро, другую обнаружить сразу не удалось. Через час совершенно случайно кто-то заметил ее в складке рубашки, снятой с покойного. Когда обнаруживший пулю взял ее и передал мне, реакция моего соседа оказалась удивительной. Мы и глазом не успели моргнуть, как он, выхватив пулю, высоко поднял ее над головой, торжественно показав окружающим. В эти минуты он был похож на капитана футбольной команды, совершающего с кубком триумфальный круг почета. Молодой врач долго не мог успокоиться и простить другому, что пулю первый заметил не он, хотя тот увидел ее в столь необычном месте лишь по счастливой случайности. Пуля, пройдя сквозь тело, очевидно, утратила свою энергию и застряла в одежде.

К слову сказать, человек, совершивший это убийство (числились за ним и другие преступления), некий Леонид Пантелеев, был задержан лишь через несколько лет после случившегося. По странному совпадению, он оказался почти полным тезкой - по имени и фамилии, знаменитого главаря банды Леньки Пантелеева, наводившего страх на жителей Ленинграда в послереволюционное время.

Прошел десяток лет. Теперь того судмедэксперта нельзя назвать молодым врачом. Появился опыт, определенный уровень знаний. И все же самоуверенность, болезненное самолюбие, нежелание трудиться коллективно, сообща вместе с коллегами, остались. Когда недавно в тех лесных краях произошло убийство при отягчающих обстоятельствах (после смерти тело погибшего облили бензином и подожгли), а преступники были задержаны несколько позднее, прокуратура, руководствуясь соображениями целесообразности и в интересах дела, попросила подключиться к расследованию и экспертов из областного бюро. Эти в общем-то обычные действия вызвали резкую негативную реакцию теперь уже опытного врача, полагавшего, что тем самым посягнули на его высокий «авторитет». Вот пример эксперта гораздо более любящего «себя в искусстве», амбициозного и непривыкшего трудиться сообща, сравнимого, если перейти на театральный язык, с капризной примой в рядовом спектакле районного масштаба.

Конечно, энтузиастов судебной медицины, подлинных патриотов нашего дела гораздо больше. К великому сожалению, упомянуть всех на этих страницах, как мы иногда пишем в своих заключениях, «не представляется возможным».

В свете наших сегодняшних проблем, когда данные по убийствам и другим тяжким преступлениям получили свободный доступ на страницы газет, о них в духе времени, без прикрас, открыто говорится по радио, телевидению и в прессе, судебные медики, постоянно, изо дня в день, сталкивающиеся с этими опасными явлениями, обязаны не ограничивать свою деятельность обычной повседневной работой. Надо идти в люди. Выходить на трудовые коллективы, школу, служащих, студентов, внося не только профессиональный, но и гражданский вклад в общегосударственное дело борьбы с преступностью. Методы правового воспитания могут быть самыми разнообразными. Очень важно, чтобы к этому активнее подключалась экспертная смена.

Наверное, судебную медицину можно считать редкой и романтической профессией. В ней есть многое, что столь притягательно для молодежи: выезды по сложным делам в любое время дня, нередко по ночам, поиск, тайна и стремление к их разгадке, анализ и синтез увиденного, завершающиеся кропотливым лабораторным трудом. Когда мы писали эту книгу, нас часто отвлекали от мучительного, но сладостного процесса сочинительства.

Эти книги писались урывками, перемежаясь с экспертными делами. В период отпусков, в командировках, обычно ранним утром, когда город еще спал, да редкими свободными вечерами. Впрочем, любой из наших товарищей может вспомнить не менее интересные, возможно, куда более увлекательные сюжеты, чем те, о которых рассказывается на этих страницах. А завершить нам свой труд хочется незамысловатыми, но искренними словами самодеятельной песни, сочиненной горьковским судмедэкспертом Львом Фридманом, которую он с неизменным успехом исполняет для коллег под гитару:

Мне иногда бывает грустно, ну хоть плачь,
Душа моя волнуется и бредит,
Мечталось с детства, что я буду врач,
Но получилось, что я стал судебный медик!
Науки точные постигли мы едва,
Точнее нашей нету в целом мире:
Где в общей медицине дважды два,
У нас не исключается четыре...

В конце каждой судебно-медицинской экспертизы есть наиболее важный ее раздел - заключение. В нем сформулированы выводы, вытекающие из проведенного исследования. Описание экспертизы может занять страницу или несколько десятков страниц машинописного текста, к нему прилагаются фототаблицы, схемы и графики. Но в любом случае завершается оно заключением. Это обязательная часть экспертизы, своего рода ее финал. После заключения ставится только личная подпись и печать. Эта последняя глава - наше заключение ко всему, написанному в этих книгах.

Оглавление

От авторов	3
Калибр девять миллиметров	4
Рикошет	Ю
Загадка сувенира	25
Преступник под микроскопом	37
Истребляя жизнь в живом	51
Игры взрослых людей	67
Ночные «коллекционеры»	98
Следственный эксперимент: убийство установлено 5 лет спустя	109
Адвокат Бога или адвокат дьявола: за кулисами одного процесса	114
Экстрасенсы, драма у реки	125
Ростов: 124-ая судебно-медицинская лаборатория	134
Взгля в будущее	141
Прощание с читателем	162

Марк Айзикович ФУРМАН
Владимир Васильевич ХОХЛОВ

Новеллы о криминалистике. Повести и рассказы

Компьютерная верстка Ковригина Н.А.
Редактор Великанова Е.М.
Художественное оформление Лебедев А.А.

ISBN 5-87349-069-4